

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023 Том 6 № 3

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитыко Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстане Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), директор Информационно-аналитического центра «Евразия-Поволжье», Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, профессор кафедры Международные финансы и инвестиции Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, декан факультета практической дипломатии Дипломатической академии Республики Узбекистан, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ); главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 5 2023	Постсоветский кинематограф в настоящем и будущем	до 01.05.2023 г.
№ 6 2023	Номер не тематический	до 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Номер не тематический	до 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Номер не тематический	до 01.11.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2023

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 6 No. 3

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnhorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History,

Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University (MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021.

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 5 2023	Post-Soviet cinema in the present and future	Until 01.05.2023 г.
№ 6 2023	Non-thematic issue	Until 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Non-thematic issue	Until 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Non-thematic issue	Until 01.11.2023 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Узбекистан в мировой политике и международных отношениях

ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хайдаров А.А. Узбекистан: новый взгляд на перспективы сотрудничества в Центральной Азии 243

Мавланов И.Р. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии.....252

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст 266

Велиев Р.Р. Конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном, на фоне подписания трехстороннего соглашения: КНР-Узбекистана-Кыргызстана 281

Искандарзода Б. Проявление исламизма в Узбекистане: характер и особенности....293

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Рахимов М.А., Рахимов С.А. Ключевые сферы взаимодействия Узбекистана с СНГ и ШОС.....300

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

Абдуллаев А.К. Роль транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан.....315

Якубов И.Х. Проблемы развития транспортных коммуникаций в Южную Азию во внешней политике Узбекистана 324

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Сеитов А.П., Уразалиева Г.Б. Этно-демографические особенности института семьи в Узбекистане 332

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Дегтерев Д.А., Курылев К.П., Агазаде М.М. Постсоветский регионализм на перепутье.....341

ПРОБА ПЕРА

Щерба А.А., Ахмедова Н.С., Казьмина Е.Д. «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) как вызов стабильности на постсоветском пространстве.....353

Contents

THEMATIC DOSSIER:

Uzbekistan in world politics and international relations

FUNDAMENTALS OF INTERNATIONAL ACTIVITY

Khaydarov A.A. Uzbekistan: a new view on the perspectives of cooperation in Central Asia.....243

Mavlanov I.R. Foreign Economic Policy Strategy of New Uzbekistan – Transformation of Economic Diplomacy.....252

REGIONAL SECURITY ISSUES

Knyazev A.A. Afghan policy of Uzbekistan: comparative context 266

Ramil R. Veliev. The conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan, against the backdrop of the signing of a trilateral agreement: China- Uzbekistan- Kyrgyzstan.....281

Iskandarzoda B.D. The phenomenon of Islamism in Uzbekistan: character and features..293

INTEGRATION PROCESSES

Rakhimov M.A., Rakhimov S. Key spheres of Uzbekistan relation with the CIS and SCO.....300

INFRASTRUCTURE PROJECTS

Abdullaev A.K. The role of transport diplomacy in the development of foreign trade routes of the republic of Uzbekistan.....315

Yakubov I.H. Problems of development of transport communications to South Asia in the foreign policy of Uzbekistan.....324

HUMAN RESOURCES

Seitov A.P., Urazalieva G.B. Ethno-demographic features of the institution of the family in Uzbekistan.....332

POINT OF VIEW

Degterev D.A., Kurylev K.P., Aghazada M.M. Post-Soviet regionalism at a crossroads.....341

FIRST STEP

Shcherba A.A., Akhmedova N.S., Kazmina E.D. «Islamic movement of Uzbekistan» as a challenge of stability in the post-soviet regio 353

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Узбекистан в мировой политике и международных отношениях

THEMATIC DOSSIER:

Uzbekistan in world politics and international relations

ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ /

FUNDAMENTALS OF INTERNATIONAL ACTIVITY

Научная статья / Research article

Узбекистан: новый взгляд на перспективы сотрудничества в Центральной Азии

А. А. Хайдаров

*Дипломатическая академия при Университете мировой экономики и дипломатии,
Ташкент, Узбекистан
E-mail: akhat54@gmail.com*

Аннотация. Существенные геополитические перемены, происходящие в Центральной Азии с начала 1990-х гг., заставляют по-новому взглянуть на этот регион, находящийся в процессе интегрирования в систему международных отношений и мирохозяйственных связей. Однако этот процесс не всегда протекал ровно и испытывал негативное воздействие различных факторов, к которым прежде всего относятся пограничные и водно-энергетические проблемы, препятствовавшие развитию региональной интеграции. В статье акцентируется внимание на инициативы Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева по перестройке всех отношений с соседями по региону и усилия по созданию новой атмосферы сотрудничества в Центральной Азии, предпринимаемые с конца 2016 г. Работа строится на изучении фактического исторического материала, хроники событий последнего десятилетия и личных наблюдений автора в ходе работы в регионе в отмеченный период; использованы аналитические материалы, опубликованные на страницах зарубежных масс-медиа. Методологической основой данного исследования является сравнительно-исторический метод; работа строится на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Автор приходит к выводу, что Узбекистану в результате реформирования своей внешней политики, проводимой с конца 2016 г., удалось установить продуктивные и дружественные отношения со странами центральноазиатского региона, а инициативы республики по налаживанию регионального взаимодействия, поддержанные её соседями, позволили создать новую атмосферу сотрудничества в регионе. Отмечается, что договорённости, достигнутые с государствами региона в течение последних шести лет вселяют надежду на продолжение диалога и процесса плодотворного регионального сотрудничества.

Ключевые слова: Центральная Азия, пограничные и водно-энергетические проблемы, сотрудничество, интеграция, новая атмосфера сотрудничества.

Для цитирования: Хайдаров А. А. Узбекистан: новый взгляд на перспективы сотрудничества в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2023;3(6):243-251.

Uzbekistan: a new view on the perspectives of cooperation in Central Asia

Abdusamat A. Khaydarov

*Diplomatic academy at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan
E-mail: akhat54@gmail.com*

Abstract. The significant geopolitical changes taking place in Central Asia since the early 1990s make us take a fresh look at this region, which is in the process of integration into the system of international relations and world economic relations. However, this process did not always proceed smoothly and was negatively affected by various factors, which first of all include border and water-energy problems that hindered the development of regional integration. The article focuses on the initiatives of the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev to rebuild all relations with neighbors in the region and efforts to create a new atmosphere of cooperation in Central Asia, undertaken since late 2016. The work is based on the study of factual historical material, chronicles of the events of the last decade and personal observations of the author in the course of work in the region during the noted period; Analytical materials published on the pages of foreign mass media were used. The methodological basis of this study is the comparative historical method; the work is based on the principles of historicism, authenticity and scientific objectivity. The author comes to the conclusion that Uzbekistan, as a result of reforming its foreign policy implemented since the end of 2016, managed to establish productive and friendly relations with the countries of the Central Asian region, and the initiatives of the republic to establish regional cooperation, supported by its neighbors, allowed it to create a new atmosphere of cooperation in the region. It is noted that the agreements reached with the states of the region over the last six years inspire hope for the continuation of the dialogue and the process of fruitful regional cooperation.

Key words: Central Asia, border and water-energy problems, cooperation, integration, new atmosphere of cooperation.

For citation: Abdusamat A. Khaydarov. Uzbekistan: a new view on the perspectives of cooperation in Central Asia // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):243-251 (In Russ.).

Введение

Нерешённость внутрирегиональных проблем на протяжении многих лет оставалась главным препятствием для развития многоплановых отношений между центральноазиатскими государствами. К ним прежде всего относятся пограничные и территориальные проблемы стран региона. В течении многих лет вплоть до времени развала СССР границы республик Центральной Азии неоднократно перекраивались. В результате тех перекроек, как отмечали исследователи Центральной Азии, процесс определения статуса и границ новых республик в Центральной Азии после коммунистической революции был запутанным и затяжным. [Rahimov, Urazaeva 2005]. До недавнего времени положение осложнялось и тем, что не была завершена делимитация и демаркация границ между государствами Центральной Азии.

Другим не менее важным фактором, непосредственно воздействующим на взаимоотношения государств региона и в целом на региональную безопасность, как отмечали зарубежные эксперты, является распределение трансграничных водных ресурсов с растущим потенциалом эскалации

как на национальном, так и на местном уровнях – в пределах прибрежных государств – и на региональном уровне, в том числе на уровне речных бассейнов [Janusz-Pawletta, Gubaidullina 2015]. Близкой точки зрения придерживается и российский исследователь К.П.Боришполец, подчёркивая, что водохозяйственные проблемы стран Центральной Азии выступают важным фактором не только региональной, но и мировой политики [Боришполец 2010]. Здесь следует отметить, что с обретением независимости и появлением государственных границ между республиками Центральной Азии водные ресурсы региона, до этого считавшиеся внутренними водами союзного государства, обрели статус трансграничных водных ресурсов. Это в свою очередь требовало согласованных действий стран региона по рациональному использованию трансграничных водных ресурсов. Однако разные цели и нестыковка временных режимов по использованию водных ресурсов стран верховья – Таджикистана и Кыргызстана, и стран низовья – Узбекистана, Казахстана и Туркменистана порождало конфликтную ситуацию, которая являлась

ещё одним препятствием для полнокровного развития региональной интеграции. Планы и начало строительства Таджикистаном и Кыргызстаном новых крупных гидроэлектростанций в конце 1990-х гг. только подогревали ситуацию в регионе. Эта проблема нашла свое отражение в исследовании Ф.Менга эволюции межгосударственных отношений в Центральной Азии в области водных ресурсов в 1991-2015 гг. [Menga 2018]. Нерешённость этих проблем на протяжении долгого времени являлась одним из главных факторов, препятствовавших полнокровному развитию добрососедских отношений сотрудничества между центральноазиатскими государствами и процессу региональной интеграции середины 1990-х -начала 2000-х гг., а также обеспечения как национальной, так и региональной безопасности, которые, в частности, нашли подробное освещение в работе Р.Р.Бурнашева «Центральная Азия: формирование системы региональной безопасности» [Бурнашев 2013] и других исследованиях отечественных и зарубежных экспертов.

Вместе с тем следует отметить, что интеграционные процессы в Центральной Азии с середины 1990-х гг. протекали на фоне формирования организации Содружества Независимых Государств (СНГ), возникшей после развала СССР. СНГ, несмотря на заявленные цели устава организации от 22 января 1993 года¹, не смогло проявить свою достаточную эффективность. Большинство зарубежных экспертов, в частности американский политолог П.Кубишек, практически единодушно отмечали, что «к концу 1990-х годов стало ясно, что СНГ не выполнило своих обещаний» [Kubisek 2009]. Близкая оценка была дана и бывшим министром иностранных дел Кыргызстана М.Иманалиевым на валдайском форуме в 2016 г., который отмечал, что главная проблема СНГ заключается в том, что его пространство стало рыхлым, пористым и

неоднородным [Imanaliev 2016]. Сложившаяся ситуация привела к поиску новых идей для запуска экономического сотрудничества центральноазиатских стран, народы которых, как справедливо отмечал узбекский исследователь Р.Алимов, объединяла многовековая историческая общность культуры, языка, религии, традиций и родственных связей [Алимов 2005]. Так возникла идея создания Единого экономического пространства (ЕЭП), на основе которой в 1994 году Узбекистаном, Казахстаном и Кыргызстаном было создано интеграционное объединение, получившее название Центрально-Азиатский Союз (ЦАС). В 1998 г. Таджикистан стал четвертым членом организации, которая стала именоваться Центрально-Азиатским Экономическим Сообществом (ЦАЭС), а в дальнейшем оформилась как Организация Центрально-Азиатского Союза (ОЦАС). Однако интеграционный процесс четырёх государств региона завершился неудачей в 2005 г. с принятием решения об объединении ОЦАС с ЕврАзЭС и требует отдельного рассмотрения. Вместе с тем в регионе в начале 1990-х гг. развивалось международное сотрудничество в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии [Рахимов 2011] и формировалось новое международно-политическое пространство [Богатуров, Дундич, Коргун 2014]. Республики Центральной Азии восстановили растущие торговые связи друг с другом, со своими большими соседями и с остальным миром [Linn 2012].

Усилия Республики Узбекистан по созданию новой атмосферы сотрудничества в Центральной Азии.

Несмотря на очевидные неудачи запуска интеграционных процессов в регионе в начале 1990-х гг., сегодня в Центральной Азии отчётливо проявляется тенденция поиска новых форм сотрудничества. Прежде всего это связано с обновлением внешней политики Республики Узбекистана, которая произошла с

¹ Устав содружества независимых государств. // Минск, 22 января 1993 года. URL: <https://lex.uz/docs/2888288>

избранием Ш.М.Мирзиёева Президентом Республики Узбекистан в декабре 2016 г. и началом курса реформ. С этого времени начался новый этап взаимоотношений между Узбекистаном и странами в ЦА. Новое руководство республики взяло курс на сближение и улучшение взаимоотношений с соседями и выстраивание добрососедских отношений.

Уже в 2017 году была принята Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021гг., в которой была отражена одна из важнейших задач внешней политики республики – «создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства»¹. Такой подход стал поворотным этапом во внешней политике Узбекистана в отношении стран Центральной Азии, которая приобрела чёткую направленность - на обеспечение мира и стабильности в регионе, решение самых болезненных проблем региональной безопасности, включая содействие урегулированию ситуации в Афганистане.

Эта линия была подтверждена в выступлении Ш.Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций заявившего, что: «главным приоритетом своей внешней политики Узбекистан сегодня определяет регион Центральной Азии. Мы готовы к разумным компромиссам со странами Центральной Азии по всем без исключения вопросам»².

Основываясь на этой принципиальной линии, Узбекистан стал последовательно прилагать усилия для разрешения пограничных и территориальных проблем с государствами Центральной Азии.

Уже с конца 2016 г. был запущен новый переговорный процесс по вопросам делимитации и демаркации границ со всеми соседями Узбекистана. Только с августа 2016 г. по июль 2018г. были проведены 63 встречи правительственной делегации Узбекистана с

правительственными делегациями соседних стран, в том числе с Казахстаном 17, Кыргызстаном – 27, Таджикистаном – 9, Туркменистаном – 9 и Афганистаном – 1 [Нематов 2018].

В целях быстрого решения пограничных и территориальных проблем 5 апреля 2018г. Президентом Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым был утверждён указ «Приоритетные направления развития внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества Республики Узбекистан с основными зарубежными партнёрами на среднесрочную перспективу». В указе чётко определялась задача по окончательному завершению процесса делимитации и демаркации Государственной границы Узбекистана в качестве одного из важнейших приоритетов внешней политики страны.

Нацеленность Узбекистана на углубление двусторонних отношений и окончательное решение пограничных проблем с Казахстаном завершилось подписанием в Ташкенте договоров о союзнических отношениях и о демаркации государственной границы декабре 2022 г. Решение пограничных проблем позволило существенно нарастить и торговый оборот двух стран. Если в 2016 году объем двустороннего товарооборота составил 2 032,5 млн. долларов США, то только за первые 10 месяцев 2022 года превысил \$4 млрд [Темиров 2023]. Страны намерены достичь ежегодного объёма торговли в \$10 млрд в течение следующих пяти лет.

Определённые договорённости были достигнуты с Туркменистаном, с которым Узбекистан подписал договор о границе ещё в 2000 г.³. Дальнейшее развитие двусторонних отношений нашло отражение в Договоре о стратегическом партнёрстве между странами, подписанного президентами Узбекистана и Туркменистана в Ашхабаде в марте 2017 года, который способствовал возобновлению переговоров

¹ Президент утвердил Стратегию действий по развитию Узбекистана. // 7 февраля 2017. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy/> (дата обращения: 03.03.2017.)

² President Shavkat Mirziyoyev addressed the 72nd Session of the United Nations General Assembly // URL:

<http://prezident.uz/en/lists/view/1063> (дата обращения: 03.03.2017.)

³ Current State of Border Issues in Central Asia. Eurasian Research Institute. // URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/current-state-of-border-issues-in-central-asia/> (Accessed: 07.03.2023)

сторон по демаркации совместной границы в 2019 году. Позитивное развитие двусторонних было отражено и в Декларации об углублении стратегического партнёрства, также подписанного главами двух государств в Ашхабаде в октябре 2022 года, что свидетельствовало о стремлении и решимости сторон «эффективного использования «огромного» имеющегося потенциала Узбекистана и Туркменистана»¹.

Существенные изменения произошли и в узбекско-таджикских отношениях. Поворотным моментом в отношениях двух стран стал визит Ш.Мирзиёева в марте 2018 года в Таджикистан, где было подписано около 27 документов, среди которых соглашения и программы о сотрудничестве в экономической, водно-энергетической, культурной и гуманитарной сферах, был отменен визовый режим. Узбекская сторона выразила готовность всесторонне рассмотреть возможность участия в строительстве гидротехнических сооружений в Республике Таджикистан, в том числе Рогунской ГЭС, с учётом соблюдения общепризнанных международных норм и стандартов по строительству таких объектов»².

В августе 2018 года в ходе визита Эмомали Рахмона в Узбекистан продолжился диалог на высшем уровне, завершившийся подписанием президентами двух государств договора о стратегическом партнёрстве, ставшего прочной основой долгосрочного и всестороннего развития отношений между двумя странами. Июньский визит 2021 г. Ш.М.Мирзиёева в Таджикистан стал отражением дальнейшего углубления двусторонних отношений и устранения препятствий, мешавших их развитию.

¹ Узбекистан и Туркменистан подписали Декларацию об углублении стратегического партнёрства // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/10/21/tm/> (дата обращения: 07.03.2023)

² Совместное заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона об укреплении дружбы и добрососедства. // URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/15249> (дата обращения: 09.03.2023)

Существенно вырос товарооборот двух стран. Если в 2016 года объем двустороннего товарооборота составил 196,8 млн. долларов США, то в 2020 году товарооборот между странами превысил 500 миллионов долларов³. Произошедшие изменения в двусторонних отношениях прессой были названы колоссальными и историческими⁴.

Позитивные изменения произошли и в узбекско-кыргызстанских отношениях. Долгое время причиной охлаждения двусторонних отношений являлись территориальные споры, связанные с неопределённостью линии госграницы, которая оставалась не делимитированной до недавнего времени, а также негативное в прошлом отношение Ташкента к строительству Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане.

Ситуация стала меняться после первого визита Ш.М.Мирзиёева в Кыргызстан 5 - 6 сентября 2017 г., который коренным образом изменил двусторонние отношения между соседними странами. Аналитики ICG (Интернешнел крайзис груп) назвали прорывом, когда Узбекистан и Кыргызстан в 2017 г. договорились о строительстве гидроэлектростанций на реке Нарын, которая питает Сырдарью, пересекающую Узбекистан и Казахстан в направлении Аральского моря [Dalbaeva 2018]. Всего за период с 2016 по 2022 год состоялось 16 встреч на высшем уровне (четыре взаимных визита и 12 встреч в рамках разных международных мероприятий) [Адыгезалов 2023].

Была снята напряжённость и по вопросу строительства Камбаратинской ГЭС. Страны договорились о сотрудничестве в сфере инвестиций, включающий проект Камбаратинской ГЭС. Как отмечала

³ Узбекистан – Таджикистан: новый этап дружбы, добрососедства и отношений стратегического партнерства. // URL: <https://xs.uz/ru/post/uzbekistan-tadzhikistan-novyy-etap-druzhby-dobrososedstva-i-otnoshenij-strategicheskogo-partnerstva> (дата обращения: 09.03.2023)

⁴ Узбекистан – Таджикистан: новый этап дружбы, добрососедства и отношений стратегического партнерства // URL: <https://xs.uz/ru/post/uzbekistan-tadzhikistan-novyy-etap-druzhby-dobrososedstva-i-otnoshenij-strategicheskogo-partnerstva> (дата обращения: 09.03.2023)

кыргызстанские СМИ «участие Узбекистана в строительстве каскада Камбаратинской ГЭС может стать примером первого в Центральной Азии совместного решения водно-энергетической проблемы региона. Также этот проект внесёт весомый вклад в проект CASA-1000»¹.

Такой подход позволил за период 2016-2020 гг. существенно нарастить товарооборот Узбекистана с Кыргызстаном в 3,5 раза до 903 млн. долл. Страны планируют довести взаимный товарооборот до 2 млрд. долл.² В целом, как отмечали немецкие эксперты, «...с 2016 года, при нынешнем президенте Узбекистана Шавкате Мирзиёеве, наметилась значительная динамика регионального сотрудничества» [Rheinbay, Mayer, Wesch, Vinke 2021]. По сути, за короткий период времени произошла переоценка состояния отношений Узбекистана с государствами Центральной Азии на основе реального учёта их национальных интересов.

Существенные изменения произошли и в узбекско-афганских отношениях в 2017 – 2021 гг. За короткий срок произошла смена парадигмы афганского вектора внешней политики Узбекистана. По сути, сформировалось новое восприятие ситуации в Афганистане, ставшее результатом превентивной дипломатии Ташкента. В отмеченный период с республиканским правительством были подписаны соглашения в различных сферах, включая безопасность, экономику, транспорта, здравоохранения и образование. Достигнуто соглашение о строительстве железной дороги по маршруту Мазари-Шариф — Шибирган — Маймана — Герат и чуть позже о строительстве железной дороги по маршруту Мазари-Шариф — Кабул - Пешавар.

Однако события августа 2021 года и приход к власти в стране «Талибан» внесли свои изменения в геополитическую ситуацию в регионе. Сам Афганистан оказался в сложнейшей ситуации, усугубляемой коронавирусной пандемией, глубоким экономическим и гуманитарным кризисом. В этой ситуации Узбекистан начал оказывать гуманитарную помощь соседней стране, большая часть населения которой оказалась на грани голода, сохраняя контакты с временным правительством. Сегодня Узбекистан рассматривает перспективы своего стабильного и устойчивого развития и других стран Центральной Азии в неразрывной связи с развитием ситуации в соседнем Афганистане и его восстановлением.

Вместе с тем начало строительства канала «Куштепа» в бассейне Амударьи, протяжённостью 285 км, не осталось незамеченным в сопредельных государствах Центральной Азии. Талибы ожидают, что проект превратит 550 000 гектаров пустыни в столь необходимые сельскохозяйственные угодья.³ По прогнозам экспертов после окончания строительства канала «Куштепа», средняя обеспеченность водозабора Туркменистаном и Узбекистаном в среднем и нижнем течении реки будет снижена с 80 до 65 процентов.⁴ Отсутствие согласованного управления водными ресурсами с сопредельными странами, как в своё время отмечалось в докладе ICG⁵, может стать причиной появления комплекса проблем с геополитическими, экономическими и международно-правовыми последствиями.

В этой связи в декабре 2022 года Президент Республики Узбекистан Ш.Мирзиёев, затрагивая проблему водных ресурсов региона, отметил, что необходимо начать практический диалог о строительстве

¹ Узбекистан – Кыргызстан: сложные страницы почти перевернуты. // URL: <https://www.caa-network.org/archives/22378/uzbekistan-i-kyrgyzstan-slozhnye-stranicy-pochti-perevernuty> (дата обращения: 09.03.2023)

² Там же.

³ The Taliban are digging an enormous canal. // URL: <https://www.economist.com/asia/2023/02/16/the-taliban-are-digging-an-enormous-canal> (Accessed: 07.03.2023)

⁴ Афганистан - в лабиринтах региональных водных конфликтов // URL: https://www.vb.kg/doc/426662_afganistan_v_labirintah_regionalnyh_vodnyh_konfliktov.html (Accessed: 17.03.2023)

⁵ Central Asia: Water and Conflict. Report 34 // Europe & Central Asia 30 may 2002. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/uzbekistan/central-asia-water-and-conflict> (Accessed: 17.03.2023)

нового канала в бассейне Амударьи с временным правительством соседнего Афганистана и международным сообществом на основе международных норм и учёта интересов всех стран региона¹. Одновременно была выражена уверенность, что такой подход будет поддержан соседями Узбекистана.

Консультативные встречи глав государств Центральной Азии – катализатор процессов регионального сотрудничества.

К концу 2016 года, как отмечалось выше, развитие отношений между странами региона не всегда носило поступательный характер, затрудняя экономическое развитие всего региона и каждой страны в отдельности. Понимание необходимости вывода страны из этой сложной ситуации и налаживания действительно эффективных отношений сотрудничества со странами региона лежало в основе всех инициатив Ш.М.Мирзиёева по реформированию социально-экономической и политической систем, а также внешней политики страны с акцентом на перестройку всех отношений с соседями.

В сентябре 2017 г. Ш.Мирзиёев, выступая на генассамблее ООН, предложил организовать регулярные консультативные встречи глав государств Центральной Азии для обсуждения региональных проблем, направленных на достижение разумных компромиссов по всем проблемным вопросам и создание всеобъемлющих условий для устойчивого развития.

Двумя месяцами позже в ноябре 2017 г. региональные проблемы стали предметом обсуждения на международной конференции под эгидой ООН в Самарканде. Выступая с речью на конференции, глава государства отметил, что прочным фундаментом и гарантом устойчивого развития и процветания региона являются готовность и искреннее стремление к сотрудничеству, а также ответственность всех стран ЦА за общее будущее.

Такая постановка вопроса способствовала запуску консультативных

встреч глав государств региона, первая из которых прошла в Астане в марте 2018 года. К настоящему времени состоялось четыре консультативные встречи глав государств ЦА, на которых обсуждались вопросы расширения регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной и других областях. Учитывая, что страны региона сталкиваются с одинаковыми трудностями, вызовами и рисками, вполне очевидна необходимость поддержания постоянного диалога и развития взаимовыгодного сотрудничества. Это также обусловлено наличием крупных международных конфликтов в Евразии и растущим противостоянием между тремя ведущими центрами сил США, Россией и Китаем, в который может быть втянута и Центральная Азия. В этой связи вопросы развития регионального сотрудничества с акцентом на поддержание мира и стабильности и дальнейшего углубления сотрудничества выходят на первый план повестки консультативных встреч глав государств региона.

В целом в ходе прошедших консультативных встреч были достигнуты существенные результаты, отражающие решимость сторон по обеспечению устойчивого развития региона Центральной Азии посредством дальнейшего укрепления связей в торгово-экономической, инвестиционной, промышленной, финансовой, энергетической, сельскохозяйственной, коммуникационной, социальной, экологической и других сферах, представляющих взаимный интерес. Свидетельством достигнутых договорённостей являются важные соглашения, подписанные по итогам четвёртого Чолпан-Атинского саммита 20-21 июля 2022 года, среди которых:

- Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке.

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу

Узбекистана.

<https://president.uz/ru/lists/view/5774>

URL:

- Концепция взаимодействия государств Центральной Азии в рамках многосторонних форматов
- Центральноазиатская региональная программа «Зелёная повестка дня»;
- Дорожная карта развития регионального сотрудничества (2022-2024 гг.)¹.

При этом, как отмечал первый заместитель директора Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан А.Неъматов: «важно формировать региональную идентичность в качестве несущей конструкции центральноазиатского сотрудничества»².

Заключение

В целом одинаковые или схожие для стран Центральной Азии основные вызовы и угрозы международного терроризма, религиозного экстремизма и наркобизнеса, а также необходимость развития собственных экономик объективно обуславливают стремление государств к сотрудничеству и кооперации. Инициатором налаживания эффективного сотрудничества выступило новое руководство Республики Узбекистан, пересмотревшего свои подходы к развитию отношений с сопредельными странами. Центральная Азия приобрела приоритетное направление во внешней политике страны, в которой развитие экономических отношений стало стержневым элементом новой экономической дипломатии Узбекистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Р.М. Центральная Азия - общность интересов. Ташкент: Шарк, 2005. 464 с.
- Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. Издательство "Аспект Пресс". 2014. 560 с.
- Боришполец К.П. Центральная Азия как региональный проект. Вестник МГИМО-Университета. 2010;(2(11)):112-123. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-2-11-112-123>
- Бурнашев Р.Р. Центральная Азия: формирование системы региональной безопасности. Казахстан- Узбекистан: 20 лет установления дипломатических отношений. Материалы международной научной конференции. Отв ред Султанов Б.К. КИСИ при президенте РК, 2013, С. 32-40.
- Нематов И. Ускорение завершения правового оформления государственной границы со странами Центральной Азии как важный приоритет внешней политики узбекистана.

Сегодня Узбекистану удалось установить продуктивные и откровенно дружественные отношения со странами центральноазиатского региона, а инициативы республики по налаживанию регионального взаимодействия, поддержанные её соседями, позволили создать новую атмосферу сотрудничества в регионе. Подтверждением этого является очевидный прогресс в двусторонних отношениях Республики Узбекистан со всеми государствами Центральной Азии. Важную роль в этом процессе играют и регулярные консультативные встречи глав государств, которые служат катализаторами решения остающихся проблем в регионе и наращивания процессов регионального сотрудничества, основанного на международном праве и взаимном учёте интересов её участников.

Главная цель Узбекистана в предлагаемом региональном сотрудничестве заключается в совместных усилиях для запуска процесса устойчивого развития и процветания в регионе, который будет способствовать поддержанию стабильности и безопасности в Центральной Азии. Такое видение и прагматичные подходы Узбекистана к решению региональных проблем проявляют контуры нового формата сотрудничества с центральноазиатскими государствами, принадлежащими к единому историко-цивилизационному пространству.

¹ Итоги 4-й Консультативной встречи глав государств Центральной Азии. // URL: <https://www.ankasam.org/%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8-4-%D0%/?lang=ru> (дата обращения 11.03.2023)

² ИСМИ: Региональная идентичность – это мощный фундамент совместного развития государств ЦА. // URL: <https://nuz.uz/politika/1270643-ismi-regionalnaya-identichnost-eto-moshhnyj-fundament-sovmestnogo-razvitiya-gosudarstv-cza.html> (дата обращения: 10.03.2023)

Журнал «Xalqaro munosabatlar – Международные отношения», №1/2018.
<https://mfa.uz/ru/press/news/2018/08/15670/>

Рахимов М.А. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии Отв. Ред. Саидов А, Абдуллаев Р. Изд. «Tangi Nashr». Т. 2011. 230 с.

Menga F. Power and Water in Central Asia. New York, 2018. P. 14.

Rahimov M., Urazaeva G. Central Asian Nations & Border Issues. Conflict Studies Research Centre. 2005. Central Asian Series 05/10. https://www.files.ethz.ch/isn/92527/05_Apr.pdf

REFERENCES

Alimov R.M. Sentral'naya Aziya - obshnost' interesov. Tashkent: Shark, 2005. 464 s.;

Bogaturov A.D., Dundich A.S., Korgun V.G. Mejdunarodnie otnosheniya v Sentral'noy Azii. Sobitiya i dokumenti. Izdatel'stvo "Aspekt Press". 2014. 560 s.;

Borishpoles K.P. Sentral'naya Aziya kak regional'niy proekt. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010;(2(11)):112-123. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-2-11-112-123>

Burnashev R.R. Sentral'naya Aziya: formirovanie sistemi regional'noy bezopasnosti. Kazaxstan-Uzbekistan: 20 let ustanovleniya diplomaticheskix otnosheniy. Materiali mejdunarodnoy nauchnoy konferensii. Otv red Sultanov B.K. KISI pri prezidente RK, 2013, 32-40 s.

Menga F. Power and Water in Central Asia. – New York, 2018. P. 14.

Nematov I. Uskorenie zaversheniya pravovogo oformleniya gosudarstvennoy granisi so stranami Sentral'noy Azii kak vajniy prioritet vneshney politiki uzbekistana. Jurnal «Xalqaro munosabatlar – Mejdunarodnie otnosheniya», №1/2018. <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/08/15670/>

Rahimov M., Urazaeva G. Central Asian Nations & Border Issues. Conflict Studies Research Centre. 2005. Central Asian Series 05/10. https://www.files.ethz.ch/isn/92527/05_Apr.pdf

Raximov M.A. Mejdunarodnoe sotrudnichestvo Uzbekistana v kontekste obespecheniya stabil'nosti i ustoychivogo razvitiya v Sentral'noy Azii Otv. Red. Saidov A, Abdullaev R. Izd. «Tangi Nashr». Т. 2011. 230 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хайдаров Абдусамат Ахатович, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Дипломатической академии при Университете мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан. Ташкент, Узбекистан. (E-mail: akhat54@gmail.com).

Abdusamat A. Khaydarov, PhD, Dr. of Sc. (political science), professor, Deputy Director of the Diplomatic academy at the University of World Economy and Diplomacy, Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan. (E-mail: akhat54@gmail.com).

Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии

И. Р. Мавланов

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан

E-mail: ibradjab@yahoo.com

Аннотация. Исследование посвящено вопросам становления и развития экономической дипломатии Узбекистана после приобретения независимости. Целью настоящего исследования является попытка проанализировать необходимость трансформации процесса экономической дипломатии Узбекистана и важность выведение этого направления в стратегию внешнеполитической деятельности, а также предложить меры по выработке соответствующей концепции ее развития на долгосрочную перспективу. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: - в начале представлен краткий анализ причин и условий необходимости самого развития экономической дипломатии Узбекистана; - следом раскрываются пути трансформации экономической дипломатии в Узбекистане с некоторыми конкретными примерами; - затем будут раскрываться конкретные направления развития современной экономической дипломатии Нового Узбекистана и вопросы кадрового и научно-академического обеспечения деятельности экономической дипломатии. В каждой указанной части приведены решения и меры, предпринятые руководством Узбекистана в рамках развития экономической дипломатии. Методологическую основу исследования составили системный и исторический методы, метод сравнения, а также статистический и контент анализ. Сравнительный анализ позволил сопоставить ситуацию в области становления и развития экономической дипломатии Узбекистана, метод историзма дал возможность изучить закономерности развития событий, проанализировать факты и документы, обобщить имеющуюся информацию и сформулировать выводы. Статья была призвана также ответить на следующие вопросы: - почему направлению экономической дипломатии придан высокий государственный статус? - как экономическая дипломатия должна решить задачи, поставленные Президентом Узбекистана; - какие проблемы придется преодолеть экономической дипломатии Узбекистана при решении поставленных задач? В статье обосновано, что современная экономическая дипломатия Узбекистана является стратегическим инструментом внешней экономической политики страны.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика, экономическая дипломатия, Узбекистан, Центральная Азия, экспорт, торговля, иностранные инвестиции, стратегия действий, стратегия развития.

Для цитирования: Мавланов И.Р. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии // Постсоветские исследования. 2023;3(6):252-265.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках совместного грантового проекта «Ташкентского центра перспективных европейских исследований имени Жана Моне» и Центра «Экономической дипломатии» Института перспективных международных исследований при УМЭД.

Благодарность. Автор выражает искреннюю признательность К.П.Курылеву, доктору исторических наук, профессору кафедры теории и истории международных отношений РУДН и Д.А.Дегтереву, доктору политических наук, заведующему кафедрой теории и истории международных отношений РУДН, за их всемерное содействие в развитие двусторонних отношений между нашими университетами, за постоянное приглашение сотрудников УМЭД для участия в международных и двусторонних конференциях,

организованных РУДН, а также за научно-методическую и организационную помощь к публикации статей в журнале «Постсоветские исследования».

Foreign Economic Policy Strategy of New Uzbekistan – Transformation of Economic Diplomacy

Ibragim R. Mavlanov

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: ibradjab@yahoo.com

Abstract. The study is devoted to the formation and development of the economic diplomacy of Uzbekistan after independence. The purpose of this study is an attempt to analyze the need to transform the process of economic diplomacy in Uzbekistan and the importance of bringing this direction into the strategy of foreign policy, as well as to propose measures to develop an appropriate concept for its development in the long term. To achieve this goal, the following tasks are solved in the work: - at the beginning, a brief analysis of the reasons and conditions for the need for the development of economic diplomacy in Uzbekistan is presented; - next, the ways of transforming economic diplomacy in Uzbekistan are revealed with some specific examples; - then specific directions for the development of modern economic diplomacy of New Uzbekistan and issues of personnel and scientific and academic support for the activities of economic diplomacy will be revealed. Each specified part contains decisions and measures taken by the leadership of Uzbekistan as part of the development of economic diplomacy. The methodological basis of the study was systemic and historical methods, comparison method, as well as statistical and content analysis. Comparative analysis made it possible to compare the situation in the field of formation and development of Uzbekistan's economic diplomacy, the historicism method made it possible to study the patterns of events, analyze facts and documents, summarize the available information and formulate conclusions. The article was also intended to answer the following questions: - Why is the direction of economic diplomacy given a high state status? - how economic diplomacy should solve the tasks set by the President of Uzbekistan; - what problems will the economic diplomacy of Uzbekistan have to overcome in solving the tasks set? The article substantiates that the modern economic diplomacy of Uzbekistan is a strategic instrument of the country's foreign economic policy.

Keywords: foreign economic policy, economic diplomacy, Uzbekistan, Central Asia, export, trade, foreign investment, action strategy, development strategy.

For citation: Ibragim R. Mavlanov Foreign Economic Policy Strategy of New Uzbekistan – Transformation of Economic Diplomacy // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):252-265. (In Russ.).

Funding: The study was carried out within the framework of a joint grant project of the Tashkent Center for Advanced European Studies named after Jean Monnet and the Center for Economic Diplomacy of the Institute for Advanced International Studies at the UWED.

Gratitude. The author expresses his sincere gratitude to K.P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University and D.A. Degterev, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University, for their all-round assistance in the development of bilateral relations between our universities, for the constant invitation of UWED staff to participate in international and bilateral conferences organized by RUDN, as well as for scientific, methodological and organizational assistance in publishing articles in the Post-Soviet Research journal.

Введение. Пройдя по историческим меркам небольшой 30-летний путь независимости, Республика Узбекистан на этом пути – от Декларации о суверенитете

от 20 июня 1990г. и Закона Республики Узбекистан "Об основах государственной независимости Республики Узбекистан" от 31 августа 1991г. до Нового Узбекистана – провела глубокие трансформационные преобразования во всех сферах жизни. Если из этого исторического пути взять только сферу внешнеэкономической деятельности – то даже здесь Республика Узбекистан провела кардинальную трансформацию. В этом направлении республика существенно модернизировала экспортную ориентацию и инфраструктуру, переориентировала инвестиционные потоки в новые направления и значительно увеличила их потенциал. Все это говорит о созидательной работе всего народа Узбекистана и лично руководителя страны.

Как было это достигнуто, что послужило толчком к такой модернизации внешнеэкономической сферы в нашей стране за последние годы и трансформации ее основного инструмента реализации – экономической дипломатии? Чем была обусловлена необходимость придания экономической дипломатии Узбекистана такого важного статуса реформировании внешнеэкономической деятельности? На эти вопросы мы пытались ответить в нашем исследовании.

Целью настоящего исследования является проследить процесс трансформации процесса экономической дипломатии Узбекистана и выявить, почему этот инструмент дипломатии превратился в стратегию внешнеполитической деятельности. Для достижения указанной цели в работе предпринята попытка **решить следующие задачи**: провести анализ причин и условий необходимости самого развития экономической дипломатии Узбекистана; раскрыть пути трансформации экономической дипломатии в Узбекистане; проанализировать конкретные направления развития современной экономической дипломатии Нового Узбекистана; определить кадровый и научно-академический потенциал обеспеченности деятельности экономической дипломатии; исследовать официальные решения и меры, предпринятые руководством Узбекистана в рамках развития экономической

дипломатии. Методологическую основу исследования составили системный и исторический методы, метод сравнения, а также статистический и контент анализ. Решая эти задачи, мы пытались понять: почему направлению экономической дипломатии придан высокий государственный статус, как экономическая дипломатия должна решить задачи, поставленные Президентом Узбекистана и какие проблемы придется преодолеть экономической дипломатии Узбекистана при решении поставленных задач.

Чем была обусловлена необходимость развития экономической дипломатии Узбекистана? С первых дней независимости Республики Узбекистан ее внешняя экономическая политика была направлена на дальнейшую интеграцию страны в мировую экономику, обеспечение ее экономической безопасности, полноправное участие в международных экономических организациях, диверсификацию присутствия на мировых рынках путем расширения географии внешнеэкономических связей. На начальном этапе осуществления реформ пришлось практически с нуля формировать современный внешнеэкономический комплекс республики, создать, по существу, новый механизм регулирования внешнеэкономической деятельности. В первые три года независимости реформы в области внешнеэкономической деятельности в Узбекистане заметно продвинулись, прежде всего, в организационно-правовых аспектах. Узбекистан стал больше внимания уделять развитию экспортного потенциала во внешней торговле. Динамика статистики экспорта Узбекистана практически с начала независимости до 2000 год (Табл. 1.) показывает, рост объема экспорта в первые пять лет. Однако, в последующем произошел ее упадок к 2000 году. На это сказались ухудшение конъюнктуры мирового рынка.

Вместе с тем уже в первой декаде XXI века экспорт Узбекистан постепенно набирает темпы (Табл. 2.). На это сказались не только факторы постоянного совершенствования организационной

системы управления внешнеэкономической деятельностью, но и открывшиеся новые рынки для экспорта [Ходжаев 2002; Сиражиддинов 2004], а также принятые новые законодательные акты в области внешнеэкономической деятельности [Хамедов 2007]. Подробные результаты исследований развития экономической дипломатии и торговли Узбекистана этого периода изложены в коллективном труде российских и узбекских ученых [Экономическая дипломатия 2010: 138-176].

Однако уже во второй декаде XXI века экспорт Узбекистана вошел в процесс стагнации. (Табл. 3.). Начал сказываться международный финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. В правительственных и научных кругах тогда стали искать пути выхода из такой ситуации.

Министерство иностранных дел Узбекистана совместно с представительством Программы развития ООН (ПРООН) в Узбекистане разрабатывает совместный проект «Развитие национального потенциала для продвижения и эффективного использования экономической». Для реализации проекта и разработки «Концепции развития экономической дипломатии Республики Узбекистан», создается межведомственная рабочая группа из представителей МИД, министерства экономики, агентства «Узинфоинвест», национальной компании «Узбектуризм» с привлечением ученых экономистов, юристов и политологов Университета мировой экономики и дипломатии. Результаты исследований [Мавланов 2015], представленные в МИД и правительство Узбекистана содержали рекомендации по активизации инструментов экономической дипломатии в стране.

Стагнация торговли периода 2010-2016 годов не могла не беспокоить нового руководителя Узбекистана Ш.М.Мирзиёева. Не важным была и доля Узбекистана в мировом экспорте товаров. Так, по данным ВТО за 2015 г., доля Узбекистана в мировом экспорте товарами составила всего лишь 0,08%, а доля импорта - 0,08%. Доля же Узбекистана в мировом экспорте услугами

составила 0,05%, а доля импорта - 0,02%. По итогам за 2015 г. Узбекистан в мировой торговле товарами по экспорту занял 75 место, а по импорту – 87 место. В мировой торговле услугами Узбекистан по экспорту занял 89 место, а по импорту – 130 место. Немалую обеспокоенность Ш.Мирзиёева вызывало и состояние дел в привлечении прямых иностранных инвестиций. Конечно, за годы независимости в республике реализовано более 5000 крупных проектов в отраслях экономики с привлечением иностранных инвестиций. Однако, несмотря на это, приток иностранных инвестиций в экономику Узбекистана в последний период с 2011 по 2016 год снизился более чем на 40%, с 3,3 млрд долл до 1,9 млрд долл, что было озвучено в ходе Ташкентского международного круглого стола, посвященного вопросам совершенствования инвестиционного климата.¹

Такое положение дел во внешней торговле и привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) не могло оставлять руководителя государства безучастным. Практически через месяц после вступления в должность, Президент Республики Узбекистан Ш.Мирзиёев, выступая на расширенном заседании Кабинета Министров 14 января 2017 г., в своей речи подверг резкой критике состояния дел в стране во внешнеэкономической сфере: состояния экспорта и внешнеэкономической торговли в целом, привлечения иностранных инвестиций, конкурентоспособности республики на мировом рынке. Глава государства дал конкретные поручения, советы и рекомендации по устранению негативных тенденций в этой сфере.²

¹ Приток иностранных инвестиций в Узбекистан снизился более чем на 40%. <https://ru.sputniknews-uz.com/economy/20171108/6768232/Pritok-inostrannyh-investicii.html> (дата обращения: 27.02.2023).

² Доклад Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева на расширенном заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2016 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2017 год.

Проведенный контент-анализ доклада Президента Узбекистана показал наличие значительных проблем во внешнеэкономической сфере (Табл. 5), по которым руководитель государства предложил принять конкретные меры (Табл. 6).

Какие были выбраны пути трансформации экономической дипломатии в Узбекистане? Для преодоления негативного состояния во внешнеэкономической сфере Президентом Узбекистан предпринимаются, на наш взгляд, следующие важные шаги.

Во-первых. Последовал Указ Президента Республики Узбекистан «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах»¹ от 7 февраля 2017 г., в котором уделено важное внимание дальнейшему развитию международного торгово-экономического сотрудничества, в том числе путем расширения связей с ведущими международными и зарубежными финансовыми институтами, либерализация экспортной деятельности, диверсификация структуры и географии экспорта, расширение и мобилизация экспортного потенциала отраслей экономики и территорий. В Стратегии развития и указаниях Президента Узбекистана были поставлены и более амбициозные задачи по привлечению иностранных инвестиций.

Здесь следует обратить внимание и на то, что на необходимость расширения связей с ведущими международными финансово-экономическими организациями нацеливает и усиливающаяся роль многосторонней экономической дипломатии в мире, особенно международных экономических и финансовых организаций (МВФ, ВТО, ОЭСР и др.), о чем

свидетельствуют многочисленные исследования [Barkin 2006]. В этом направлении экономическая дипломатия Китая, превратившись в инструмент экономического роста и развития страны, еще больше нацелена на масштабное сотрудничество в глобальных многосторонних экономических процессах, что стало критически важным для достижения значимых результатов [Zhang 2018]. Здесь можно было бы уместным отметить продвижение многосторонней экономической дипломатии Японии, на что постоянно обращает внимание МИД Японии в ежегодных своих отчетах [Japan's Economic 2022: 287-306]. Данные исследования и опыт отмеченных стран еще раз убеждает в важности принятого решения в Указе Президента Узбекистана о необходимости развития многосторонней экономической дипломатии с ведущими международными финансово-экономическими организациями.

Во-вторых. Президент Ш.Мирзиёев системно и периодически лично проводит селекторные совещания с участием руководителей всех ведомств и регионов по вопросам экспорта и привлечения инвестиций, где неоднократно подчеркивает необходимость коренной модернизации структуры экспорта с увеличением доли экспорта услуг и особенно доли интеллектуальной собственности, рассматривает вопросы привлечения инвестиций. Руководитель государства систематически и неоднократно посещает регионы страны, где на местах лично организывает и рассматривает инвестиционные проекты и проекты по развитию экспортной продукции.

В-третьих. В послании к Олий Мажлису в декабре 2017г. Ш.Мирзиёев обратил внимание МИД и торгово-экономических советников посольств на необходимость использования всех имеющихся возможностей «для повышения инвестиционной привлекательности нашей страны», развития международной торговли и экономики. А уже в январе 2018г. Руководитель Узбекистана провел специальное совещание, посвященное деятельности министерства иностранных

<https://president.uz/ru/lists/view/187> (дата обращения: 25.02.2023)

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О государственной программе по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в «год активных инвестиций и социального развития». <https://lex.uz/docs/4168757> (дата обращения: 28.02.2023)

дел и посольств Узбекистана за рубежом, где он особо подчеркнул, что «экспорт, экспорт и еще раз экспорт», «привлечение иностранных инвестиций, передовых технологий и знаний», а также «расширение туристического потока в Узбекистан» должны стать приоритетными направлениями в деятельности дипломатических учреждений¹. Посольства были закреплены за регионами республики.

Результат работы главы государства по трансформации экономической дипломатии показывает, что в Узбекистане за короткий период принято несколько Указов Президента и постановлений правительства о внешнеэкономической деятельности, экспорте, инвестициях. И уже по итогам 2017 г. объем освоенных иностранных инвестиций в экономику Узбекистана вырос в 1,4 раза и превысил 2,4 млрд долл. При этом доля иностранных вложений в общем объеме инвестиций выросла до 20,4% против 15,3% годом ранее². А в 2019г., в «Год активных инвестиций и социального развития», как отметил Ш.М.Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису 25 января 2020г., Узбекистан «достиг весомых результатов в области привлечения прямых иностранных инвестиций, которые составили 4,2 млрд долл, что на 3,1 млрд долл, или в 3,7 раза, больше по сравнению с 2018 г.»³.

Несмотря на незначительные успехи, экономическая дипломатия Узбекистана того периода сталкивалась со следующими международными вызовами.

Во-первых. На развитие торговли и притока инвестиций в Узбекистан

сказывались международные факторы протекционизма. По данным ВТО с октября 2010 г. по октябрь 2015 г. количество ограничительных мер (торговых тарифных барьеров) в торговле на мировой арене увеличились почти в 5 раз, т.е. количество мер торговых ограничений возросло с 546 до 2557.⁴

Во-вторых. Данные ЮНКТАД показывали увеличение протекционизма и снижение либерализации в мире в области законодательных актов сфере инвестиций. В последние десятилетия произошли существенные изменения в национальной инвестиционной политике многих развитых стран - усилились меры протекционизма в предоставлении самих инвестиций. Данные ЮНКТАД свидетельствовали о том, что в 2016 г. примерно 58 стран и экономик приняли не менее 124 мер, оказывающих влияние на иностранные инвестиции, что стало наивысшим показателем с 2006 г. Из них 84 меры были направлены на либерализацию и поощрение инвестиций, а 22 вводили новые ограничения и нормы регулирования (оставшиеся 18 мер носили нейтральный характер). Доля либерализующих и стимулирующих инвестиции мер составила 79%, что значительно ниже по сравнению с 1990-ми гг.⁵

Во-третьих. Ограниченность числа стран, обладающих реальными источниками, ПИИ. Так, мировая статистика показывает, что 85% всех ПИИ сосредоточено в 10-15 крупных развитых и развивающихся странах. Это уже показывает и сложность задачи привлечения инвестиций. Необходимо было учесть и мировой объем накопленных ПИИ по секторам, который показывал, что около 60% ПИИ сосредоточено в секторе услуг, около 25% - в секторе обрабатывающей

¹ Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на совещании, посвященном деятельности министерства иностранных дел и посольств нашей страны за рубежом. 12 января 2018. <https://president.uz/ru/lists/view/1423> (дата обращения: 28.02.2023).

² Объем иностранных инвестиций вырос до \$2,4 млрд в 2017 году. <https://www.gazeta.uz/ru/2018/01/12/investments/> (дата обращения: 28.02.2023).

³ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 25 Января 2020г. УзА. <https://mfz.uz/ru/press/news/2020/01/23022/> (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Annual Report https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/anrep16_e.pdf, С.93. (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Доклад о мировых инвестициях 2017: Инвестиции и цифровая экономика. Основные тенденции и общий обзор. ООН, ЮНКТАД, Нью-Йорк, 2017. С. 21.

промышленности и только около 6% - в сырьевом секторе.

Эти и другие международные вызовы во внешнеэкономической сфере приходилось преодолевать Узбекистану. И здесь необходимы были мощные инструменты по их преодолению.

Таким инструментом в Узбекистане для реализации внешнеэкономической политики выступила экономическая дипломатия.

Так, 5 апреля 2018 г. Президент Узбекистана подписывает Указ «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», где подчеркнуто, что реформирование системы МИД Узбекистана должно осуществляться «с акцентом на продвижение «экономической дипломатии».¹ Согласно Указа важнейшим направлением становится «усиление координирующей роли Министерства иностранных дел в реализации единой внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности республики». Таким образом, Указ направлен на создание такого мощного инструмента реализации приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Таким инструментом в Указе обозначена Экономическая дипломатия. Результатом реализации Указа становится и создание в МИД Узбекистана отдельного департамента по экономической дипломатии.

Надо здесь особо подчеркнуть то, что впервые направлению «Экономическая дипломатия» придан такой важный официальный государственный статус. Оперирование терминологией «экономической дипломатией» на столь высоком государственном уровне и

введение ее в государственный оборот говорит о том, что руководство Узбекистана прекрасно владеет вопросом, какими научными инструментами пользуются ведущие державы во внешнеэкономической сфере для продвижения своих интересов на мировой арене средствами экономической дипломатии.

В этом плане анализ исследований [Внешняя политика...2019; Foreign Policies...2019], проведенных учеными и экспертами стран СНГ, показал, что многие страны этого региона также активно применяют инструменты экономической дипломатии при продвижении на международной арене своих экономических интересов. При этом министерствам иностранных дел отводится важное место. Вместе с тем, по мнению ученых Лондонской школы экономики [The New Economic Diplomacy...2007: 1-3], экономическая дипломатия – «процесс принятия решений в области международных экономических отношений», которым, в основном, занимается правительство, что намного шире, чем деятельность министерств иностранных дел или структур, близких к нему. Об этих тенденциях развития экономической дипломатии в XXI веке говорится и в другом исследовании коллег Лондонской школы экономики [Yueh 2020], В определенной степени такой позицией придерживается также российский ученый А.Лихачев [Лихачев 2006: 50-51], который под экономической дипломатией понимает средство реализации внешнеэкономической политики государства и официальную деятельность по осуществлению задач этой политики, имея в виду экономические интересы государства, предприятий и предпринимателей, непосредственно причастных к внешнеэкономическим отношениям. Почти близкую позицию занимает французский ученый [Ги Каррон 2003], утверждая важность работы системы экономической дипломатии с предпринимателями и рынком, что значительно повысит эффективность продвижения экономических интересов страны на международный рынок. В этом плане профессор Чарльз Чаттерджи,

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», Ташкент, 5 апреля 2018 г. <https://mfa.uz/ru/press/library/2018/04/14421/> (дата обращения: 28.02.2023).

научный сотрудник Института перспективных юридических исследований Лондонского университета, рассматривает также важную роль неправительственных организаций в экономической дипломатии и проводит линию на использовании экономической дипломатии на международных форумах [Chatterjee 2020]. Но самое главное он дает современное понимание различия между экономической дипломатией и коммерческой дипломатией.

Как видим, научные исследования и подходы в области экономической дипломатии также акцентируют внимание на важности этого дипломатического инструмента в реализации внешней экономической политики. Вместе с тем важно отметить и то, что ни во странах, ни даже во многих странах Запада и Востока нет такого государственного документа, который придавал бы такое важное государственное значение экономической дипломатии.

Как пример, экономическая дипломатия Узбекистана должна сыграть важную роль в Центральной Азии. Экономическая дипломатия Узбекистана видит в Центральной Азии перспективный экономический, инвестиционный и торговый рынок, обладающий стратегическим потенциалом для создания совместных предприятий в сфере малого и среднего бизнеса, который может составить ключевой сектор и дать экономике Узбекистана преимущества в долгосрочной перспективе. Регион Центральной Азии является для Узбекистана важным объектом в реализации транспортно-коммуникационных, водно-энергетических, торговых проектов, которые могут способствовать быстрому выходу стран Центральной Азии к мировым рынкам, превратить Центральную Азию в устойчиво развивающийся экономически и всесторонне процветающий регион.

За последние два года Президент Узбекистана Ш.Мирзиёев, посетив Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, сделал важные шаги в этом направлении. Об этих вопросах Ш.Мирзиёев говорил в Самарканде на международной

конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в ноябре 2017г. и в марте 2018 г. в Астане на консультативной встрече глав государств Центральной Азии. Так, в Астане Ш.Мирзиёев внес предложения по конкретным механизмам реализации приоритетов регионального экономического сотрудничества¹. Предлагая дальнейшее углубление региональных торгово-экономических связей, Президент Узбекистана, подчеркнул важность обеспечения полноценного функционирования режима свободной торговли между странами региона, интенсивное развитие приграничной торговли, производственной кооперации, расширение сотрудничества между регионами стран; наладить прямой диалог между бизнес-сообществами, ведущими зарубежными инвесторами для продвижения конкретных проектов, совместное использование водных ресурсов, объединить совместные усилия для кардинального повышения транзитно-логистического потенциала Центральноазиатского региона в целях реализации транспортно-коммуникационных проектов, которые позволят связать Центральную Азию с крупнейшими морскими портами и мировыми рынками.

На второй консультативной встрече глав государств Центральной Азии в Ташкенте 29 ноября 2019 г., Президент Узбекистана Ш.Мирзиёев особо выделил следующие приоритеты «расширяющегося регионального партнерства» стран Центральной Азии: практическая реализация задач в торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах.

¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на консультативной встрече глав государств Центральной Азии. <http://jahnnews.uz/ru/aktualno/124/44767/> (дата обращения: 27.02.2023).

На что направлено развитие современной экономической дипломатии Нового Узбекистана?

Во-первых, как следует из установок и ориентиров Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева и Стратегии развития Узбекистана¹, главной целью экономической дипломатии Республики Нового Узбекистан является - укрепление экономической независимости и экономического суверенитета государства, отстаивание национальных экономических интересов, обеспечение экономической безопасности страны и экономической стабильности в регионе, формирование благоприятных внешнеэкономических условий для устойчивого развития экономики Узбекистана, ее экономической и технологической модернизации, перевода на инновационный путь развития, повышения уровня и качества жизни населения. Как указано в Стратегии развития Нового Узбекистана, Цель 95 напрямую обозначает «усиление экономической дипломатии» и определяет приоритетные направления развития, такие как:

Во-вторых, для реализации главной цели и основных направлений задачами экономической дипломатии в Стратегии развития Нового Узбекистана являются: развитие экспорта, привлечение иностранных инвестиций, передовых технологий и знаний, а также расширение туристического потока в Узбекистан. Так, среди них: дальнейшее повышение экспортного потенциала республики и доведение объемов экспорта республики в 2026 году до 30 миллиардов долларов США; дальнейшее улучшение и повышение привлекательности инвестиционного климата в стране, принятие мер по привлечению в последующие пять лет инвестиций в объеме 120 миллиардов долларов США, в том числе 70 миллиардов долларов иностранных инвестиций; увеличение числа зарубежных туристов,

пребывающих в республику, до 9 миллионов в рамках реализации программы «Путешествуйте по Узбекистану». Реализация этих задач позволит продвижению развития и завоеванию авторитетных позиций в современной системе мировой экономики, в наибольшей мере отвечающих интересам Республики Узбекистан.

Трансформация кадрового и научно-академического обеспечения деятельности экономической дипломатии.

Практическая реализация масштабных задач экономической дипломатии Узбекистана потребует трансформации решения еще двух важных поросов: кадровое и научно-академическое обеспечение деятельности экономической дипломатии.

Что касается кадрового обеспечения, то важнейшим, на наш взгляд, является выступление Президента Ш.Мирзиёева в январе 2018 г. на совещании, посвященном деятельности министерства иностранных дел и посольств нашей страны за рубежом, где он не только высказал критические замечания в этой сфере, но и обозначил основные требования к дипломатическим кадрам в области экономической дипломатии.

Другим важным документом является Указ Президента Узбекистана «О мерах по коренному совершенствованию системы МИД Республики Узбекистан ....»², который направлен на «кардинальный пересмотр кадровой политики в Министерстве иностранных дел и заграничных учреждениях Республики Узбекистан путем внедрения передовых и прозрачных организационно-правовых механизмов подбора, подготовки, переподготовки и повышения квалификации, ротации и формирования

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы» (Национальная база данных законодательства, 29.01.2022 г., №06/22/60/0082). <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения: 28.02.2023).

² Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», Ташкент, 5 апреля 2018 г. <https://mfa.uz/ru/press/library/2018/04/14421/> (дата обращения: 28.02.2023).

перспективного резерва дипломатических кадров».

Особо значимым в вопросе подготовки дипломатических кадров стало создание Дипломатической академии при Университете мировой экономики и дипломатии в соответствии с Постановления Президента Республики Узбекистан «О мерах по системному реформированию деятельности Университета мировой экономики и дипломатии» от 23 июля 2022 года.

Эти три документа должны служить отправным пунктом, настольным руководством и важнейшим ориентиром для подготовки кадров в области экономической дипломатии.

Реализация этих ориентиров Президента Узбекистана позволит создание в УМЭД и в других экономических университетах Узбекистана, специального направления по подготовке магистров по специальностям «Экономическая дипломатия», а также создание новых специальностей в магистратуре, связанных с экономической дипломатией, таких как: «Коммерческая дипломатия и транснациональный бизнес», «Международная логистика», «Международное экономическое право», «Публичная дипломатия и/или международные переговоры».

Что касается научно-академического обеспечения деятельности экономической дипломатии, то научные исследования в этой области ведутся в УМЭД более 15 лет. Они показали и подтвердили многие научные прогнозы и предположения о важности развития экономической дипломатии. За этот период в УМЭД издано десятки книг, включая несколько монографий, учебников и пособий по экономической дипломатии [Мавланов 2016], ведется преподавание этой дисциплины на бакалавриате и в магистратуре, издана серия книг и научных статей за рубежом.

Результаты наших исследований также показывают, что было бы желательным предложить разработать «Концепцию развития экономической дипломатии Республики Узбекистан». В основу новой

«Концепции развития экономической дипломатии Республики Узбекистана» должны быть положены необходимость дальнейшего укрепления внешнеэкономической независимости и безопасности, увеличения и продвижения экономической конкурентоспособности на международной арене, укрепления международного внешнеторгового, инвестиционного и туристического имиджа республики, закрепления международного признания Республики Узбекистан как страны, идущей по пути устойчивых позитивных экономических реформ. Концепция должна стать базовым документом по реализации Стратегии развития Узбекистана и системы мероприятий внешнеэкономической деятельности республики, в которой излагаются ее цели, приоритеты, принципы и задачи по обеспечению и повышению конкурентоспособности экономики Республики Узбекистан на мировой арене. Концепция должна быть призвана обеспечить эффективное взаимодействие органов государственной власти, институтов, организаций и общественных объединений в обеспечении, развитии и реализации внешнеэкономической политики и экономических интересов Республики Узбекистан на международном рынке.

Выводы. На основании изложенного представляется обоснованным утверждать, что трансформация экономической дипломатии реально становится стратегией внешнеэкономической политики Нового Узбекистана. Это будет способствовать тому, что экономическая дипломатия современного Узбекистана сможет реально стать действенным инструментом на пути устойчивого развития национальной экономики. Это также позволит создать в Узбекистане мощную и развитую Школу экономической дипломатии, что явилось бы своего рода хорошим и новым брендом не только для УМЭД и республики, но для международного образовательного пространства в целом. А это, в свою очередь, положительно для имиджа Республики Узбекистан.

Практическое значение современной экономической дипломатии Узбекистана заключается в том, что она должна возбудить и создать у мирового рынка глобальный аппетит на товары, услуги, идеи и рынок инвестиций Узбекистана. Экономическая дипломатия Узбекистана образца XXI столетия — это в растущей степени открытая дипломатия, ориентирующаяся на опережающие действия и лидерство в

постановке актуальных вопросов мирового экономического развития.

Таким образом, надо еще раз подчеркнуть, что экономическая дипломатия должна стать фундаментальным стратегическим инструментом в реализации внешней экономической политики и национальных внешнеэкономических интересов в архитектуре Нового Узбекистана на долгосрочную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Внешняя политика стран СНГ: Учебник для вузов / Ред.-сост. Д.А.Дегтерев, К.П.Курьлев. 2-е изд. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 496 с.
- Ги Каррон де ла Каррьер*. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок / Пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2003. 296 с.
- Лихачев А.Е.* Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2006. 461 с.
- Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Аспект Пресс», 2016. 528 с.
- Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия для развития национального потенциала. Ташкент: УМЭД, ПРООН, 2015. 566 с.
- Сиражиддинов Н.* Проблемы повышения эффективности внешней торговли Узбекистана: теоретически-методологические аспекты. Ташкент: УМЭД, 2004. 224 с.
- Хамедов И.А.* Задачи и организационно-правовые вопросы экономической дипломатии // Международные отношения: политика, экономика, право. Ташкент, 2007. № 3. С. 50-58.
- Ходжаев Б.А.* Методологические аспекты обоснования экспортного потенциала как фактора эффективности внешнеэкономической деятельности // Международные отношения: политика, экономика, право. Ташкент, 2002. № 3. С. 33-39.
- Экономическая дипломатия в условиях глобализации. Учебное пособие / Под общей редакцией Л.М.Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2010. 624 с.
- Foreign Policies of the CIS States: A Comprehensive Reference / Denis Degterev and Konstantin Kurylev (Eds). US Boulder and UK London: Lynne Rienner Publishers, 2019. 517pp.
- Barkin J.S.* International Organization: Theories and Institutions. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 185 p.
- Chatterjee Charles.* Economic Diplomacy and Foreign Policy-making. 1st ed. New York: Palgrave Macmillan, 2020. 216 p.
- Japan's Economic Diplomacy to Promote National and Global Interests (287-306 с.) / Diplomatic Bluebook 2022. Japanese Diplomacy and International Situation in 2021. Ministry of Foreign Affairs, Japan. https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2022/pdf/pdfs/2022_all.pdf
- The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations / N.Bayne and S.Woolcock (eds.). Hampshire: Ashgate, 2007. 391 p.
- Yueh Linda.* Economic Diplomacy in the 21st Century: Principles and Challenges. / LSE-IDEAS. London School of Economics and Political Science. STRATEGIC UPDATE AUGUST 2020. <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/LSE-IDEAS-Economic-Diplomacy-in-the-21st-Century.pdf>
- Zhang Shuxiu.* Chinese Economic Diplomacy: Decision-making actors and processes. 1st Edition. London, UK: Routledge, 2018. 268 p.

REFERENCES

- Vneshnyaya politika stran SNG: Uchebnik dlya vuzov / Red.-sost. D.A.Degterev, K.P.Kurylev. 2-е изд. М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019. 496 s.

- Gi Karron de la Karr'er.* Ekonomicheskaya diplomatiya. Diplomat i ryok / Per. s franc. – M.: ROSSPEN, 2003. 296 s.
- Lihachev A.E.* Ekonomicheskaya diplomatiya Rossii. Novye vyzovy i vozmozhnosti v usloviyah globalizacii. M.: ZAO «Izd-vo «Ekonomika», 2006. 461 s.
- Mavlanov I.R.* Ekonomicheskaya diplomatiya. Uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: «Aspekt Press», 2016. 528 s.
- Mavlanov I.R.* Ekonomicheskaya diplomatiya dlya razvitiya nacional'nogo potentsiala. Tashkent: UMED, PROON, 2015. 566 s.
- Sirzhiddinov N.* Problemy povysheniya effektivnosti vneshnej trgovli Uzbekistana: teoreticheski-metodologicheskie aspekty. Tashkent: UMED, 2004. 224 s.
- Hamedov I.A.* Zadachi i organizacionno-pravovye voprosy ekonomicheskoy diplomatii // Mezhdunarodnye otnosheniya: politika, ekonomika, pravo. Tashkent, 2007. № 3. S. 50-58.
- Hodzhaev B.A.* Metodologicheskie aspekty obosnovaniya eksportnogo potentsiala kak faktora effektivnosti vneshneekonomicheskoy deyatelnosti // Mezhdunarodnye otnosheniya: politika, ekonomika, pravo. Tashkent, 2002. № 3. S. 33-39.
- Ekonomicheskaya diplomatiya v usloviyah globalizacii. Uchebnoe posobie / Pod obshchej redakciej L.M.Kapicy. M.: MGIMO-Universitet, 2010. 624 s.
- Foreign Policies of the CIS States: A Comprehensive Reference / Denis Degterev and Konstantin Kurylev (Eds). US Boulder and UK London: Lynne Rienner Publishers, 2019. 517pp.
- Barkin J.S.* International Organization: Theories and Institutions. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 185 p.
- Chatterjee Charles.* Economic Diplomacy and Foreign Policymaking. 1st ed. New York: Palgrave Macmillan, 2020. 216 p.
- Japan's Economic Diplomacy to Promote National and Global Interests (287-306 c.) / Diplomatic Bluebook 2022. Japanese Diplomacy and International Situation in 2021. Ministry of Foreign Affairs, Japan. https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2022/pdf/pdfs/2022_all.pdf
- The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations / N.Bayne and S.Woolcock (eds.). Hampshire: Ashgate, 2007. 391 p.
- Yueh Linda.* Economic Diplomacy in the 21st Century: Principles and Challenges. / LSE-IDEAS. London School of Economics and Political Science. STRATEGIC UPDATE AUGUST 2020. <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/LSE-IDEAS-Economic-Diplomacy-in-the-21st-Century.pdf>
- Zhang Shuxiu.* Chinese Economic Diplomacy: Decision-making actors and processes. 1st Edition. London, UK: Routledge, 2018. 268 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица 1

Экспорт Узбекистана за период 1992-2000гг. (млрд. долл.) /
Export of Uzbekistan for the period 1992-2000. (billion dollars)

Год / Year	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Объем экспорта / Export volume	2,735	2,722	2,550	3,430	4,210	4,025	3,530	3,235	2,817

Источник: Оставлено автором на основе WTO Stats. <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 27.02.2023).

Таблица 2

Экспорт Узбекистана за период 2001-2009гг. (млрд. долл.) /
Export of Uzbekistan for the period 2001-2009. (billion dollars)

Год / Year	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Объем экспорта /	2,708	2,513	3,189	4,280	4,749	5,617	8,029	10,298	10,735

Export volume									
----------------------	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Источник: Оставлено автором на основе WTO Stats. <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 27.02.2023).

Таблица 3

Экспорт Узбекистана за период 2010-2016гг. (млрд. долл.) /

Export of Uzbekistan for the period 2010-2016. (billion dollars)

Год / Year	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Объем экспорта/ Export volume	11,695	13,254	11,210	12,000	11,500	9,443	8,974

Источник: Оставлено автором на основе WTO Stats. <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 27.02.2023).

Таблица 4

Экспорт Узбекистана за период 2017-2022гг. (млрд. долл.) /

Export of Uzbekistan for the period 2017-2022. (billion dollars)

Год / Year	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Объем экспорта/ Export volume	10,079	10,921	14,024	13,097	14,081	19,300

Источник: Оставлено автором на основе WTO Stats. <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 27.02.2023). Инфографика: Внешняя торговля Узбекистана за 2022 год.

<https://review.uz/post/infografika-vneshnyaya-torgovlya-uzbekistana-za-yanvar-dekabr-2022-goda> (дата обращения: 27.02.2023).

Таблица 5

Контент анализ доклада Ш. Мирзиёева по проблемам /

Content analysis of Sh. Mirziyoyev's report on problems

Проблемы, поднятые в докладе	Количество упоминаний проблемы в докладе
Финансы	29
Инвестиции	21
Экспорт	18
Импорт	13
Макроэкономика	8
Предпринимательство	8
Конкурентоспособность	7

Таблица 6

Контент анализ доклада Ш. Мирзиёева по предложенным мерам/
Content analysis of Sh. Mirziyoyev's report on the proposed measures

Меры, предложенные в докладе	Количество предложенных мер
Предупредить	5
Сделать критический анализ	10
Принципиально оценить	13
Предъявлены недостатки	18
Персональная ответственность	21
Внести предложения	28
Сделать конкретные выводы	34

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мавланов Ибрагим Раджабович, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов и инвестиций, Университет мировой экономики и дипломатии. Ташкент, Узбекистан. (E-mail: ibradjab@yahoo.com).

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of International Finance and Investments, University of World Economy and Diplomacy. Tashkent, Uzbekistan. (Email: ibradjab@yahoo.com).

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ / REGIONAL SECURITY ISSUES

Научная статья / Research article

Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст

А. А. Князев

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика РУз на афганском направлении — как с точки зрения обеспечения безопасности, так и в контексте экономического и транспортного взаимодействия. Отмечается неэффективность общей с другими странами коллективной политики изоляции от зоны конфликта, приведшая к радикализации движения талибов и росту угроз со стороны Афганистана. Негативные последствия имела и политика Узбекистана и других стран региона по взаимодействию с этнополитическими группами национальных меньшинств, исключая контакты и взаимодействие с движением «Талибан». В последующем проактивная политика Узбекистана превращает его в фактического регионального лидера в отношении Афганистана, при этом внешняя политика Узбекистана реализуется в рамках многовекторной внешнеполитической концепции. Геополитические изменения 2022 года серьезно повышают значимость всего региона и Узбекистана для России. Сохранение уровня стабильности в Афганистане становится также важной общей задачей. Узбекистан находится в группе стран, занимающих наиболее конструктивные и позитивные позиции в отношении афганской проблемы. Среди других интересов Узбекистана выделяются трансграничные коммуникационные проекты. В частности, это проект трансафганской железной дороги, интерес к участию в нем в 2022 году проявляется и российской стороной. Основные угрозы нестабильности для Афганистана и стран Центральной Азии связаны с геополитическими устремлениями США. США обладают большим количеством прокси-ресурсов для эскалации военно-политического конфликта в Афганистане, который обязательно будет проецироваться и на страны региона. Эта ситуация делает необходимой более интенсивную координацию действий в отношении Афганистана для Узбекистана и всех заинтересованных стран: России, стран Центральной Азии, Ирана, Китая, Пакистана, Индии.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, внешняя политика, Центральная Азия, движение талибов, трансграничные проекты, безопасность

Для цитирования: Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023;3(6):266-280.

Afghan policy of Uzbekistan: comparative context

Alexander Al. Knyazev

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Abstract. The article discusses the policy of the Republic of Uzbekistan in the Afghan direction — both from the point of view of ensuring security, and in the context of economic and transport cooperation. The ineffectiveness of the collective policy of isolation from the conflict zone common with other countries, which led to the radicalization of the Taliban movement and the growth of threats from Afghanistan, is noted. The policy of Uzbekistan and other countries of the region to interaction with ethno-political groups of national minorities, which excludes contacts and interaction

with the Taliban movement, also had negative consequences. Subsequently, the proactive policy of Uzbekistan turns it into a de facto regional leader in relation to Afghanistan, while the foreign policy of Uzbekistan is implemented within the framework of a multi-vector foreign policy concept. Geopolitical changes in 2022 seriously increase the importance of the entire region and Uzbekistan for Russia. Maintaining the level of stability in Afghanistan is also becoming an important common task. Uzbekistan is in the group of countries that take the most constructive and positive positions on the Afghan problem. Among other interests of Uzbekistan, cross-border communication projects stand out. In particular, this is a project of the Trans-Afghan railway, and Russian side is also showing interest in participating in it in 2022. The main threats to instability for Afghanistan and countries of Central Asia are connected with the geopolitical aspirations of the United States. The United States has a large number of proxy resources for the escalation of the military-political conflict in Afghanistan, which will certainly be influence to the countries of region. This situation necessitates more intensive coordination of actions regarding Afghanistan for Uzbekistan and all interested countries: Russia, the countries of Central Asia, Iran, China, Pakistan, and India.

Keywords: Uzbekistan, Afghanistan, foreign policy, Central Asia, Taliban movement, cross-border projects, security

For citation: Alexander Al. Knyazev Afghan policy of Uzbekistan: comparative context // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):266-280. (In Russ.).

Особенностью рассматриваемой тематики является то обстоятельство, что, применительно к самому новейшему времени и в силу динамичных трансформаций, изучаемых объекта и предмета, по ней за редкими исключениями отсутствуют полноценные академические исследования. Анализ происходящих процессов в большинстве случаев носит оперативный и, соответственно, кратковременный характер, исключая, как правило, определение долгосрочных тенденций и фундаментальных оценок. Важной спецификой, ограничивающей использование большинства существующих материалов, включая и событийный ряд, является высокая степень их ангажированности заинтересованными сторонами, что превращает информацию в элемент современных конфликтов различного уровня. В этих условиях опора на информацию о тех или иных фактах и событиях чрезвычайно часто становится основой для субъективных оценок и мнений. Тем не менее, в исследовательской работе, предмет которой находится в постоянном и динамичном развитии, средства массовой информации являются зачастую едва ли не единственным средством фиксации информации о текущих событиях, включая оценки и мнения участников этих событий и, следовательно, важным и необходимым источником, требующим постоянной верификации на предмет достоверности.

Имманентным изъяном многих из имеющихся исследований нужно считать и недостаточность базовых востоковедческих знаний об Афганистане, что зачастую становится причиной ошибочных представлений и выводов. Формирование мнений о происходящем в Афганистане в высокой степени формируется в хаотичном информационном пространстве под воздействием стереотипов, зачастую созданных авторами, далекими от реальной исследовательской практики.

Тем не менее, ряд имеющихся публикаций академического характера рассматривает долгосрочные тенденции по ситуации в Афганистане с проекцией на страны Центральной Азии, включая и их внешнеполитическую активность. Эволюция системы региональной безопасности в регионе в большом историческом измерении рассматривается в работах С.М. Акимбекова и А.А. Князева [Акимбеков 2003, Князев 2004]. Афганское направление внешней политики Узбекистана и других стран региона в разные периоды времени качественно рассматривают центральноазиатские авторы, например Р.Б. Махмудов, Б.И. Эргашев, С.Т. Мирзоев и ряд других [Махмудов 2021, Эргашев 2013, Мирзоев 2019].

Трансграничные проекты занимают ключевое место в афганской политике Узбекистана, являясь одним из главных приоритетов этой политики и предметом внимания в

исследованиях по трансграничным коммуникациям. Фундаментальные характеристики транспортно-логистических проектов, формирующих взаимосвязанность Афганистана с Центральной Азией, дает еще в начале XX века один из классиков российского востоковедения А.Е. Снесарев [Снесарев 2002, 2017]. Применительно к настоящему времени эти вопросы рассматриваются в работах ряда исследователей в странах региона и в России [Сафранчук, Махмудов, 2021].

Необходимость преодоления многих современных деформированных представлений о процессах в Афганистане и его связях со странами региона обуславливает и потребность в рассмотрении данной тематики путем применения признанных научных методологических подходов, включая и сравнительный анализ. Особенно актуально это становится в связи с происходящими процессами стремительной глобальной трансформации международного пространства, когда анализ, имеющий инструментальную значимость для практической политики, является важной прикладной задачей.

Ретроспективный взгляд

С распадом СССР элиты новых независимых государств оказались заняты основами государственного строительства и собственного самоопределения. Проблемы региональной безопасности выглядели вторичными благодаря тому, что афганское направление внешней политики новых государств Центральной Азии — Узбекистан в этом не был каким-либо исключением — сохраняло инерцию последних лет существования Советского Союза. На афганском направлении система безопасности в регионе после вывода советских войск из Афганистана опиралась на два момента. Во-первых, на сохранение возможной изоляции от событий в Афганистане, во-вторых — на поддержку режима правительства Наджибуллы, который, по сути, должен был выполнять функции буферного государства [Акимбеков 2003: 175-178]. В силу этой инерции и на фоне происходившей в 1992-1994 гг. локализации афганского конфликта медленно, во многом противоречиво, осуществлялась трансформация системы безопасности позднего СССР в новую региональную систему безопасности государств Центральной Азии.

Главным условием действенности этой системы безопасности была избрана та же изоляция от зоны афганского конфликта. Впрочем, в новых условиях полноценно сохранить этот принцип оказалось невозможным, а приход талибов к власти в Кабуле в сентябре 1996 года заставил руководителей стран региона (за исключением занявшей особую позицию Туркмении) и России более активно реагировать на соседство со страной, находящейся в состоянии военного конфликта.

В целом, обновленная и чаще формально согласованная политика стран региона оставалась скорее бессистемной, ситуативной, и за исключением отдельных рефлексий направленной на прежнюю изоляцию от Афганистана.

Новым элементом этой политики была поддержка антиталибских сил, что одновременно препятствовало какому-либо взаимодействию с правительством «Талибана». Обстоятельства, связанные с гражданской войной в Таджикистане, вынудили основных тогдашних акторов региональной системы безопасности — Узбекистан и Россию — искать пути нейтрализации негативного воздействия с афганской территории. Это была попытка создать систему буферных образований: до конца 1990-х гг. Россия и Узбекистан взаимодействовали с афганскими антиталибскими группировками. Узбекистан оказывал поддержку преимущественно узбекской группировке генерала Абдул Рашида Дустума, Россия при посредничестве Таджикистана поддерживала контакты с таджикским правительством Бурханутдина Раббани [Князев 2004: 184]. Но весь ход развития событий в Афганистане к концу 1990-х гг. свидетельствовал о низкой эффективности избранных стратегий и тактик. Принципиально важной ошибкой этого периода нужно считать ставку, сделанную на этнополитические группировки этнических меньшинств — как в политике России и Таджикистана, так и в политике Узбекистана.

К маю 1999 г. относятся первые известные инициативы Узбекистана по налаживанию двусторонних отношений с талибами. Летом 1999 г. министр иностранных дел РУз в неафишируемой части своего визита в Па-

кистан побывал и в Афганистане, в Кандагаре, где встретился с лидером «Талибана» муллой Мохаммадом Омаром: это была первая встреча лидера талибов с официальным лицом из стран СНГ такого ранга. На встрече обсуждался вопрос участия представителей движения «Талибан» в предстоявшей в тот момент в Ташкенте встрече по афганскому урегулированию в формате «6+2». Камилов вручил мулле Омару послание президента Узбекистана Ислама Каримова с призывом к установлению добрососедских отношений между Узбекистаном и движением «Талибан», однако мулла Омар заявил, что «Талибан» не будет участвовать в ташкентских переговорах, если не будет приглашен как официально признанное правительство Афганистана [Князев 2004: 194-195]. Вопрос, который в тот момент в наибольшей степени волновал руководство РУз — это кооптация Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в ряды союзников талибов. Однако, эта диалоговая тенденция была прервана событиями 2001 г. и не в последнюю очередь в связи с тем фактом, что в самом движении талибов победила внутренняя линия на радикализацию и привлечение на свою сторону большого количества иностранных боевиков, включая и ИДУ.

Внешняя изоляция и, как следствие, консервация внутриафганского конфликта стала к 2001 г. генерирующей основой интеграции «Талибана» с международными террористическими группировками и запуска процесса превращения страны в базу для агрессивных действий под религиозными фундаменталистскими лозунгами в отношении всего субрегиона с активным участием и неафганских сил. Это обозначило принципиально новый статус Афганистана с точки зрения интересов безопасности стран Среднего Востока, Центральной и Южной Азии. Это обстоятельство стало и основой для поддержки в странах региона, включая РУз, американской и британской военной операции в октябре 2001 г., что само собой на довольно продолжительное время подразумевало и разрыв всех связей с движением талибов.

В последующем афганское направление во внешней политике Узбекистана относится к числу наиболее приоритетных, и данная политика, — примерно с 2015 г. это и прямой

контакт с движением талибов. К этому времени Узбекистан уже «накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане и вполне естественно, что он «может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана» [Эргашев 2010: 71-76]. Естественно, что Узбекистан в этот период был не готов взять на себя ответственность за комплексное урегулирование в Афганистане, но будучи ближайшим и достаточно влиятельным региональным игроком, рассчитывал стать частью масштабного процесса афганского урегулирования того времени [Князев 2018].

Помимо ряда инициатив включения в различные переговорные инициативы представителей «Талибана» в 2018-2020 гг., заслуживают внимания попытки запуска процессов общерегионального участия в афганском развитии. В марте 2018 г. в Ташкенте прошел форум под названием «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», в июле 2021 г. состоялось аналогичное мероприятие высокого уровня под названием «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности». Эти и ряд других международных мероприятий совершенно очевидно были (и остаются в последующем) направлены на достижение главного афганского интереса Узбекистана. Афганистан рассматривается как принципиально важный рынок для ряда отраслей промышленности РУз, и как пространство коммуникации со странами Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского залива, бассейна Индийского океана. Интенсификация афганского направления диктуется, прежде всего, потребностями собственного развития: переходом страны после 2016 г. от импортозамещающей модели экономики к экспортно ориентированной, предусматриваемым «Страте-

гией действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг.»¹.

При этом в сравнении, например, с Туркменией или Ираном, Узбекистан немного более сдержан в общении с правительством движения талибов после его прихода к власти в Кабуле в августе 2021 г. Так, в частности, в отличие от Ашхабада, Пекина, Исламабада, Дохи, Анкары и Москвы, в Ташкенте воздерживаются от аккредитации талибских дипломатов даже в ранге *chargé d'affaires*. Декларируемое отношение к этому правительству можно охарактеризовать как предельно общее, критикуемые большинством других внешних акторов извне действия талибов, в СМИ и в любой публичной риторике в РУз вербализируются в предельно минимальной степени.

В целом позицию Узбекистана в период накануне прихода движения талибов к власти в Кабуле (весна-лето 2021 г., и непосредственно в августе 2021 г.) характеризует как усиление мер военной/пограничной безопасности, так и параллельные контакты с обеими сторонами афганского конфликта: с действовавшим правительством Афганистана и с движением «Талибан» [Князев 2021: 462]. В июле 2021 года на полях конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» в Ташкенте было объявлено о создании новой переговорной группы по афганскому урегулированию в составе США, Афганистана, Пакистана и Узбекистана. Однако в течение последующего времени эта американская инициатива никаким образом не реализовалась, поскольку изначально не учитывала принципиально меняющейся обстановки в Афганистане. Инициатива же по взаимосвязанности может рассматриваться и как один из сегментов многоцелевого американского проекта C5+1, а участие в ней — как стремление РУз хотя бы на тактическом

уровне связать свои приоритеты с интересами мировых центров влияния в рамках многовекторной внешнеполитической концепции.

17 августа 2021 г. МИД Узбекистана сделал официальное заявление по Афганистану: «Поддерживаем заявления внутриафганских сил о готовности к формированию инклюзивного правительства... Выражаем надежду, что транзит власти в стране будет осуществлен мирным путем на основе всеобщего консенсуса с учетом общепринятых норм международного права». «Дипломатические миссии Узбекистана в Кабуле и Мазари-Шарифе работают в штатном режиме, узбекская сторона поддерживает тесные контакты с представителями движения «Талибан» по вопросам обеспечения охраны границ и сохранения спокойствия в приграничной зоне»².

Одновременно Узбекистан принимает участие и в коллективных мерах военного характера по поддержанию безопасности на границе с Афганистаном. 10 августа 2021 г. на военном полигоне Харбмайдон в Таджикистане завершились совместные учения с участием 2,5 тысяч военнослужащих России, Таджикистана и Узбекистана. Это вовсе не была какая-либо тенденция к возвращению РУз в ОДКБ, в которой свое членство Узбекистан приостановил в 2011 году. В военном отношении, в отличие от Туркмении или Таджикистана, Узбекистан вполне самостоятелен с точки зрения угроз с афганского направления. В руководстве Узбекистана наверняка присутствовало понимание того, что угрозы не носят прямой трансграничный характер, а кроме того, двустороннее военное сотрудничество с Россией является дополнительной гарантией обеспечения безопасности в военном отношении. Военное союзничество Узбекистана с Россией, базирующееся на договоре о союзнических отношениях от 6 мая 2006 г., в событиях лета —

¹ Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг. // Проект указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». 7 февраля 2017 года. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 03.02.2023).

² МИД Узбекистана сделал официальное заявление по Афганистану. — UzDaily. — Ташкент, 17.08.2021. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/63000> (дата обращения 03.02.2023).

начала осени 2021 г. подтверждает свою эффективность, в том числе, с задействованием еще одной страны-члена ОДКБ, Таджикистана.

В последующий период заслуживают внимания прецеденты антитеррористического сотрудничества между соответствующими структурами РУз и представителями «Талибана». Первый прецедент возник после обстрела территории РУз с афганской стороны боевиками ИГИЛ в августе 2022 г.: было осуществлено совместное расследование происшествия и приняты совместные меры по предотвращению подобного. Этот прецедент важен с учетом, безусловно, того факта, что движение талибов с 2015 года и по текущий момент является единственной силой, реально противостоящей активности ИГИЛ на территории Афганистана.

Общую позицию Узбекистана по отношению к собственно конфликту в Афганистане в те дни сформулировал министр иностранных дел РУз Абдулазиз Камиллов: «Во-первых, мы должны понять, что у афганского кризиса нет военного решения. Во-вторых, крайне важно, чтобы Афганистан стал неотъемлемой частью региона Центральной Азии. В-третьих, у мирного процесса в Афганистане должно быть единое региональное и международное решение» [Камиллов 2021].

Общие черты взаимодействия с движением талибов

В дипломатическом пространстве позиция Узбекистана состоит в том, что в Афганистане необходимо достижение широкого политического представительства всех слоев афганского общества в государственном управлении, а также обеспечения соблюдения основных прав и свобод человека, в частности национальных меньшинств. Одновременно дипломатия РУз говорит о важности недопущения изоляции Афганистана и его превращения в «страну-изгоя». В связи с этим предлагается разморозить активы Афганистана в зарубежных банках в целях предотвращения масштабного гуманитарного кризиса и роста потока беженцев, а также продолжения содействия Кабулу в

экономическом восстановлении и решении социальных проблем. В политической сфере Узбекистан ориентируется на поведение всех внешних акторов, формируя при этом единую линию своей политики. Это относится, в частности, к стоящему на повестке дня вопросу о признании правительства «Талибана». Одновременно, отлаживаются схемы возобновления деятельности РУз в Афганистане в экономической сфере. Афганская политика Узбекистана реализуется в последовательных парадигмах и можно охарактеризовать ее как сдержанную и прагматичную.

Вообще, говоря об Узбекистане, нужно отметить его высокую и позитивную проактивность на афганском направлении. В этом плане заслуживает интереса дискуссия, случившаяся между министрами иностранных дел Узбекистана и Германии. В ходе визита германского министра в Ташкент Владимир Норов заявил, что международное сообщество должно помочь в возвращении афганских активов, замороженных за границей, и восстановлении там инфраструктуры. Анналена Бербок отметила, что у Германии и Узбекистана разные взгляды на этот вопрос: «Мы считаем, что «Талибан» украл у людей свободу в Афганистане. Я хотела бы воспользоваться этой возможностью, чтобы сказать, что мы против того, что делает нынешнее правительство Афганистана»¹. Конструктивная позиция Узбекистана только подчеркивается абстрактной демагогией германского министра о свободе на фоне гуманитарного кризиса и потенциала нестабильности в Афганистане. В Ташкенте ситуация в Афганистане осознана как вопрос собственных безопасности и развития.

Последовательная и активная работа Узбекистана по ситуации в Афганистане подтверждается многократно: так, министром инвестиций и внешней торговли Узбекистана Сардором Умурзаковым во время встречи представителей стран-соседей Афганистана в Китае 30-31 марта 2022 г., было озвучено предложение выработать меха-

¹«Мы не согласны с Узбекистаном в этом вопросе» — Бербок о движении «Талибан»// Kun.uz. — Ташкент, 01.11.2022. URL: <https://kun.uz/ru/51775710> (дата обращения 03.02.2023).

низмы и критерии для международного признания временного правительства Афганистана. В этой интерпретации признание нынешнего правительства Афганистана позволит ускорить интеграцию страны в региональное пространство и международное сообщество. Ранее, в ходе визита в Пакистан президента РУз Шавката Мирзиёева, главами двух государств также обсуждалась идея создания некоего «регионального консенсуса» по вопросу признания правительства «Талибана». Де-факто же в ряде заинтересованных в конструктивной работе с Афганистаном стран в течение 2022 г. происходит официальная аккредитация дипломатов, направленных от правительства талибов: в статусе «временных поверенных в делах» они работают в посольствах Афганистана в Пекине, Исламабаде, Ашхабаде, Москве (6 апреля 2022 г. МИД РФ выдал аккредитацию новому главе миссии Джавалу Насиру Гарвалу). Еще в ряде столиц — Тегеране, Анкаре, Дохе, найдены другие варианты: например, в Иране посол прежнего афганского правительства дал согласие представлять правительство «Талибана». Официально в Ташкенте представители правительства «Талибана» не работают, но, в любом случае, постоянные контакты осуществляются как на более высоком правительственном уровне, так и на местном и отраслевом, межведомственном.

В этом контексте нужно рассматривать и прошедшую в Ташкенте 25-26 июля 2022 г. конференцию «Афганистан: безопасность и экономическое развитие». Принципиальное отличие новой конференции от множества международных мероприятий по афганской тематике этого периода — ее содержание было направлено не столько на вопросы безопасности в Афганистане, сколько посвящено экономическому развитию страны. Кроме того, проведение конференции нужно рассматривать, во-первых, как действие Ташкента по восстановлению своей роли как главного регионального инициатора и медиатора в переговорных процессах по Афганистану в новых условиях в стране. И, во-вторых, задачей было восстановление процесса, начатого конференцией по взаимосвязанности Центральной и Южной Азии, прошедшей в июле 2021 г. К лету 2022 г., когда ситуация

в Афганистане определялась как долговременно неопределенная, потребность в возобновлении дипломатического процесса вокруг Афганистана объективно существовала. Появление в Афганистане различных антиталибских групп, не склонных к участию в политическом урегулировании, но пытающихся реализовать партизанскую, диверсионную тактику, не способствует стабилизации в стране. Такой же эффект создают и заявления афганских политиков из-за рубежа. Вся эта активность на практике суммируется с деятельностью на территории Афганистана с террористическими группировками неафганского происхождения и создает вероятность новой дестабилизации страны. Что естественным образом будет вести и к эскалации угроз и рисков для сопредельных стран.

Не случайно, на встрече в формате «ШОС-ОДКБ» в Душанбе 17 сентября 2021 г. президент РУз Шавкат Мирзиёев предложил расширить практическое взаимодействие спецслужб, Исполкома РАТС ШОС и Секретариата ОДКБ по ситуации в Афганистане. Но там же президент Узбекистана предложил и постепенный переход к признанию новых властей Афганистана, для чего ШОС и ОДКБ предложено разработать общую стратегию. Еще одно предложение Мирзиёева: необходимо продолжение уже начатых социально-экономических и инфраструктурных проектов в Афганистане [Мирзиёев 2022]. Таким образом, одной из важнейших мотиваций для Узбекистана остается формирование условий в Афганистане, позволяющих приступить к реализации инфраструктурных, транспортных и энергетических проектов, направленных в направлении Южной Азии и Среднего Востока.

Проектирование транспортной взаимосвязанности

Узбекистан, а также Туркменистан и Иран, это три страны в регионе, где уже длительное время наиболее четко сформулирован собственный стратегический интерес к преодолению транспортной ограниченности Афганистана. Этот интерес заложен в целый ряд трансафганских проектов разной степени реалистичности, имеющих большую историю.

Афганистан является страной, практически не охваченной железнодорожным сообщением, хотя и занимает ключевое пространство между большими евразийскими макро-регионами. Начало проектированию трансафганских железнодорожных маршрутов относится к периоду подготовки Великобританией второй войны с Афганистаном (1878-1880 гг.), позже были проект железной дороги Бомбей-Багдад и проект по маршруту Оренбург — Ташкент — Балх (Мазари-Шариф) — Кабул — Пешавар. В разное время предлагались и другие маршрутные варианты, но, как отмечал А.Е. Снесарев, «все ограничивалось таким вполне гадательным суммированием верст, оставляя в стороне политические, экономические, торговые, топографические и другие данные» [Снесарев 2017: 209]. Оценивая экономическую целесообразность этих проектов, А.Е. Снесарев указывал на их перспективы, но он обращает внимание и на трудности строительства. А.Е. Снесарев делает вывод о преимуществе т.н. гератского направления трансафганской железной дороги: «будущей железной дорогой выгоднее будет русскую и индийскую сети сомкнуть на участке Кушка-Новый Чаман через Герат-Себзевар, Тиришк [имеется в виду город Гиришк — А.К.] и Кандагар» [Снесарев 2017: 227]. Сложность маршрута в разных его вариациях, а также оцениваемая как невысокая рентабельность, мотивировали отказ уже советского руководства от его реализации, когда он был предложен Н.А. Булганину и Н.С. Хрущеву в ходе подготовки к официальному визиту в Индию, Бирму и Афганистан в 1955 г. (рассматривался маршрут Кабул-Джелалабад-Пешавар), а также предложения 1980-х гг.

В трансграничных транспортных приоритетах Ташкента можно отметить несколько направлений: помимо проектов афганского направления — строительства железных дорог Мазари-Шариф — Герат и Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар это и проекты иранского направления. Реализуемая с 2016 года экспортоориентированная модель экономики Узбекистана настоятельно требует диверсификации выходов на внешние рынки, включая морские порты. Однако применительно к маршруту на иранском направлении для Узбекистана существуют риски

угрозы санкций со стороны США. В то же время, непрямая поддержка со стороны США проекту Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, помимо антииранской составляющей должна рассматриваться и в рамках стратегии США по вовлечению стран Центральной Азии в процессы в Афганистане и формирования региона «Большой Центральной Азии». Одна из целей этой стратегии — актуализация любых транзитно-транспортных проектов, в которых имеет интересы Узбекистан, с целью противопоставления их интересам России в этой сфере. В то же время, исключение иранского транспортного хаба Чабахара из санкционного списка 2018 г. является прямым следствием американской стратегии по Южной Азии, которая направлена на ограниченную поддержку роста экономики Афганистана за счет развития его партнерства с Индией, являющейся главным инвестором и оператором Чабахара. Поэтому, несмотря на общие планы по максимальному давлению на Иран, США фактически поддерживают развитие Чабахара и с высокой вероятностью не стали бы препятствовать строительству связанной с ним железной дороги.

Тем не менее, начиная с 2018 года приоритетом РУз здесь является проект строительства Трансафганской железной дороги: Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар с выходом на порты Гвадар и Карачи. В трехстороннем — Узбекистан-Афганистан-Пакистан — формате с этого времени проходит большое количество разнообразных переговорных мероприятий. Рассматриваются различные аспекты реализации проекта, а также практические вопросы, связанные с организацией трехсторонней совместной международной экспедиции для проведения геодезических, гидрогеологических и топографических исследований, подготовкой схемы прокладки участков железнодорожной линии и соответствующих картографических материалов, разработкой предварительного технико-экономического обоснования проекта, а также выработкой эффективных механизмов финансирования предпроектных исследований, управлением строительством и распределением обязанностей сторон. В разное время заинтересованность в финансировании

проекта демонстрируют в таких организациях, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский банк реконструкции и развития, Исламский банк развития, Всемирный банк по Центральной Азии, Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, а также Международная финансовая корпорация. Однако конкретных предложений по кредитованию проекта так и не появилось.

Страны-участницы признают, что в связи с проведением строительных работ в горной местности, где большей частью пролегает маршрут железной дороги, проект характеризуется высокой степенью сложности, а, следовательно, и дороговизной, в отличие от ранее обсуждавшегося проекта по маршруту «Мазари-Шариф — Герат — Чабахар». Очевидно, что при реализации «необходимо внедрение и использование инновационных инфраструктурно-интеграционных и организационно-институциональных механизмов, скрепляющих единство страны» [Зоидов, Медков 2021]. Меньше сообщается об обсуждении проблем безопасности для проекта на территории Афганистана и в пакистанской провинции Белуджистан.

Существуют также проблемы геополитического характера. Заинтересованность Индии в развитии маршрута «Мазари-Шариф — Герат — Чабахар» и известный характер непростых индийско-пакистанских взаимоотношений в ситуации отказа Узбекистана от данного проекта ставили РУз в сложную ситуацию двусторонних отношений с Дели. Одновременно, заинтересованность Китая в развитии Гвадара вроде бы должна быть в пользу узбекского проекта. Однако он во многом противоречит схемам маршрутов проекта «Один пояс — один путь» (китайско-пакистанский экономический коридор и широтные дороги Пешавар — Кандагар с выходом к Герату и проекта Кашгар — Файзабад — Мазари-Шариф — Герат по северу Афганистана, ряд других). В целом, китайская сторона заинтересована преимущественно в создании и развитии транспортных коридоров через территорию Афганистана только в широтных направлениях. Таким образом, к препятствующим факторам — отсутствию финансирования, состоянию

сферы безопасности, ландшафтно-технологическим сложностям добавляются и противоречивые позиции принципиально важных для Узбекистана внешних акторов.

До 2022 г. строительство железной дороги в направлении Кабула и Пешавара с точки зрения интересов России не актуализируется. Российский стратегический приоритет — это коридор «Север-Юг» в направлении Чабахара и далее в Мумбаи. Локальный интерес ОАО «Российские железные дороги» скорее состоял в участии в строительстве как в коммерческом проекте в качестве подрядчика. Но на фоне глобальных изменений, в центре которых находится после начала специальной военной операции на Украине Россия, геополитическая ситуация вокруг этого проекта начинает меняться. Без транзитной составляющей проект Трансафганской железной дороги изначально имел ограниченный экономический смысл. Разворот внешнеэкономической деятельности России от Европы на южное и восточное направления меняет смысл данного проекта для российской стороны. Теперь этот проект уверенно рассматривается как дополнительный коридор, благодаря которому Россия диверсифицирует южное направление с выходами как в иранские, так и пакистанские порты, обеспечивая наполнение транзита.

Важным для российской стороны является то, что, согласно уже достигнутым договоренностям между Узбекистаном, Пакистаном и Афганистаном, дорога будет иметь «советский» стандарт колеи шириной 1520 мм, что обеспечит простоту транзита по всей территории бывшего СССР. Выбор колеи был естественным образом предопределен тем, что ее уже имеют железные дороги Узбекистана, и переход на другой стандарт окажется дорогим. Смена колесных пар, согласно существующим узбекско-пакистанским договоренностям, будет осуществляться уже на территории Пакистана. Афганистан обречен в любой из возможных перспектив выполнять функцию интегратора железнодорожных стандартов. На первый взгляд, это, вроде бы, усложняет будущее железнодорожное строительство в Афганистане, но одновременно и способно стать существенным в масштабах страны источником доходов и механизмом создания рабочих

мест на смене колесных пар между стандартами — гипотетически доминирующим российским и иранским (европейским).

Таким образом, в случае реализации проекта единое, технологически российское, пространство охватит и территорию Афганистана. Рассматривая более отдаленные перспективы, можно предположить, что при реализации этого проекта в последующем железнодорожном строительстве российский стандарт может стать преобладающим по всей территории Афганистана. Вовлечение в проект России и ЕАЭС кардинально повысит транзитный потенциал дороги, обеспечив увеличение объема перевозимых по ней грузов, снижение рисков, которые в условиях перманентной военно-политической нестабильности в Афганистане могут быть высокими, и привлечение финансирования. В последнем вопросе важно, что несмотря на противоречивое отношение к проекту в целом, определенный интерес он мог бы иметь для КНР в случае запуска освоения месторождения Мес-Айнак в Афганистане, по условиям которого китайская сторона должна обеспечить и железнодорожную связь месторождения с выходом на внешние рынки и в направлении самого Китая.

В августе 2022 г. начались экспедиционные работы на территории Афганистана для определения и исследования маршрута, по итогам проведенных работ разрабатывается ТЭО с последующим определением условий проведения тендера, по результатам которого будет избрана компания непосредственно для строительства. По итогам экспедиционных работ (лето 2022 г.) определенный интерес представляет окончательное решение по маршруту дороги, взамен варианта через перевал Саланг теперь определен видоизмененный маршрут с пересечением территорий провинций Бамиан и Вардак, с возможностью соединения с территорией провинции Дайкунди, в направлении которой существуют иранские проекты строительства железнодорожного маршрута. Сопряжение узбекского проекта с иранским в центре Афганистана помимо интересов двух стран позволило бы создать принципиально новую транспортную конфигурацию для всего региона в интересах общего развития регионов

Центральной и Южной Азии, и Среднего Востока.

В контексте политики региональных стран

Афганский вектор в политике России, Узбекистана, Туркмении, а также Ирана и, во многом, Китая, содержит в себе два взаимосвязанных компонента. Во-первых, это конструктивное сотрудничество с правительством движения талибов, являющимся де-факто действующим, несмотря на его низкую эффективность и противоречивые иногда действия. Такой подход подразумевает в себе стремление к сохранению стабильности и повышению ее уровня в Афганистане и, таким образом, к постепенному снижению уровня угроз, существующих с афганского направления. Этот подход однозначно подразумевает отказ от изоляции Афганистана, приведшей в 1990-х гг. к радикализации движения талибов и росту террористического потенциала страны.

Во-вторых, и это скорее выглядит превентивным, это усиление военной антитеррористической составляющей на случай возникновения приграничных угроз в ситуации слабого контроля над своей территорией со стороны кабульского правительства. Одновременно, усиление военного компонента можно расценивать и как создание некоего рычага давления на движение талибов в случае его эволюции в сторону радикализации и при вероятности активизации угроз на границах с Афганистаном.

За исключением Таджикистана, такая тактика с незначительными отличиями прослеживается фактически у всех стран региона, ярким примером может служить Иран, ведущий активную работу по реализации своих интересов, связанных с Афганистаном, несмотря даже на ряд пограничных конфликтов на немаркированных участках границы с Афганистаном. Там возник важный прецедент в обеспечении пограничной безопасности — создание совместного с талибами органа по урегулированию подобных инцидентов. Заслуживает внимания также прецедент антитеррористического сотрудничества между соответствующими государственными структурами РУз и представителями «Талибана». После обстрела территории РУз

с афганской стороны боевиками ИГИЛ в августе 2022 года было осуществлено совместное расследование происшествия и приняты совместные меры по предотвращению подобного. Эти прецеденты важны с учетом того факта, что движение талибов с 2015 г. и по текущий момент является единственной силой, реально противостоящей активности ИГИЛ на территории Афганистана. В этом контексте заслуживает серьезного внимания и инициатива, выдвинутая спецпредставителем президента Ирана Хасаном Каземи Куми о необходимости создания регионального комитета по безопасности: талибам следует помочь в борьбе с терроризмом, но не самостоятельными военными интервенциями, а обучением, обменом разведданными и поставками оборудования¹.

Страны, занимающие конструктивные и рациональные позиции, не признавая правительство «Талибана», настаивая на инклюзивности правительства, но в то же время контактируя с руководством талибов и пытаясь оказать на него нужное воздействие исходят из полного отсутствия каких-либо альтернатив движению талибов. Бывший посол Ирана в Кабуле Мохаммад Реза Бахрами отмечает: ««Талибан» останется основным держателем акций в Афганистане на обозримый период, ... что будет удерживать страну в переходном периоде. Существует... вероятность формирования внутреннего конфликта. Но необходимость выживания является первоочередной задачей всех фракций талибов, и это останется наиболее важным сдерживающим фактором»².

Дипломатия Узбекистана традиционно не склонна к какому-либо публичному эпатажу, поведение Узбекистана включено в общую для вышеперечисленных стран парадигму, исходя из абсолютной недопустимости изоляции Афганистана. Афганская политика других стран Центральной Азии также в целом прагматична. Для Казахстана Афганистан — критически важный рынок экспорта

зерна и муки, существенное значение для Казахстана, как и для Узбекистана, имеет и транзит товаров из России и Китая в Афганистан. Казахстан сохранил в Кабуле свое посольство, одним из первых установил деловые контакты с правительством движения талибов уже в августе 2021 г. В политической плоскости позиция Казахстана не оригинальна: декларируется поддержка основных условий, выдвигаемых внешними игроками для политического и формально-правового признания правительства. Киргизия, будучи в принципе экспортером в самой минимальной мере, никогда не имела каких-либо особых интересов в Афганистане. В политической плоскости так же, как и РК, КР относительно нейтральна и особой активности не проявляет, так же декларируются формальные и общие подходы к вопросу признания правительства.

Экономические интересы Туркмении не менее масштабны и последовательны, чем у Узбекистана, хотя в большинстве случаев существуют только в виде обсуждаемых проектов. Среди них — проект строительства газопровода ТАПИ, железнодорожные проекты по маршруту Кушка-Герат с выходом на иранский Чабахар и Туркмения — Афганистан — Таджикистан, строительство энергоцентра с последующими поставками энергии и других коммуникаций, включая транзитные. Туркмения также с августа 2021 г. контактирует с правительством в Кабуле, эти контакты интенсивны: формально не объявляя о признании правительства движения талибов, туркменская сторона практически реализует с Кабулом полноценные дипломатические отношения. В политическом плане позиция также последовательна, начиная с середины 1990-х гг., когда реализовалась и прямая практическая поддержка движению «Талибан». В отличие от Узбекистана и всех других стран-соседей, Туркмения никогда не оказывала никакой поддержки каким-либо антиталибским силам.

¹ Каземи. Для работы с талибами нужно создать региональный комитет безопасности// Sputnik Афганистан. — 21.11.2022. URL: <https://t.me/sputnikaf/17095> (дата обращения 03.02.2023).

² Бахрами: Талiban ва пайамадхай-е шивай-е хокмрани// Хабрагозарей-е «ХабарОнлайн». — Тегеран, 1401, 24 дей [Бахрами: «Талибан» и последствия

(его) образа правления// Информационное агентство «Хабар-онлайн». — Тегеран, 14 января 2023]. URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1718702/> (дата обращения 03.02.2023). На языке фарси.

На фоне взаимоотношениям с Афганистаном, которые выстраиваются у всех других стран-соседей, а также России, Китая, Индии, ряда арабских стран, Турции, отдельно должна быть рассмотрена позиция, сформулированная правительством Таджикистана. Экономическое взаимодействие Таджикистана с Афганистаном довольно ограничено, важную долю в афганском импорте из РТ при этом занимают поставки э/энергии, в остальном товарный обмен не имеет какого-либо критически важного или существенного значения для обеих сторон. Интересно отметить, что несмотря на позицию РТ по отношению к правительству «Талибана», экспорт э/энергии из РТ после августа 2021 г. существенно вырос. Расположение Таджикистана и состояние его экономики (в первую очередь минимальный экспортный потенциал) являются одним из факторов, объективно ограничивающих возможности какого-либо роста торгового взаимодействия.

Политическая позиция характеризуется транслированием общих требований к правительству движения талибов, но — в отличие от РФ, РУз, а также Ирана, Пакистана, Китая — артикулируемых с иными коннотациями. Названные страны, апеллируя к необходимости создания в Афганистане представительного (инклюзивного) правительства подразумевают создание правительства, в котором представленность этнических и других политических групп была бы основой сбалансированности, стабильности и эффективности правительства. Категоричность, с которой инклюзивность декларируется со стороны Таджикистана, подразумевает некую весомую численность в высших органах власти Афганистана прежде всего политиков из таджикского афганского сообщества. При том, что таких политиков, имеющих электоральную поддержку в самом Афганистане, просто не существует, подобная риторика во многом направлена на собственно таджикостанское общество, способствуя его консолидации вокруг руководства РТ и, одновременно, стимулируя рост этнического национализма. Будучи направленной во многом на решение внутривластных задач, подобная политика могла бы считаться внутренним делом Таджикистана. Однако определенная практическая поддержка, которая

оказывается в Таджикистане афганским таджикским антиталибским группировкам, содержит в себе как потенциал эскалации внутриафганского конфликта, так и потенциал межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном и, таким образом, имеет значение для сферы безопасности всего региона.

В контексте политики США и России

Региональная стратегия США после вывода войск из Афганистана в 2021 г. продолжает оставаться агрессивной, наступательной, направленной на достижение своего доминирования в противоборстве с Россией и КНР и влияния на главные региональные процессы. При этом не существует какого-либо одного сценария в региональной политике США, эта политика синтезирует в себе развитие ряда взаимодополняющих тенденций и их самовоспроизводство, стимулирование процессов, работающих в комплексе с другими на достижение целей США. Ключевым или даже центральным элементом этой стратегии является сохранение и самовоспроизводство конфликтной ситуации в Афганистане с параллельным вовлечением в конфликт всех соседних стран, а также России, Ирана и КНР. Поддержание существующих конфликтогенных зон является важнейшим инструментом, в основе потенциальных конфликтов могут лежать различные ситуации, способные развиваться как явления национализма, сепаратизма, религиозные и иные социальные фобии, а также потенциальные межгосударственные конфликты. Задачей стран Центральной Азии в этих условиях является недопущение какой-либо военной эскалации конфликта в Афганистане.

Сравнительный анализ афганской политики стран Центральной Азии в контексте происходящей глобальной трансформации всей мировой системы международных отношений показывает необходимость конструктивного сотрудничества с действующим правительством Афганистана. Эта необходимость или потребность в основном связана с экономикой, включая и изменения в подходах к трансграничным коммуникациям. Но одновременно она важна и как фактор поддержания региональной стабильности. Россия, являющаяся единственным и неоспоримым гарантом безопасности для региона,

полностью эту позицию разделяет. Для России в новой геополитической ситуации становится актуальным пространство потенциальных транспортных коммуникаций (для диверсификации, параллельно с МТК «Север-Юг») для выхода на рынки стран Южной и Юго-Восточной Азии, бассейна Индийского океана, Персидского залива. Целеполагание российской афганской политики включает в себя недопущение эскалации военной и террористической активности в Афганистане и проецирования угроз с афганской территории в зону жизненных интересов России — каковой является Центральная Азия — и на территорию самой России.

Эти и ряд других целей и задач российской афганской политики — в сравнении с политикой стран Центральной Азии — во многом совпадают, хотя и имеются, безусловно, некоторые важные, но преодолимые отличия. Из этих отличий проистекает и вероятная необходимость в перспективе работы по дальнейшему согласованию политики в отношении Афганистана как на двусторонних уровнях, так и, вероятно, в форматах ШОС и ОДКБ.

Военно-политический конфликт в Афганистане не имеет перспектив к завершению в кратко- и среднесрочной перспективе, что означает и сохранение его существующего статуса как источника угроз и рисков для региональной безопасности. Важным фактором продолжения конфликта было и остается, помимо региональных и внутривосточных противоречий, его наложение на глобальный геополитический конфликт в рамках формирования принципиально новой конфигурации мировой системы международных отношений. В этих обстоятельствах сохранение сложившейся относительной и неуверенной стабильности через конструктивное сотрудничество с действующим правительством Афганистана — движением талибов — является ключевым фактором поддержания стабильности в регионе. Афганское направление внешней политики Узбекистана в этих условиях нужно охарактеризовать не только как соответствующее национальным интересам страны, но и как системно последовательное и соответствующее интересам развития всего региона, а также самого Афганистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алма-Ата, 2003.
- Зоидов К.Х., Медков А.А.* Экономические интересы России и развитие транспортно-транзитных систем Афганистана и других стран Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. — М., 2021. — № 4. — С. 140-156.
- Князев А.А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.
- Князев:* Барраси-йе нагш-э озбекистан дар тахавволат-э афганистан [Князев: Анализ роли Узбекистана в афганских процессах] // Хафтэнаме-йе Иран-э шарги [Еженедельный журнал «Восточный Иран»]. — Мешхед, 1397 [2018]. — Шомарэ-йе 233, Шахревар [№ 233, август-сентябрь]. На языке фарси.
- Князев А.А.* Афганские события весны-лета 2021 г. и обновленная региональная безопасность // Постсоветские исследования. — М., 2021 №4(6). — С. 456-469.
- Махмудов Р.Б.* Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. — М., 2021. — № 1 (50). — С. 121-134. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/i-1/central-asia-in-the-global-world/foreign-policy-of-contemporary-uzbekistan> (дата обращения 03.02.2023).
- МИД Узбекистана* сделал официальное заявление по Афганистану. — UzDaily. — Ташкент, 17.08.2021. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/63000> (дата обращения 03.02.2023).
- На встрече «ШОС-ОДКБ» *Мирзиеёв* озвучил позицию Узбекистана по «афганскому вопросу» // Медиа-портал «Новости Узбекистана». — Ташкент, 2022, 19 сентября 2021. URL: <https://nuz.uz/politika/1208279-na-vstreche-shos-odkb-mirziyev-ozvuchil-pozicziyu-uzbekistana-po-afganskomu-voprosu.html> (дата обращения 03.02.2023).
- Мирзоев С.Т.* Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник педагогического университета. — Душанбе, 2019. — № 2(79). — С. 278-284.

<https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (дата обращения 03.02.2023).

- Сафранчук И.А., Махмудов Р.Б.* Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // *Мировая экономика и международные отношения*. — М., 2021, том 65, № 10. — С. 24-32. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2021/04-SAFRANCHUK.pdf (дата обращения 03.02.2023).
- Снесарев А.Е.* Афганистан / А.Е. Снесарев; Русское ист. о-во; сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. — М.: Рус. панорама, 2002.
- Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи, сост. А.А. Снесарев, предисл. Л.Г. Ивашова. М.: Кучково поле, 2017.
- Стратегия действий* по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг. // Проект указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». 7 февраля 2017 года. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 03.02.2023).
- Эргашев Б.И.* К вопросу о роли Узбекистана в афганском урегулировании // *Афганистан и безопасность Центральной Азии*. Вып. 4/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 71-76.
- Эргашев Б.* Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // *Вызовы безопасности в Центральной Азии* / под ред. И.Я. Кобринской. — М.: ИМЭМО РАН, 2013. — С. 96-99.

REFERENCES

- Akimbekov S.M.* Afganskij uzul i problemy bezopasnosti Centralnoj Azii. — Alma-Ata, 2003.
- Zoidov K.H., Medkov A.A.* Ekonomicheskie interesy Rossii i razvitie trans-portno-tranzitnyh sistem Afganistana i drugih stran Centralnoj Azii // *Problemy rynochnoj ekonomiki*. — М., 2021. — № 4. — S. 140-156.
- Knyazev A.A.* Afganskij krizis i bezopasnost Centralnoj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004.
- Knyazev: Barrasi-je nagsh-e ozbekistan dar tahavvolat-e afganistan* [Knyazev: Analiz roli Uzbekistana v afganskih processah] // *Haftename-je Iran-e shargi* [Ezhenedelnyj zhurnal «Vostochnyj Iran»]. — Meshhed, 1397 [2018]. — Shomare-je 233, Shahrevar [№ 233, avgust-sentyabr]. Na yazyke farsi.
- Knyazev A.A.* Afganskie sobytiya vesny-leta 2021 g. i obnovlennaya regional-naya bezopasnost // *Postsovetskie issledovaniya*. — М., 2021 №4(6). — S. 456-469.
- Mahmudov R.B.* Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana // *Rossiya i no-vye gosudarstva Evrazii*. — М., 2021. — № 1 (50). — S. 121-134. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/i-1/central-asia-in-the-global-world/foreign-policy-of-contemporary-uzbekistan> (data obra-sheniya 03.02.2023).
- Mirzoev S.T.* Afganistan vo vneshnej politike Respubliki Uzbekistan // *Vestnik pedagogicheskogo universiteta*. — Dushanbe, 2019. — № 2(79). — S. 278-284. <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (data obrasheniya 03.02.2023).
- Safranchuk I.A., Mahmudov R.B.* Transportnaya svyazannost i mezh-dunarodnye processy v Evrazii: problemy i protivorechiya // *Mirovaya ekonomika i mezh-dunarodnye otnosheniya*. — М., 2021, том 65, № 10. — S. 24-32. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2021/04-SAFRANCHUK.pdf (data obrasheniya 03.02.2023).
- Snesarev A.E.* Afganistan / A.E. Snesarev; Russkoe ist. o-vo; sost. S.A. Shu-mov, A.R. Andreev. — М.: Rus. panorama, 2002.
- Snesarev A.E.* Indiya kak glavnyj faktor v sredneaziatskom voprose. Iz-brannye stati, sost. A.A. Snesarev, predisl. L.G. Ivashova. М.: Kuchkovo pole, 2017.
- Strategiya dejstvij* po pyati napravleniyam dalnejshego razvitiya Uzbeki-stana na 2017-2023 gg. // *Proekt ukaza Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O Strategii dejstvij po dalnejsheму razvitiyu*

Respubliki Uzbekistan». 7 fevralya 2017 goda. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (da-ta obrasheniya: 03.02.2023).

Ergashev B.I. K voprosu o roli Uzbekistana v afganskom uregulirovanii// Afganistan i bezopasnost Centralnoj Azii. Vyp. 4/ Pod red. A.A. Knyazeva. — Bishkek, 2010. — S. 71-76.

Ergashev B. Politika Uzbekistana v otnoshenii Afganistana v kontekste obespecheniya regionalnoj bezopasnosti v Centralnoj Azii// Vyzovy bez-opasnosti v Centralnoj Azii / pod red. I.Ya. Kobrinskoj. — M.: IMEMO RAN, 2013. — S. 96-99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Алексеевич Князев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных отношений МГИМО МИД России; профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru).

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of International Relations, MGIMO, MFA of Russia; professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru).

Конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном на фоне подписания трехстороннего соглашения: КНР-Узбекистана-Кыргызстана

Р. Р. Велиев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается региональный конфликт между Киргизией и Таджикистаном. Раскрывается причинно-следственная связь столкновений центральноазиатских государств. Отдельное внимание уделяется ситуации вокруг строительства железной дороги «Узбекистан-Кыргызстан-Китай». Выявляется круг сторонников и противников данного логистического проекта. Если к первым можно отнести государства, участвующие в проекте, то во вторую группу входят страны, оказавшиеся вне строительства новых логистических коридоров. К примеру, Таджикистан, которого не устраивает то, что такого рода проекты реализуются без его участия. Казахстан, владеющий своей железной дорогой из Китая. Астана опасается того, что ее транспортные услуги станут менее востребованными, что неизбежно отразится на транзитных поступлениях в бюджет страны. Отдельное внимание авторы работы уделяют участию в конфликте военных формирований из Афганистана. Вовлеченность Фронта Национального Сопrotивления Афганистана может привести к деструктивным процессам в регионе. В статье также показаны угрозы для позиции России в регионе. Конфликт в Центральной Азии, да и еще между странами-членами ОДКБ дискредитирует роль не только самого военно-политического блока, но и самой России, считающей данную территорию зоной исторически обусловленных интересов. Наблюдаются попытки ряда государств укрепить и нарастить свое влияние в регионе. К таким государствам, прежде всего, относится Китай, который через экономический инструментарий смог плотно закрепиться в государствах региона. Помимо Поднебесной, активно включается в региональные дела и Турция, использующая свои идеологические измы (неопантюркизм, панисламизм и т.д.) для воздействия на общества тюркских государства региона. Вместе с тем, не стоит забывать и про Иран. Тегеран имеет возможность консолидировать ираноязычные народы вокруг себя, что позволит ему усилить свое влияние не только в регионе, но и в мире в целом. К тому же нельзя упускать из виду Великобританию и США, которые пытаются усилить свое влияние в регионе для противоборства с КНР и Россией. Вследствие чего высока вероятность того, что постепенно образующиеся вакуум силы могут занять иные акторы, нежели Россия. В заключении работы авторами предложены рекомендации для руководства России по сохранению позиции в Центральной Азии.

Ключевые слова: международные отношения, региональные конфликты, Центральная Азия, угрозы России.

Для цитирования: Велиев Р. Р. Конфликт между Кыргызстана и Таджикистаном, на фоне подписания трехстороннего соглашения: КНР-Узбекистана-Кыргызстана. // Постсоветские исследования. 2023; 3(6):281-292.

The conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan, against the backdrop of the signing of a trilateral agreement: China- Uzbekistan- Kyrgyzstan

Ramil R. Veliev

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru

Abstract. The article deals with the regional conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan. The cause-and-effect relationship of the clashes of the Central Asian states is revealed. Special attention is paid to the situation around the construction of the Uzbekistan-Kyrgyzstan-China railway. The

circle of supporters and opponents of this logistics project is revealed. If the first group includes the States participating in the project, then the second group includes countries that found themselves outside the construction of new logistics corridors. For example, Tajikistan, which is not satisfied with the fact that such projects are being implemented without its participation. Kazakhstan, which owns its own railway from China. Astana fears that its transport services will become less in demand, which will inevitably affect transit revenues to the country's budget. The authors of the work pay special attention to the participation of military formations from Afghanistan in the conflict. The involvement of the National Resistance Front of Afghanistan can lead to destructive processes in the region. The article also shows threats to Russia's position in the region. The conflict in Central Asia, and even between the CSTO member countries, discredits the role of not only the military-political bloc itself, but also Russia itself, which considers this territory a zone of historically determined interests. There are attempts by several States to strengthen and increase their influence in the region. Such states, first, include China, which, through economic instruments, was able to gain a firm foothold in the states of the region. In addition to the Celestial Empire, Turkey is also actively involved in regional affairs, using its ideological isms (neo-Adventurism, pan-Islamism, etc.) to influence the societies of the Turkic states of the region. At the same time, do not forget about Iran. Tehran has the opportunity to consolidate the Iranian-speaking peoples around it, which will allow it to strengthen its influence not only in the region, but also in the world as a whole. In addition, we should not lose sight of the United Kingdom and the United States, which are trying to strengthen their influence in the region for confrontation with China and Russia. As a result, there is a high probability that the forces gradually forming a vacuum may be occupied by actors other than Russia. In conclusion, the authors proposed recommendations for the leadership of Russia to maintain its position in Central Asia.

Keywords: international relations, regional conflicts, Central Asia, threats to Russia.

For citation: Ramil R. Veliev. The conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan, against the backdrop of the signing of a trilateral agreement: China- Uzbekistan- Kyrgyzstan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):281-292. (In Russ.).

В текущий момент наблюдаются серьезные изменения в мировой политической конъюнктуре. Данные процессы описываются в работах профессора Дипломатической академии МИД РФ М.А. Наймарка. В своей работе он отмечает, что происходит не просто трансформация мировой политики, а ее кардинальный перелом [Наймарк 2021: 5]. Повсеместно, актуализируются различного рода конфликты. Ограниченность природных ресурсов все чаще становится причиной обострения противоречий между государствами. [Вебер 2022: 16]. В этом контексте Центральноазиатский регион не является исключением. Данная территория не только богата полезными ресурсами, но и хранит в себе большой логистический потенциал. Стремление использовать преимущества региона приводит к конфронтации между центральноазиатскими государствами. В частности, в своей работе А. Имомов рассматривает территориальные

и земельно-водные причины конфликтов в Центральной Азии [Имомов 2013: 130].

Отдельное внимание авторы настоящей работы уделяют реализации транспортного потенциала региона. Так, при активном участии КНР разрабатывается проект железной дороги «Узбекистан-Кыргызстан-Китай».

Транспортно-коммуникационный потенциал центральноазиатского региона исследуется в статьях Е.Г. Гарбузаровой, а также Вана Сяолиня [Гарбузарова 2019: 136; Вана 2018: 482].

В данной статье авторы затрагивают проблему ослабления позиции России в регионе. Вместе с тем рассматриваются страны, которые предпринимают попытки по усилению своего присутствия в Центральной Азии. Вопросы, связанные с позиций Россией в регионе. В исследовательской работе были применены методы системного и сравнительного анализа, а также междисциплинарный подход, совмещающий

исторический и политический анализы. Кроме того, был использован метод контент-анализа, позволяющий определить основные проблемные тенденции данного региона. В середине сентября 2022 г. произошли очередные столкновения между Таджикистаном и Киргизией. Конфликт между Бишкеком и Душанбе имеет комплексную основу. Прежде всего, рассматриваемые государства до сих пор не решили вопросы демаркации и делимитации государственной границы. Процесс демаркации границы длится уже более 30 лет. Однако сложные географические и этнополитические особенности региона, а именно горная местность и пестрый этнический состав, усложняют процесс разрешения территориальных вопросов. Граница между бывшими постсоветскими республиками имеет протяжённость более 960 километров и лишь чуть более половины (530 км) официально разграничена между государствами¹. Тем не менее, не урегулированные линии границ, проходящие вдоль населенных пунктов и транспортных коммуникаций, являются одними из основных причин постоянно вспыхивающих конфликтов. Ситуацию усугубляют проблемы водораспределения и водоснабжения. Данную проблематику еще в 2004 г. подробно рассматривал российский исследователь Сидоров О. В своей работе «Водные ресурсы Центральной Азии как источник региональных конфликтов» он отмечал большой конфликтогенный потенциал распределения водных ресурсов региона [Сидоров 2004: 71]. Большая часть проблемных участков расположена на Ферганской долине. Эта территория является очень плодородной, соответственно каждое государство заинтересовано как в использовании экономического потенциала данной области, так и в беспрепятственном доступе к региональным ресурсам.

Большинство аналитиков заметили то, что эскалация конфликта чаще всего происходит накануне сельскохозяйственных работ. В этот период времени возникает острая нехватка водных ресурсов. Поэтому, одним из триггерных вопросов является доступ к ограниченному водным ресурсам региона [Бояркина 2017: 98]. Во время сентябрьского обострения таджикская сторона заявила, что власти Киргизии бесосновательно и незаконно присвоили территорию, где идет распределение водных ресурсов². В частности, спорный участок таджикского анклава Ворух, вокруг которого и произошли первые столкновения пограничников двух государств. Этот анклав хоть и находится на территории Баткенской области Киргизии, но правительство Таджикистана активно вкладывается в его инфраструктуру, строя коммуникации, прежде всего, водные, позволяющие рационально вести сельскохозяйственные работы. Как отмечалось выше, вопрос эксплуатации водных ресурсов является жизненно важным для стран региона. Последнее, приводит к постоянным спорам, перетекающие в перестрелки и масштабные боестолкновения [Мирзоев 2017: 379-385].

Предыдущее крупное столкновение между странами произошло весной 2021 г. около водозабора «Головной» реки Ак-Суу на очередном спорном участке. По заявлениям киргизской стороны, пограничники Таджикистана установили там камеры, что, ожидаемо, не понравилось киргизам³. В итоге произошло несколько инцидентов с использованием не только стрелкового вооружения, но и минометов и артиллерийских систем. За несколько дней обе стороны потеряли убитыми десятки военнослужащих, а также несколько сотен получили ранения. Помимо этого, относительно недавно, в начале 2022 г. стороны также обменялись обоюдными

¹ Sputnik Таджикистан «Сколько километров таджикско-кыргызского рубежа разграничено?» [Электронный ресурс] <https://tj.sputniknews.ru/20220925/tajikistan-kyrgyzstan-graniza-km-1051658284.html> (дата обращения 21.11.2022)

² Комсомольская правда «Таджикистан считает, что Киргизия незаконно присвоила часть его территории» [Электронный ресурс]

<https://www.kp.ru/daily/27477/4685089/> (дата обращения 21.11.2022)

³ Sputnik Кыргызстан «Факты о водозаборе КР, из-за которого возник конфликт с Таджикистаном» [Электронный ресурс] <https://ru.sputnik.kg/20210502/video-fakty-vodorazdel-golovnoy-1052353216.html> (дата обращения 28.11.2022)

обстрелами пограничных пунктов друг друга. По официальным данным, в столкновении пострадали 20 человек¹.

Анализ данной проблематики позволяет отмечать ярко выраженную прогрессирующую негативную динамику. Столкновения между Бишкеком и Душанбе из ряда в ряд становятся всё более масштабными. Кроме того, усиливаются конфронтационные настроения между обществами обеих стран. Усиление радикальных настроений на почве этнической ненависти друг к другу может привести к серьёзнейшему кризису в этом многонациональном регионе. Проблема нехватки необходимых ресурсов для ведения одного из основных видов деятельности, умноженная на территориальные и межэтнические противоречия, может погрузить регион в состояние перманентной войны всех против всех. В ходе текущих боестолкновений Таджикистан подтвердил гибель 41 гражданина страны. Киргизии в свою очередь сообщили о 59 погибших. Тем не менее, официальные представители государств подписали протокол № 42 о стабилизации ситуации на границе и установлении мира между двумя странами². В рамках протокола обе страны договорились о консервации четырех пограничных застав и постов с каждой стороны.

Железная дорога «Узбекистан-Кыргызстан-Китай». В середине сентября состоялся 22-й саммит ШОС. В рамках встречи стран участниц Шанхайской организации были затронуты множество вопросов, касающиеся обстановки как в регионе, так и в мире в целом. 14 сентября в

столице Узбекистана Самарканде, на полях саммита были подписаны соглашения Министерством транспорта и коммуникаций Кыргызстана, Министерством транспорта Узбекистана и Государственным комитетом по развитию и реформе Китая о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай-Кыргызстан-Узбекистан»³.

Данный документ приблизил осуществление плана по реализации одного из наиболее амбициозных и масштабных проектов в Центральной Азии, который обсуждался уже более четверти века. Согласно подписанному соглашению, страны совместными усилиями будут содействовать завершению технико-экономического обоснования проекта строительства железной дороги «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» по участку на территории Кыргызской Республики по комбинированному варианту маршрута «Торугарт – Арпа – Макмал – Джалал-Абад»⁴.

Составление технико-экономического обоснования проекта должно быть завершено не позднее 1 июня 2023 года.

Рассматривая историю данного логистического проекта, можно выявить несколько основных камней преткновения⁵. К ним можно отнести: выбор маршрута, ширину железнодорожной колеи, а также, источник финансирования, который является одним из важнейших аспектов. Первые два из них являются довольно важными, но в данном исследовании, мы сделаем акцент на финансовой стороне этого вопроса, поскольку, как сказано в известном фразеологизме: «кто платит, тот и заказывает

¹ Sputnik Таджикистан «Конфликт на границе Таджикистана и Киргизии: что происходит сейчас» [Электронный ресурс] // <https://tj.sputniknews.ru/20220127/konflikt-tajikistan-kyrgyzstan-granica-2022-1045267571.html> (дата обращения 17.11.2022)

² ТАСС «МИД Таджикистана подтвердил гибель 41 человека в конфликте на границе с Киргизией» [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15796385> (дата обращения 25.11.2022)

³ Sputnik Узбекистан «Итоги саммита ШОС в Самарканде» [Электронный ресурс] //

<https://uz.sputniknews.ru/20220916/itogi-sammita-shos-v-samarkande---obzor-video-28265522.html> (дата обращения 25.11.2022)

⁴ KUN.UZ «В Самарканде подписано соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай-Кыргызстан-Узбекистан»» [Электронный ресурс] // <https://kun.uz/ru/news/2022/09/15/v-samarkande-podpisano-soglasheniye-o-sotrudnichestve-po-proyektu-stroitelstva-jyeleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan-uzbekistan> (дата обращения 25.11.2022).

музыку». Обозначив основную призму, вернемся к исследуемому вопросу. На сентябрьском саммите странам удалось решить вопрос финансирования данного проекта. Стоит отметить, что более 25 лет вопросы инвестиции в данную железнодорожную магистраль вызывали споры между сторонами. Китай настаивал на том, что готов предоставить кредиты на строительство всей необходимой инфраструктуры только в том случае, если к реализации подрядов будут привлечены китайские компании и специалисты¹. Однако власти Кыргызстана не устраивает этот вариант, поскольку задолженность Бишкека перед Пекином уже превысила 4,7 млрд долларов, что составляет 26 % всего бюджета государства². Таким образом, очередные кредиты только лишь усугубят ситуацию. В этом контексте необходимо упоминать, что должниками Среднего государства, в большей или меньшей степени, являются все центральноазиатские республики. Так, к примеру задолженность Казахстан перед Китаем превысила 11,5 млрд долларов³, Узбекистана более 2 млрд долларов⁴, Таджикистана 1,2 млрд долларов⁵, а точных данных по Туркменистану нет, но в средствах объективного контроля мы можем заметить, что долг Ашхабада Пекину до 2021 г. составлял около 11-12 млрд долларов⁶. 8 июня 2021 г., согласно извещению от Синцзянского филиала Государственного банка развития Китая, Туркменистан погасил кредиты на сумму 8,1 млрд долларов. Стоит отметить, что Туркменистан предпочитает погашать кредиты за счет своих углеводородов, большая часть которых идет

именно в Пекин. В этом ключе, необходимо добавить, что Поднебесная, через компании с китайским капиталом, постепенно берет под свой контроль все стратегически важные отрасли в странах Центральной Азии. По мнению исследователей, сейчас под контролем Пекина примерно 32% нефтяного сектора, более 75% золотодобычи Кыргызстана, а в Таджикистане уже более 80% золота добывается китайскими компаниями [Луконин 2015: 84–87].

Также можно добавить, упоминавшийся ранее, фактический контроль Китая над туркменскими месторождениями углеводородов. Как мы можем заметить, экономическое и политическое влияние Китая стремительно усиливается в данном регионе. Соответственно, ханьцы имеют серьезные рычаги воздействия на центральноазиатские государства. Впрочем, нет сомнений в том, что Китай и дальше будет ненавязчиво усиливать свое присутствие в регионе. Для Китая, данная железнодорожная магистраль — это еще один шаг в сторону реализации инициативы «Один пояс, один путь». Железная дорога «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» станет южной веткой континентального логистического коридора, которая будет связывать Евразию с Юго-Восточной, Западной Азией, а также со странами Ближнего Востока. Помимо этого, данный путь позволит увеличить товароборот Китая с его внешнеторговыми партнерами, дополнительно сэкономив время на доставку грузов. Все указанные страны, а именно Китай, Киргизия и Узбекистан, выиграют от реализации этого проекта [Рахимов 2020: 83–

¹ ИА REGNUM «Проект железной дороги из Китая в Киргизию: споры только начинаются» [Электронный ресурс] [https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3698190.html](https://regnum.ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3698190.html) (дата обращения 21.11.2022)

² Рамблер/финансы <https://finance.rambler.ru/economics/45901035-kitay-reshil-poglotit-kyrgyzstan-iz-za-dolgov/> [Электронный ресурс] // <https://finance.rambler.ru/economics/45901035-kitay-reshil-poglotit-kyrgyzstan-iz-za-dolgov/> (дата обращения 25.11.2022)

³ Инфографика | LS «Внешний долг Казахстана растет: кому страна задолжала больше всего.» [Электронный ресурс] // <https://ism.kz/v-kazahstane-uvelichilos-proizvodstvo-avto> (дата обращения 25.11.2022)

⁴ ИА REGNUM «Долг Узбекистана перед КНР превысит \$3 млрд» [Электронный ресурс] <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2766751.html> (дата обращения 21.11.2022)

⁵ Sputnik Таджикистан «Долг Таджикистана перед Китаем: на что идут кредиты» [Электронный ресурс] // <https://tj.sputniknews.ru/20210302/tajikistan-china-dolg-2021-1032922176.html> (дата обращения 28.11.2022)

⁶ Хроника Туркменистана «Глава Внешэкономбанка назвал объем внешнего долга Туркменистана. Он не соответствует заявляемому ВВП страны» [Электронный ресурс] // <https://www.hronikatm.com/2021/09/gdp-shenanigans/> (дата обращения 25.11.2022)

88]. Однако не все страны региона с оптимизмом встретили этот проект. В частности, одним из основных противников данного проекта является Казахстан, поскольку он сам владеет своей железной дорогой из Китая. В результате чего, новая транспортная артерия, идущая в обход страны, может в перспективе заметно снизить загруженность перевозок по казахско-китайской железной дороге. Вследствие чего транзитные услуги Астаны станут менее востребованными, что неизбежно отразится на транзитных поступлениях в бюджет страны.

Еще одним государством, также не заинтересованным в реализации данного проекта, является Таджикистан. В общественно-политическом дискурсе киргизского общества сильно мнение, что Таджикистан пытается установить контроль над частью Чон Алайского района для преодоления транспортной блокады со стороны Киргизии¹. Установление контроля над частью Чон Алайского района позволяет получить сухопутный транспортный коридор в Китай. Тем более, юридически данный участок границы между двумя странами еще не демаркирован. Поэтому, логично, желание Душанбе любым способом решить эту задачу. В контексте темы железной дороги, установив контроль над спорной частью, Душанбе гипотетически может стать не только участником проекта по строительству железной дороги, но и получит инструмент давления на своих соседей. Этот рычаг способен оказать влияние не только на экономику Кыргызстана, но и Китая и Узбекистана. Прежде всего, Таджикистан не устраивает, то, что такого рода проекты реализуются без его участия. Поэтому установив контроль над частью Чон Алайского района Кыргызстана, Таджикистан будет автоматически включен в проект, что

позволит ему также получать свой дивиденды. Еще одним интересным аспектом является геополитическая выгода от приобретения коридора в Китай через Алайскую долину. Заполучив данную транспортную артерию, удастся соединить фарсыязычный пояс от Афганистана и Ирана с Китаем, через территорию Таджикистана, при этом миновав тюркоязычные государства региона – Узбекистан и Казахстан. Данный геополитический шаг принесет политические дивиденды, необходимые нынешним властям Таджикистана. Ни для кого не секрет, что в этой центральноазиатской стране накалена внутривнутриполитическая обстановка. Не случайно, что именно это государство в своей современной истории пережило тяжёлую гражданскую войну 1992–1997 гг. [Малашенко 2012:109–115]. В стране ярко выраженная клановость. Более того, несменяемость нынешнего лидера государства и усиливающие социально-политические и экономические проблемы только лишь усугубляют ситуацию. Ко всему прочему, стоит добавить нарастание исламистских настроений в стране, которые получили новое «дыхание» после прихода к власти в соседнем Афганистане Талибана. Последние, умело используют социально-политическую напряженность в стране, пытаясь подтолкнуть таджикское общество последовать своему примеру и продолжить исламскую революцию в своей стране. Не удивительно, что Душанбе крайне резко высказался в сторону нового талибского правительства, заявив, что видит в этом угрозу своим национальным интересам². Помимо этого, таджикские власти активно оказывают помощь противникам Талибана. В частности, спецслужбы Таджикистана оказывают материальную поддержку Фронту Национального Сопротивления Афганистана (ФНСА). ФНСА - военно-

¹ Sputnik Кыргызстан «На границе с РТ в Чон-Алае ситуация стабильная — что стало причиной встречи пограничников» [Электронный ресурс] <https://ru.sputnik.kg/20210519/kyrgyzstan-tajikistan-chon-alaj-granica-1052537216.html> (дата обращения 17.11.2022)

² Sputnik Таджикистан «Таджикистан не намерен признавать новое афганское правительство» [Электронный ресурс] // <https://tj.sputniknews.ru/20211027/tajikistan-priznanie-afganskoe-pravitelstvo-1043127296.html> (дата обращения 28.11.2022)

политическое объединение, возникшее летом 2021 г.¹ Данное движение состоит в большинстве своем из бывших членов Северного Альянса, а также целого рода элементов, выступающих против власти Талибана. ФНСА или как его прежде называли «Панджшерское сопротивление» активно действует в одноименном районе Афганистане Панджшер, данный регион до сих пор находится под контролем международно-признанной Исламской Республики Афганистан (ИРА). Население провинции на 98,9 % состоит из таджикского меньшинства (около 173 тыс. чел). Не случайно, что именно представители этого этноса в свое время возглавляли Северный Альянс, а теперь помогают основному оплоту сопротивления Талибану, Фронту Национального Сопротивления Афганистана (ФНСА). Пару слов необходимо рассказать про лидера данной организации, который является главным противником движения Талибан. Им является Ахмад Масуд - сын легендарного полевого командира таджикского происхождения, министра обороны Афганистана (1992-1996 гг.), более известного как «Панджшерский лев» Ахмад Шах Масуд. Соответственно, логично, что власти в Таджикистане не могут не реагировать на положение своих братьев в соседней стране, поскольку общественность болезненно реагирует на ущемление прав и интересов своих собратьев в других государствах. Для нашего исследования наиболее интересным пунктом является то, что в ходе столкновений между Бишкеком и Душанбе, на стороне последнего были замечены члены военной группировки ФНСА. Стоит также отметить, что руководство ФНСА открыто проживает на территории Таджикистана. Согласно анализу ряда телеграмм-каналов и методов OSINT была найдена видеозапись, на которой можно заметить людей в военной форме,

которые говорят про участие в сентябрьском конфликте. Мужчины на видеозаписи разговаривают на таджикском языке при этом утверждают, что был уничтожен танк неким Мырза Хожа из Белгилика. Также упоминается «последователь Резвон». Как утверждают киргизские источники, Резвон является уроженцем провинции Парван в Афганистане и членом ФНСА. В поддержку версии участия в конфликте военных без опознавательных знаков высказался глава киргизского ГКНБ К. Ташиев, отметив, что киргизская сторона встревожена тем, что Таджикистан прибегает к помощи «бородатых людей в черной одежде». Глава спецслужбы предположил, что таджикская сторона может к чему-то готовиться. Помимо этого, Секретарь СБ Киргизии М. Иманкулов не исключил вероятность того, что на стороне Таджикистана во время приграничного конфликта участвовали граждане Афганистана. М. Иманкулов утверждает, что у киргизской стороны есть видеозаписи, подтверждающие участие граждан Афганистана в военных действиях на стороне Таджикистана².

«Мы его опознали, личность установили. Нынешние афганские власти подтвердили, что он является гражданином Афганистана. Поэтому могу утверждать, что на стороне вторгнувшихся [на территорию Киргизии] участвовали представители международных террористических, экстремистских организаций, наемники из чужой страны», - подчеркнул секретарь Совбеза³. Исходя из вышесказанного, мы не можем не учитывать эти данные при анализе обстановки в Центральной Азии. Вместе с тем, нельзя забывать, что нынешний политический режим Таджикистана сейчас наиболее уязвим. Как показывает практика, когда внутривосточная обстановка накаляется, появляется необходимость перенаправить внимание общественности на внешний

¹ ИАЦ МГУ «Таджикистан не намерен признавать новое афганское правительство [Электронный ресурс] // <https://ia-centr.ru/publications/v-dushanbe-otkrylsya-ofis-fronta-natsionalnogo-soprotivleniya-fns-afganistana/> (дата обращения 28.11.2022)

² Sputnik Кыргызстан «Знали, что Таджикистан вторгнется, но не в таком масштабе — секретарь Совбеза» [Электронный ресурс] //

<https://ru.sputnik.kg/20220919/marat-imankulov-granitsa-konflikt-provokatsiya-1068065376.html> (дата обращения 25.10.2022)

³ ТАСС «В СБ Киргизии назвали эвакуацию населения самой масштабной в истории» [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15794781> (дата обращения 25.11.2022)

контур. Соответственно не исключено то, что таджикское правительство будет прибегать к этим методам. (данный прием распространен в политике многих государств). Как утверждают источники в Киргизии, нынешние конфликты и обострения служат именно этой задаче по отвлечению внимания от внутригосударственных проблем.

Угрозы для России. Конфликт в Центральной Азии, да и еще между странами-членами ОДКБ является крайне опасным. Прежде всего, дискредитируется роль не только самого военно-политического блока, но и самой России, считающей данную территорию зоной исторически обусловленных интересов. Любого рода деструктивные события в регионе в большей или меньшей степени отразятся на России. На данный момент Москва отвлечена событиями на Украине и не может должным образом оказывать влияние на процессы, происходящие в Центральной Азии. Поэтому, не исключено, что ряд государств воспользуются сложившейся обстановкой и предложат свои «усилия» по стабилизации обстановки в регионе. К таким государствам, прежде всего, можно отнести Китай, который, как отмечали выше, уже активно вливает свои средства в страны Центральной Азии и контролирует важные стратегические ресурсы региона, а также Турция, которая через свои идеологические измы (неопантюркизм, панисламизм и т.д.) способная оказывать мощное влияние на тюркские государства региона. Помимо этого, не стоит забывать и про Иран. У Исламской Республики много своих проблем, как внутренних (протесты в стране), так и внешних (ядерная программа, угрозы со стороны Западного мира и их сторонников и т.д.), но она имеет возможность консолидировать ираноязычные народы вокруг себя, что позволит ей усилить свое влияние не только в регионе, но и в мире в целом. К тому же нельзя упускать из виду Великобританию и США, которые пытаются усилить свое

влияние в регионе для противоборства с КНР и Россией. Вследствие чего высока вероятность того, что постепенно образующиеся вакуум силы могут занять иные акторы, нежели Россия [Ханалиев 2020: 208–219]. Отдельно стоит акцентировать внимание на удручающем положении Организации Договора о Коллективной Безопасности. Данный военно-политический блок утрачивает свою актуальность по причине того, что он попросту не справляется с поставленными перед ним задачами. За все время своего существования, помимо военно-тактических учений, а также официальных и неофициальных встреч, данный блок не продемонстрировал реальную эффективность (кроме Казахстана, да и то мы получили гораздо больше негатива, нежели позитива). Конфликт на Южном Кавказе и продолжающиеся столкновения между членами организации бросают тень на весь блок в целом. Приходится констатировать, что в общественно-политическом дискурсе стран-участниц ОДКБ усиливаются позиции тех, кто не видит надобности отягощать себя членством в данной организации.

Заключение. Хотя Таджикистан с Киргизией и подписали протокол № 42 о стабилизации ситуации на границе, а также установления мира между двумя странами, однако основная проблема делимитации и демаркации границы между государствами всё ещё не решена¹. Отсюда вытекает то, что стороны, как и прежде в недалекой перспективе, снова начнут выяснять отношения между собой и будут пытаться установить контроль над неопределёнными территориями, попутно пытаясь решить вопросы с доступом к стратегическим ресурсам региона. Динамика конфронтации показывает, что стороны каждый раз увеличивают номенклатуру применяемой военной техники, что сказывается на масштабе военных действий и количестве жертв, не только со стороны военнослужащих, но и гражданского населения. Что касается проекта по

¹ Sputnik Кыргызстан «Полный текст протокола № 42, подписанного властями Кыргызстана и Таджикистана» [Электронный ресурс] //

<https://ru.sputnik.kg/20220926/kyrgyzstan-tadzhkistan-protokol-tekst-1068324776.html> (дата обращения 25.10.2022)

строительству железной дороги, то позитивные шаги в реализации проекта есть, по крайней мере, процесс запущен. Как отмечают эксперты и официальные представители Китая, Киргизии и Узбекистана, железнодорожная ветка позволит раскрыть транспортный потенциал Центральной Азии и благоприятно скажется на экономике стран. Имплементация проекта повлечёт за собой расширение географии торговли и перевозок в азиатском регионе. По железной дороге грузы из Китая пойдут в Кыргызстан, Узбекистан и далее в Европу, а через Южный коридор, в страны Персидского залива. Однако такие страны как Казахстан и Таджикистан, оказавшиеся вне проекта, демонстрируют свое недовольство. Первый опасается того, что своя (Казахско-Китайская железная дорога) станет менее востребованной, второй же сам хотел бы получать экономические и политические дивиденды от данного сухопутного коридора. Так или иначе, рассматривая ситуацию в регионе, не стоит забывать, что Китай имеет все возможности продавить все необходимые для него решения, поскольку страны региона зависимы в экономическом плане от КНР. Если Пекин выбрал для экспансии в регион преимущественно экономическую тактику, создавая совместные предприятия с китайским капиталом и осуществляя прямые инвестиции в экономику государств региона, то такие акторы мировой политики, как Турция и Иран прибегают к идеологическим инструментам продвигая и навязывая, соответствующим им странам, свою систему координат и свои объединяющие идеи. Не стоят в стороне и западные страны, США и Великобритания, которые после бегства из Афганистана, стараются создать новые точки опоры в регионе. Отдельное внимание в исследовании было уделено участию ФНСА в сентябрьском конфликте между Бишкеком и Душанбе. Согласно объективным средствам контроля, были найдены доказательства участия членов военизированной группировки ФНСА. Данная информация нашла свое подтверждение среди официальных высказываний представителей киргизских спецслужб. Нахождение в стране разного

рода милитаристских соединений из Афганистана создает предпосылку вовлечения в конфликт нетрадиционных акторов, с вытекающими отсюда последствиями (активизация террористических актов, а также, при должном усилении позиций последних, попытка давления на официальные власти Душанбе). Более того, описанный выше процесс может привести к увеличению риска перетекания радикальных группировок с Ближнего Востока и Афганистана в республики Центральной Азии с дальнейшим реэкспортом в Россию. Помимо этого, в ближайшем политическом цикле может наблюдаться усиление наркотрафика и контрабанды. Все вышесказанные вещи являются тревожными сигналами для России. Конфликты между союзниками Москвы по военно-политическим и экономическим объединениям, а также неспособность Кремля оказать необходимое внимание создает вакуум силы, который могут занять иные акторы.

Рекомендации.

Культурологический аспект.

России необходимо более плотно заниматься происходящими процессами в регионе. Москва имеет уникальный опыт и преимущества для проведения своей политики в центральноазиатском регионе. В инструментарии внешней политики России входят элементы мягкой силы, основу которой можно черпать из исторического опыта совместного проживания в едином государстве, а также из русского языка, являющегося объединяющим звеном между ними. Необходим адекватный ответ на общественный запрос по изучению русского языка. Надо оказывать поддержку в изучении нашего языка в государствах ЦА. Знание русского языка позволяет выходцам из вышеупомянутых государств мигрировать в Россию и вести свою трудовую деятельность. Для нас это не только дешевая рабочая сила, но возможность культурно «обработать» их, заложив и выстроив правильное представление о России. Стоит также усиленно вести работу с диаспорами, проживающими на территории России. Поскольку это можно будет использовать для лоббирования своих интересов.

Экономический аспект

Также стоит уделить внимание экономическим проектам. Прежде всего инфраструктурном. Ни для кого не секрет, что у РФ нет таких экономических возможностей, как у того же Китая. Несмотря на это, в нашем распоряжении есть, хоть и отчасти, устаревшая технологическая база, но более доступная в практическом понимании для стран региона нежели аналогов из Китая. Яркий пример тому крупные технологические проекты в Киргизии (реализация гидропроектов-Русэлпром, Газпром – газификация)¹, В Таджикистане Сангтудинская ГЭС-1 (Росатом), Туркменистан - многомиллиардные проекты с Газпромом, а также предложение российским компаниям провести модернизацию национального топливно-энергетического комплекса страны. Интенсивно ведется работа между Москвой и Ташкентом². Так в Узбекистане действуют около 3000 совместных компаний³. Ярким примером совместных проектов является строительство медной обогатительной фабрики №3 на базе месторождения «Ёшлик-1», входящего в состав Алмалыкского горно-металлургического комбината (АГМК). Помимо этого, в ряде областей Казахстана активно развиваются топливно-энергетические проекты. В частности, месторождение Тенгиз и Кумкольской группы месторождений, Карачаганакское нефтегазоконденсатное месторождение Карачаганаке а также в Актюбинской и Мангистауской областях РК. Также при участии «Лукойл» совместно с НК «КазМунайГаз» реализуются проекты «Тюб-Караган» и «Аташский» в казахстанской части Каспийского моря. Всё вышеперечисленное демонстрирует примеры совместных экономических

проектов, которые Москва способна воплощать в жизнь.

Политический аспект

Ставка на режимы, общества которых демонстрируют накопленную усталость и выступают с запросом на обновление политического климата в стране, является недалёковидной политикой, поскольку уже сейчас заметно то, что необходимо диверсифицировать политические активы в странах (имеется в виду, что нужно работать со всеми политическими силами в исследуемых странах). В противном случае этим воспользуются не только наши геополитические противники, но и разные девиантные элементы мировой политики. А именно, радикальные исламистские группировки, которые уже сейчас, в условиях ограничения политической конкуренции в странах ЦА (Таджикистан - Туркмения), завоевывают все больший авторитет и находят отклик у морально уставшего населения ряда государств. Такие процессы, как политическая окостенелость, невиданная и безмерная коррупция, отсутствие развития и пресловутая для стран региона клановость являются основными катализаторами центробежных и деструктивных процессов в Центральной Азии. В исследуемых странах происходит процесс смены поколений, Россия должна учитывать это в выстраивании своего взаимодействия с государствами региона. Кремлю необходимо опираться на лидеров общественного мнения, которые предлагают удовлетворение общественных запросов на обновление и развитие. При этом, надо через инструменты мягкой силы, ненавязчиво направлять и в целом «выращивать» лояльных к себе лидеров, поскольку это поможет не только удержать свои позиции в регионе, но и предотвратит рост радикальных сил и движений, которые

¹ Российская газета «Россия и Киргизия реализуют проекты в сфере гидроэнергетики» [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2022/05/04/rossiia-i-kirgiziia-relizuiut-proekty-v-sfere-gidroenergetiki.html> (дата обращения 25.10.2022)

² ИР «Диалог» «Александр Шевнин: «Сангтудинская ГЭС-1 стала крупнейшим инвестиционным проектом России в странах СНГ»» [Электронный ресурс] // <https://www.dialog.tj/news/aleksandr-shevnin-sangtudinskaya-ges-1-stala-krupnejshim-investitsionnym-proektom-rossii-v-stranakh-sng> (дата обращения 25.10.2022)

³ Sputnik Узбекистан «Видео: какие проекты Россия реализует в Узбекистане»» [Электронный ресурс] // <https://uz.sputniknews.ru/20220909/video-meditsinatuzizm-transport---kakie-proekty-rossiya-realizuet-v-uzbekistane-27945543.html> (дата обращения 25.10.2022)

представляют угрозы национальной безопасности в регионе.

Военный аспект

Как отмечалось выше, ОДКБ постепенно себя изживает и без должного реформирования организация близка к тому, чтобы уйти в небытие. Такие угрозы как – распространение радикального исламизма, экстремизма, терроризма, наркотрафика, сепаратизма и контрабанды - необходимо

постоянно отслеживать и безотлагательно устранять. Стоит также активно включаться в процессы поддержания региональной безопасности. Если нам не удастся самим реформировать ОДКБ, или создать его жизнеспособный аналог, то придется сконцентрироваться на других организациях, которые также борются с вышеотмеченными вызовами и угрозами. В частности, ШОС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бояркина О.А.* Основные проблемы государств Ферганской долины // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №2 (26).
- Ван Сяолин* О проблемах сотрудничества в сфере высокоскоростных железных дорог между КНР и странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. №5.
- Вебер А. Б.* Экологические угрозы и ресурсные ограничения: их отражение в идеологии и в политике // СНИСП. 2022. №3 (39).
- Гарбузарова Е.Г.* Транспортно-коммуникационный потенциал Центральной Азии в фокусе интересов глобальных акторов // Восточная аналитика. 2019. №2.
- Имомов А.* Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии: взгляд из Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. №2.
- Курьлев К.П., Малышев Д.В., Хотивришвили А.А., Шабловский В.С.* ШОС И ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 81-88.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Луконин С.* Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт) // Россия и мусульманский мир. 2015. №11 (281).
- Малашенко А.* Таджикистан: долгое эхо гражданской войны // Россия и мусульманский мир. 2012. №8.
- Мирзоев С.З.* Ситуация в ферганской долине и ее влияние на стабильность и безопасность в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2021. №5.
- Неймарк М.А.* Кризисная геополитика и новый мировой порядок: перспективы России // Обозреватель - Observer. 2021. №8 (379).
- Рахимов Б.А.* Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай - Кыргызстан - Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. №2.
- Сидоров О.* Водные ресурсы Центральной Азии как источник региональных конфликтов // Россия и мусульманский мир. 2004. №3.
- Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центральноазиатский регион // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. №3.

REFERENCES

- Boyarkina O.A.* Osnovnye problemy gosudarstv Ferganskoj doliny // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. №2 (26).
- Van Syaolin'* O problemah sotrudnichestva v sfere vysokoskorostnyh zheleznyh dorog mezhdru KNR i stranami Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. №5.
- Veber A. B.* Ekologicheskie ugrozy i resursnye ogranicheniya: ih otrazhenie v ideologii i v politike // SNI SP. 2022. №3 (39).

- Garbuzarova E.G. Transportno-kommunikacionnyj potencial Central'noj Azii v fokuse interesov global'nyh aktorov // Vostochnaya analitika. 2019. №2.
- Imomov A. Territorial'nye i zemel'no-vodnye konflikty v Central'noj Azii: vzglyad iz Tadzhikestana // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2013. №2.
- Kurylev K.P., Malyshev D.V., Hotivrishvili A.A., SHablovskij V.S. SHOS I EAES v kontekste evrazijskoj integracii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 65. № 2. S. 81-88.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V. Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta «Odin pojas, odin put'». Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Lukonin S. Investicii Kitaya v Central'noj Azii (TEK, resursy, transport) // Rossiya i musul'manskij mir. 2015. №11 (281).
- Malashenko A. Tadzhikestana: dolgoe ekho grazhdanskoj vojny // Rossiya i musul'manskij mir. 2012. №8.
- Mirzoev S.Z. Situaciya v ferganskoj doline i ee vliyanie na stabil'nost' i bezopasnost' v Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2021. №5.
- Nejmark M.A. Krizisnaya geopolitika i novyj mirovoj poryadok: perspektivy Rossii // Obozrevatel' - Observer. 2021. №8 (379).
- Rahimov B. A. Realizaciya mezhdunarodnyh transportnyh proektov v Kyrgyzstane: perspektiva stroitel'stva zheleznoj dorogi Kitaj - Kyrgyzstan - Uzbekistan // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2020. №2.
- Sidorov O. Vodnye resursy Central'noj Azii kak istochnik regional'nyh konfliktov // Rossiya i musul'manskij mir. 2004. №3.
- Hanaliev N.U. Vliyanie na nacional'nyu bezopasnost' Rossii integracii zarubezhnyh aktorov v Central'no-aziatskij region // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2020. №3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Велиев Рамиль Рифанович, аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru).

Veliyev Ramil Rifanovich, post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. (E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru).

Проявление исламизма в Узбекистане: характер и особенности

Б. Д. Искандарзода

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: iskandarzoda@outlook.com

Аннотация. После распада СССР государства Центральной Азии начали сталкиваться с духовным-идеологическим кризисом, который выразился в появлении в регионе идеологического вакуума и отсутствием у в то время новых независимых государств оформившейся национальной идентичности и самосознания. Такие отзвуки прошлого как местничество, межэтнические и межплеменные противоречия хоть и в меньшей степени, но до сих пор остаются важным фактором, который дестабилизирует общества государств Центральной Азии. Вследствие занятости республик в начальный период своей независимости вопросами госстроительства и поиском разрешения общественно-политического и социально-экономического кризисов, поразивших страны на рубеже 1980-х – 1990-х гг., культурно- и духовно-идеологические вопросы оказались в тени. Власти центральноазиатских государств не сразу обратили внимание на необходимость скорейшего заполнения, возникшего в еще робком и не до конца сформированном национальном самосознании идеологического вакуума. Уже после обретения независимости страны Центральной Азии охватила волна исламизма и внутренней радикализации. Спустя время эти процессы стали подогреваться извне. Отдельные страны за пределами региона сыграли в этом определенную роль.

Ключевые слова: исламизм, Узбекистан, религиозный экстремизм, радикализация

Для цитирования: Искандарзода Б. Проявление исламизма в Узбекистане: характер и особенности // Постсоветские исследования. 2023;3(6):293-299.

Manifestation of Islamism in Uzbekistan: character and features

Bekhruz D. Iskandarzoda

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: iskandarzoda@outlook.com

Abstract. After the collapse of the USSR, the states of Central Asia began to face a spiritual and ideological crisis, which was expressed in the emergence of an ideological vacuum in the region and the absence of a national identity and self-consciousness in the newly independent states at that time. Such echoes of the past as localism, interethnic and intertribal contradictions, although to a lesser extent, remain an important factor that destabilizes the societies of the Central Asian states. Due to the preoccupation of the republics in the initial period of their independence with issues of state construction and the search for a solution to the socio-political and socio-economic crises that struck the countries at the turn of the 1980s - 1990s, cultural, spiritual and ideological issues were in the shadows. The authorities of the Central Asian states did not immediately pay attention to the need to fill the ideological vacuum that had arisen in the still timid and not fully formed national consciousness as soon as possible. After gaining independence, the Central Asian countries were swept by a wave of Islamism and internal radicalization. After a while, these processes began to be heated from the outside. Individual countries outside the region have played a role in this.

Keywords: islamism, Uzbekistan, religious extremism, radicalization

For citation: Bekhruz D. Iskandarzoda. The phenomenon of Islamism in Uzbekistan: character and features. Post-Soviet studies. 2023;3(6): Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;4(5):293-299. (In Russ.)

Общая численность населения по состоянию на 2020 г. оценивается в 30,6 млн человек. Приблизительно 88% населения – мусульмане, а по оценкам министерства

иностранцев дел Узбекистана, 96% населения – мусульмане. Большинство мусульман – сунниты ханафитской школы. Правительство утверждает, что примерно 1% населения – шииты-джафариты, сконцентрированные в Бухарской и Самаркандской областях. Приблизительно 2,2% населения составляют русские, по сравнению с 3,5% в 2019 г. Согласно отчетам и статистическим данным, это число продолжает снижаться в связи с эмиграцией этнических русских. Правительство утверждает, что оставшиеся 1,8% населения включают небольшие общины католиков, этнических корейских христиан, баптистов, лютеран, адвентистов седьмого дня, евангельских христиан, пятидесятников, свидетелей Иеговы, буддистов, бахаистов, членов Международного общества сознания Кришны и атеистов. По словам членов еврейской общины, численность еврейского населения – смеси ашкеназов и сефардов (бухарских евреев) – составляет менее 10 тыс. человек. Из них около 6 тыс. ашкеназов и менее 2 тыс. бухарских евреев проживают в Ташкенте, Бухаре, Самарканде и Ферганской долине. Еврейское население продолжает сокращаться из-за эмиграции¹.

На чрезвычайной сессии Парламента Узбекистана, прошедшей в августе 1991 года, президент республики И. Каримов объявил о независимости страны. Президент в числе прочего объявил о том, что Узбекистан остается светским государством, но также отказывается от атеистической идеологии. Несмотря на то, что большинством верующих этот факт был воспринят положительно, оставались те, кто выступал в пользу исламского государства. Так, кори А. Мирзоев (лидер узбекских ваххабитов), выступая в мечети во время пятничной молитвы в Андижане заявил, что сейчас «не стоит ожидать содействия возрождения ислама в стране» и что «враги ислама – евреи и атеисты – всегда будут препятствовать мусульманам в их стремлении самим определять свою судьбу и занимать государственные посты» [Назирова 2017: 157]. Исследователи отмечают, что до

распуска СССР первые исламистские движения появились на территории современного Узбекистана. Так, у истоков первых исламистских движений в Советском Союзе стояли выходцы из Андижанской области Узбекистана – Рахматулло-аллома и Мирзоев Абдували-кори. Ими были созданы подпольные группы «Худжра» («Комната») и «Давра» («Круг»), постепенно переросшие в политическое движение Муджаддидия, упомянутое ранее [Саидов 2015: 175]. Во многом идеология Муджаддидии была схожа с идеологией ваххабитов: так, и те и другие не признавали отделение власти от религии, ратовали за объявления ислама государственной религией, отрицали всякие новшества в исламе и стремились к возрождению его первоначальной «чистой» формы. Появление других политико-религиозных движений в Узбекистане берет свое начало именно от Муджаддидии. В 2001 г., спустя два месяца после американской трагедии [11 сентября, теракт в Нью-Йорке], имам из Ферганской долины в частном разговоре признался, что если бы выборы президента в Узбекистане состоялись сейчас, то бен Ладен был бы избран в первом туре [Малашенко 2006: 220]. Судить о достоверности приведенного разговора мы не можем, но тем не менее, учитывая значимость и роль исламских мулл и богословов в общественной жизни сельских узбекистанцев и вообще роль религии в системе ценностей мусульман Центральной Азии, такие доводы из уст имама не могут не беспокоить.

Молдавский политик и историк З. Тодуа в своей книге «Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии» пишет: «Власть над Узбекистаном – заветная мечта религиозных экстремистов. Республика не только занимает стратегически выгодное положение, но и располагает высоким экономическим потенциалом и быстрорастущим населением. Если бы исламистам удалось установить контроль над этой страной, они пробили бы гигантскую брешь в современной цивилизации и заложили основу для

¹ 2020 Report on International Religious Freedom: Uzbekistan. U.S. Department of State.

<https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/uzbekistan/>

создания исламского халифата» [Тодуа 2005].

К середине 1990-х гг. безработица и нищета, отсутствие внятных перспектив и возможностей для молодежи способствовали тому, что часть людей стала прислушиваться к деятелям религиозных организаций. Последние часто твердили, что «не будет хорошей жизни человеку, пока не будет построено правильное государство – исламское государство». Такая пропаганда находила отклик, тем более исламисты готовы были платить деньги за активность: так, например, за расклеивание пропагандистских листовок можно было заработать 50-100 долларов в месяц [Тодуа 2005].

В становлении исламистской мысли в Узбекистане во многом примечательна роль Исламского движения Узбекистана – ныне Исламской партии Туркестана¹. «ИДУ было создано в XX в. и изначально существовало в виде подпольных групп. В 1990-е гг. движение активизировалось и начало активную деятельность в Таджикистане и Узбекистане, а после событий 11 сентября 2001 г. руководство ИДУ наладило взаимодействие с другими террористическими группировками. Движение принимало участие в войне в Афганистане и локальных вооруженных столкновениях, было причастно ко многим терактам в Центральной Азии. Существуют данные, что ИДУ сотрудничало с Талибаном и Аль-Каидой. К середине 2010-х гг. Исламское движение Узбекистана, как и многие региональные террористические организации, присоединилось к «Исламскому государству» (ИГ)² в целях создания мирового халифата. Таким образом после 2015 г. ИДУ действовало уже в составе ИГ» [Курылев, Рамич 2020: 91–102]. Движение поддерживало связи с Партией исламского возрождения Таджикистана и приняла активное и непосредственное участие в развязывании гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг. З. Тодуа пишет, что «после своего организационного становления в конце 1990-х гг. основные

силы ИДУ осели в Тавильдаринской зоне Таджикистана. Оружие и деньги на содержание отрядов ИДУ получали от таджикской оппозиции и движения «Талибан»³, а также от религиозных фондов и организаций Саудовской Аравии и Пакистана. В лидеры ИДУ выдвинулись Д. Намангани, Т. Юлдашев, З. Абдурахман ... Вооруженные отряды ИДУ по некоторым данным, насчитывали около 1000 хорошо вооруженных боевиков. Не считая потенциального подкрепления в виде арабских наемников, боевиков таджикской оппозиции и движения «Талибан», которые готовы были оказать помощь узбекским исламистам».

«Покровители исламских экстремистов в ряде стране долгое время надеялись на то, что Узбекистан удастся втянуть в орбиту таджикского и афганского конфликтов. В 1992-1993 гг., во время активной фазы таджикского конфликта, с территории Узбекистана было выдворено 44 исламских эмиссара – выходцев из Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана и Афганистана. Они вели подпольную деятельность по созданию очагов экстремистских, религиозных организаций, которые, по замыслу их патронов, в перспективе должны были действовать по таджикскому сценарию. В то время в Ферганской долине были обнаружены и ликвидированы несколько тайных баз, где хранилось оружие и были созданы условия для подготовки боевиков» [Тодуа 2005: 269]. Уместно будет упомянуть некоторые факты из биографии Д. Намангани – лидера Исламского движения Узбекистана. По некоторым данным, в 1992 г. он перебрался в Афганистан и попал в тренировочный лагерь таджикской оппозиции. Затем продолжил свою профессиональную подготовку на тренировочной базе организации «Джамаате ислами»⁴, где привлек к себе особое внимание инструкторов пакистанской межведомственной разведки ИСИ. По их инициативе будущий лидер ИДУ в начале 1993 г. был командирован на восток Афганистана в специальных лагерь «Бадер-

¹ Организация, запрещенная на территории РФ.

² Организация, запрещенная на территории РФ.

³ Организация, запрещенная на территории РФ.

⁴ Организация, запрещенная на территории РФ.

2». Здесь им занялись офицеры ИСИ двух отделов этой спецслужбы, действующих на центральноазиатском направлении. После этого он был перенаправлен в Пешавар. Именно там в мае 1993 г. при содействии сотрудников ИСИ с ним встретился один из заместителей Турки аль-Фейсала, руководителя Службы общей разведки Саудовской Аравии. В 1997 г. Д. Намангани становится главнокомандующим вооруженных сил ИДУ. Уже другой лидера ИДУ – Т. Юлдашев, с целью сбора средств посещал Пакистан, Саудовскую Аравию и ОАЭ [Тодуа 2005]. Таким образом есть весомые причины предполагать, что власти Саудовской Аравии и Пакистана замешаны в организации деятельности не только ИДУ, но и в развязывании гражданской войны в Таджикистане, а также в поддержке и финансировании других центральноазиатских исламистских организаций.

Исламское движение Узбекистана причастно к неоднократному совершению терактов на территории Узбекистана. Так, 17 февраля 1999 г. в Ташкенте произошло пять взрывов, в том числе у здания Кабинета министров и МВД. По официальным данным погибло 19 человек, по неофициальным – гораздо больше [Тодуа 2005]. Летом 1999 г. ИДУ вторглось в Сурхандарьинскую область Узбекистана, тем самым подойдя чуть ли не к столице – Ташкенту. З. Тодуа отмечает, что боевики были намерены установить контроль над Ферганской долиной, где их должны были поддержать местные сторонники создания исламского государства. После ряда контртеррористических операций, организованных властями Узбекистана, боевики ИДУ были вынуждены бежать в Афганистан, где под покровительством талибов организовали лагерь дислокации. Пожалуй, самым скандальным терактом международного уровня в истории Узбекистана является взрыв посольств США и Израиля в Ташкенте 30 июля 2004 г. Террористы-смертники взорвались

одновременно, приблизительно в 17 часов. В израильском посольстве погибли 2 узбекских сотрудника, еще 9 были ранены. При взрыве в посольстве США пострадали 2 человека¹. В совершении терактов подозреваются Аль-Каида и Исламское движение Узбекистана. Ответственность на себя взяла организация Союз исламского джихада. Еще одна трагедия постигла узбекский народ чуть раньше – 16 февраля 1999 г. 6 взрывных устройств в разных частях города с небольшим промежутком времени. Целью теракта послужили ключевые правительственные объекты, а также здание кабинета министров – в это время там планировалось присутствие президента И. Каримова. Было убито 16 человек и ранено более 100². Согласно официальной версии, ответственность за теракт лежит на Хизб-ут-тахрир³, а именно ее боевой части – Хизбуллах. Власти позже назвали виновным и Исламское движение Узбекистана.

Говоря об исламизме в Узбекистане, нельзя обойти стороной майские события 2005 года в Андижане, или т.н. «андижанские события». Накануне этих событий в городском суде проходил судебный процесс по делу 23 местных бизнесменов, инкриминируемых в связях с исламистской группировкой Акрамия, основанной в середине 1990-х гг. А. Юлдашевым – бывшим членом Хизб-ут-тахрир. Идеология Юлдашева изложена в сочинении «Иймонга йул» («Путь к истинной вере»). Главная идея – создание в Узбекистане исламского государства, в том числе насильственными методами. Согласно идеологии акрамитов «завоевание власти надо начинать не на национальном, а на местном уровне». Возможно андижанские события и есть тому подтверждение. По официальным данным в результате боевых столкновений погибли 187 человек. Неофициальные источники называют другие цифры – не менее 500 человек. Все началось с того, что вооруженная группа численностью около 100 человек совершила нападение на местную воинскую часть,

¹ Suicide Bombers Strike U.S., Israeli Embassies in Uzbekistan // PBS, 30 июля 2004 г. URL: https://pbs.org/newshour/updates/asia-july-dec04-uzbekistan_07-30/

² Uzbekistan: Islam Karimov Vs. The Clans // Радио Свобода, 22 апреля 2005 г. URL: <https://rferl.org/a/1058611.html>

³ Организация, запрещенная на территории РФ.

захватила тюремное учреждение и выпустила на волю всех отбывающих наказание уголовников. Уже утром боевики заняли здание областной администрации и удерживали несколько заложников из числа представителей власти. Вечером в Андижан были введены войска и по приказу Президента И. Каримова была начата операция по подавлению мятежа. Нет однозначных фактов, доказывающих причастность той или иной исламистской группировки к организации мятежа, но официальные власти возлагают ответственность на Акрамию. Власти считают, что Акрамия так или иначе связана с Хизб-ут-тахрир.

Официальные данные по выходцам из Узбекистана, участвующим в военных действиях в Сирии отсутствуют, однако по разным оценкам их число составляет от 500 до нескольких тысяч человек¹.

Что касается узбекско-афганской границы, то стоит подчеркнуть, что Узбекистан находится в более безопасном положении по сравнению с Таджикистаном ввиду своих более сильных военных ресурсов. Так, Вооруженные силы Узбекистана занимают лидирующее положение в Центральной Азии и по техническому оснащению, и по количественному составу.

Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан объединяет одно общее обстоятельство – Ферганская долина, разделенная между территориями трех этих государств. Изначально, как показывает история,

Ферганская долина служила эпицентром и колыбелью центральноазиатского исламизма. В Узбекистане, однако, как и в Кыргызстане, исламизм не принимал активных политических форм, как например Партия исламского возрождения в Таджикистане, а его активность не выливалась в гражданскую войну, но тем не менее, узбекистанский исламизм давал о себе знать через андижанские события и серию терактов в стране. Узбекистан занимает ведущее положение среди остальных центральноазиатских государств в военном и экономическом планах, а Бухара – исторический центр исламской цивилизации и золотой эпохи ислама, что делает Узбекистан лакомым кусочком не только для центральноазиатских исламистов, но и исламистов всего мира.

Формы проявления исламизма в Узбекистане практически не отличаются от его соседей: попытки проникновения исламистов в политику, экстремистская деятельность запрещенных организаций наподобие Хизб-ут-тахрир, участие узбекистанцев в войнах в Сирии, нелегальное религиозное образование и мечети. И это при том, что большая часть Ферганской долины находится на территории Узбекистана. Безоговорочно жесткая политика властей Узбекистана, в частности, первого Президента И. Каримова способствовала тому, что исламизм хоть и действует подпольно, но тем не менее не подобрался и близко к политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов Х.Т.У.* Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 4. С. 1180-1186.
- Ахмедов Х.Т.У., Смолик Н.Г.* Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 854-865.
- Бактыбаева А.Н.* Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 304-314.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 479-486.
- Караваев А.В.* Узбекистан - ЕАЭС: Ожидания и параметры переходного периода // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 7. С. 1492-1502.

¹ Сколько выходцев из стран бывшего СССР воюют на стороне террористов // ИА «Sputnik News», 26 октября 2017 г. URL:

<https://uz.sputniknews.ru/20171026/vyhodcy-iz-sssr-na-storone-terroristov-6666975.html>

- Курьлев К.П., Рамич М.С.* Терроризм в Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 2. С. 91–102.
- Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламский проект /: Московский центр Карнеги, Carnegie Endowment for International Peace. Москва: Весь мир, 2006. 220 с.
- Назиров Н.Д.* Проблемы политического ислама и конфликты в государствах Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. 157 с.
- Николашвили Н.Д.* Роль Шанхайской Организации Сотрудничества в борьбе с террористической угрозой на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 633-640.
- Саидов Ш.Ш.* Исламской фактор и его влияние на политические процессы центрально-азиатского региона (на материалах Республики Таджикистан): диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Таджикский национальный университет. Душанбе, 2015. 175 с.
- Тодуа З.* Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии Москва: Ин-Октаво, 2005 (М.: Типография «Новости»). 269 с.
- Хуррамов Ж.Р.* Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 5. С. 1328-1339.

REFERENCES

- Ahmedov H.T.U.* Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoy integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v Central'noaziatskom regione // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 4. С. 1180-1186.
- Ahmedov H.T.U., Smolik N.G.* Respublika Uzbekistan v integracionnyh processah na postsovetskom prostranstve // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 1. С. 854-865.
- Baktybaeva A.N.* Terrorizm v SNG: uzbekskij dzhihadizm. Islamskoe dvizhenie Uzbekistana // Postsovetskie issledovaniya. 2020. Т. 3. № 4. С. 304-314.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorizm v Central'noj Azii (Tadzhikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Postsovetskie issledovaniya. 2020. Т. 3. № 6. С. 479-486.
- Karavaev A.V.* Uzbekistan - EAES: Ozhidaniya i parametry perekhodnogo perioda // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 7. С. 1492-1502.
- Kurylev K.P., Ramich M.S.* Terrorizm v Central'noj Azii i Sin'czyan-Ujgurskom avtonomnom rajone Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Vestnik RGGU. Seriya «Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2020. № 2. С. 91–102. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-2-91-102
- Malashenko A.* Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt /: Moskovskij centr Karnegi, Carnegie Endowment for International Peace. Moskva: Ves' mir, 2006. 220 s.
- Nazirov N.D.* Problemy politicheskogo islama i konflikty v gosudarstvah Central'noj Azii: dissertaciya ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.04. Institut filosofii, politologii i prava im. A. Bahovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan. Dushanbe, 2017. 157 s.
- Nikolashvili N.D.* Rol' SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva v bor'be s terroristicheskoy ugrozoy na postsovetskom prostranstve // Postsovetskie issledovaniya. 2020. Т. 3. № 8. С. 633-640.
- Saidov SH.SH.* Islamskoj faktor i ego vliyanie na politicheskie processy central'no-aziatskogo regiona (na materialah Respubliki Tadzhikistan): dissertaciya ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.02 / Tadzhikskij nacional'nyj universitet. Dushanbe, 2015. 175 s.
- Todua Z.* Ekspansiya islamistov na Kavkaze i v Central'noj Azii Moskva: In-Oktavo, 2005 (М.: Tipografiya «Novosti»). 269 с.
- Hurramov ZH.R.* Konceptual'nye osnovaniya otnoshenij mezhdU Uzbekistanom i Rossiej // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 5. С. 1328-1339.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Искандарзода Бехруз Дилшод – **Bekhruz D. Iskandarzoda** – Department of
Магистр в области международных Theory and History of International Relations,
отношений, РУДН. Москва, Россия. (E-mail: RUDN University. Moscow, Russia. (E-mail:
iskandarzoda@outlook.com).

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ / INTEGRATION PROCESSES

Научная статья / Research article

Ключевые сферы взаимодействия Узбекистана с СНГ и ШОС

М. А. Рахимов

Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5414-8498>; e-mail: mirzohidr@mail.ru

С. А. Рахимов

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

E-mail: sadriddin.r@mail.ru

Аннотация. Основной целью данной статьи является анализ ключевых сфер многостороннего сотрудничества в рамках СНГ и ШОС, а также участие Узбекистана в институциональном развитии данных объединений. В ходе исследования были использованы эмпирические (наблюдение, изучение документов, сравнение) и теоретические (анализ и обобщение) методы на основе междисциплинарного подхода. В своем исследовании авторы осветили историю создания и формирование организационно-правовой деятельности СНГ и ШОС, динамики развития сотрудничества Узбекистана со странами-участницами в формировании зоны свободной торговли на пространстве Содружества, деятельности республики в период председательства в СНГ и ШОС, действенности многостороннего сотрудничества по противодействию современным угрозам безопасности в рамках дислоцирующейся в Ташкенте Региональной антитеррористической структуры, а также раскрытию конструктивной роли Республики Узбекистан в формировании правовой основы для расширения международных связей ШОС. По результатам исследования делаются выводы о том, что участие Узбекистана в деятельности СНГ и ШОС полностью соответствует внешнеполитическому курсу республики, так как в условиях современного мира обеспечение мира, стабильности и устойчивого развития в регионе требует развития эффективного многопрофильного сотрудничества. Республика придает приоритетное значение укреплению конструктивного взаимодействия между странами-участницами этих организаций в вопросах обеспечения международной и региональной безопасности, расширения экономических связей и промышленной кооперации, развития транзитно-транспортного потенциала и других сфер. При этом, незыблемым условием дальнейшей эффективной деятельности этих объединений должны стать принципы соблюдения рационального баланса национальных и региональных интересов, а также неуклонное выполнение всеми странами-членами принимаемых в рамках СНГ и ШОС решений на основе доверия и взаимной выгоды.

Ключевые слова: СНГ, ШОС, Совет глав государств, внешняя политика, международная организация, региональная безопасность, стабильность, глобализация, сотрудничество.

Для цитирования: Рахимов М. А., Рахимов С. А. Ключевые сферы взаимодействия Узбекистана с СНГ и ШОС // Постсоветские исследования. 2023;3(6):300-314.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках фундаментального проекта ФЗ 202009302 «Новый Узбекистан: системная либерализация и внешнеполитическая стратегии в контексте укрепления стабильности в Центральной Азии» Министерства Инновационного развития Узбекистана.

Key spheres of Uzbekistan relation with the CIS and SCO

Mirzokhid A. Rakhimov

The Contemporary history center of AS of Uzbekistan.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5414-8498>; e-mail: mirzohidr@mail.ru

Sadriddin A. Rakhimov

University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan Университет

E-mail: sadriddin.r@mail.ru

Abstract. The main goal of this article is to analyze the key areas of multilateral cooperation within the framework of the Commonwealth of Independent States and the Shanghai Cooperation Organization, as well as the participation of Uzbekistan in the institutional development of these organizations. In the course of the study, empirical (observation, study of documents, comparison) and theoretical (analysis and generalization) methods based on an interdisciplinary approach were used. In their study, the authors highlighted the history of the creation and formation of the organizational and legal activities of the CIS and the SCO, the dynamics of the development of cooperation of Uzbekistan with the participating countries in the formation of the free trade zone in the Commonwealth space, the activities of the Republic during the chairmanship of the CIS and the SCO, the effectiveness of multilateral cooperation on contesting modern threats of security in the framework of the Regional anti-terrorism structure in Tashkent, as well as the disclosure of the constructive role of the Republic of Uzbekistan in the formation of a legal basis for the expansion of international relations of the SCO. Based on the results of the study, conclusions are drawn that the participation of Uzbekistan in the activities of the CIS and the SCO is fully consistent with the foreign policy of the republic, since in the conditions of the modern world, ensuring peace, stability and sustainable development in the region requires the development of effective multidisciplinary cooperation. The republic attaches priority to strengthen the constructive interaction between the countries participating in these organizations in matters of ensuring international and regional security, expanding economic ties and industrial cooperation, developing transit and transport potential and other spheres. At the same time, the principles of compliance with the rational balance of national and regional interests, as well as the steady execution by all member countries made within the CIS and SCOs based on trust and mutual benefit, should be an indispensable condition for the further effective activity of these associations.

Key words: CIS, SHOS, Council of Heads of State, Foreign Policy, International Organization, Regional Security, Stability, Globalization, Cooperation.

For citation: Mirzokhid A. Rakhimov, Sadriddin A. Rakhimov. Key spheres of Uzbekistan relation with the CIS and SCO // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):300-314. (In Russ.).

Funding: The article was prepared within the framework of the fundamental project of Federal Law 202009302 «New Uzbekistan: systemic liberalization and foreign policy strategies in the context of strengthening stability in Central Asia» of the Ministry of Innovative Development of Uzbekistan.

Введение

Узбекистан в условиях сложных мировых геополитических процессов осуществляя всесторонне взвешенную, базирующуюся на национальных интересах внешнюю политику, важное внимание придает сохранению и укреплению мира и стабильности в Центральной Азии. В целях эффективного решения проблем регионального и глобального масштаба республика активно развивает взаимодействие со всеми заинтересованными странами и международными организациями на основе многовекторности, а в процессах

регионального сотрудничества наиболее высокий уровень взаимодействия имеет в рамках СНГ и ШОС, участниками которого являются практически все страны Центральной Азии.

Исторические условия образования СНГ

Прекращение существования СССР вызвало необходимость внесения значительных корректив в систему международных отношений, вследствие чего Узбекистану, с учетом геополитических и экономических интересов, а также наличия в условиях прогрессирующей глобализации проблем и вызовов региональной

стабильности, в своей внешней политике пришлось выбирать новые векторы развития межгосударственного сотрудничества, в том числе посредством участия в создании интеграционных объединений.

Одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Узбекистана является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках СНГ, соучредителем которого наряду с другими государствами, образовавшимися после распада СССР, был и Узбекистан.

Начало новому объединению – СНГ положили два документа – Соглашение о создании СНГ и Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР и Украины, подписанные 8 декабря 1991 г. председателем Верховного Совета Белоруссии С.С. Шушкевичем, Президентом России Б.Н. Ельциным и Президентом Украины Л.М. Кравчуком.

13 декабря 1991 г. в Ашхабаде состоялась встреча президентов пяти стран Центральной Азии: Узбекистана – И. Каримов, Казахстана – Н. Назарбаев, Кыргызстана – А. Акаев, Таджикистана – Р. Набиев и Туркменистана – С. Ниязов, по итогам которой главы всех Центральноазиатских государств выразили готовность войти в состав СНГ причем на правах учредителей, а не в роли присоединившихся [Торкунов 2004: 565].

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате для совместного решения всех вопросов, связанных с созданием СНГ, была специально организована встреча руководителей бывших союзных республик. В ходе встречи участниками совещания был подписан Протокол к Соглашению о создании СНГ от 8 декабря 1991 г., в котором говорилось, что все республики¹ на равноправных началах образуют Содружество Независимых Государств.

В ходе данной встречи также была принята Алма-Атинская декларация, в которой закреплялось положение о том, что

взаимодействие стран-участниц будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием. В целях обеспечения стратегической стабильности в документе также было зафиксировано сохранение объединенного командования военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием.

Завершающим этапом формирования организационной структуры Содружества стало принятие 22 января 1993 г. одного из важнейших основополагающих правовых актов, регламентирующих деятельность нового объединения, – Устава СНГ.

Взаимодействие в рамках СНГ осуществляется в основном через уставные органы: Совет глав государств, Совет глав правительств, советы министров иностранных дел, министров обороны и командующих пограничными войсками, Экономический совет, Экономический суд, Межпарламентская ассамблея государств-членов СНГ и др.

В соответствии со статьей 34 Устава Содружества и на основе соглашений государств-членов о сотрудничестве в экономической, социальной, гуманитарной и других областях, были учреждены органы отраслевого сотрудничества, которые осуществляют выработку согласованных принципов и правил такого сотрудничества и способствуют их практической реализации. В состав органов отраслевого сотрудничества входят руководители соответствующих министерств и ведомств стран СНГ, которые координируют деятельность национальных ведомств в таких областях, как сельское хозяйство, транспорт, связь, энергетика, торговля, финансы, промышленность и строительство, образование, здравоохранение, туризм, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. Осуществляют свою деятельность также Координационное совещание руководителей

¹ Из бывших советских республик Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская

Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина 21 декабря 1991 г. подписали Протокол к Соглашению о создании СНГ.

правоохранительных и специальных ведомств (министров внутренних дел и юстиции, генеральных прокуроров, председателей судов и др.) и Антитеррористический центр. Всего по состоянию на конец 2022 г. в рамках СНГ создано 87 органа, в том числе 66 органов отраслевого сотрудничества¹, деятельность которых регламентируется их учредительными документами, а также другими правовыми актами объединения.

Согласно Уставу, высшим органом Содружества является Совет глав государств (СГГ), который обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств-членов в сфере их общих интересов, а также рассматривает вопросы в рамках заинтересованности стран-участниц без ущерба интересам других членов объединения.

Исполнительный комитет СНГ является единым постоянно действующим исполнительным, административным и координирующим органом Содружества со штаб-квартирой в Минске и отделением Исполкома в Москве².

Решения в уставных органах, как и в органах отраслевого сотрудничества по существу обсуждаемых вопросов, принимаются консенсусом. В то же время любое государство может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не будет являться препятствием для принятия решения. Так, например, проанализировав статистические показатели по правовым актам и другим документам, принятым в рамках СНГ в период с 1991 по 2022 гг., установлено, что Узбекистан, исходя из своих национальных интересов, подписал только 24 из 37 предусматривающих ратификацию, а также 230 из 432 требующих выполнения внутригосударственных процедур документов³ (Таблица №1).

Таким образом, можно отметить, что после развала СССР интеграция бывших ее

республик (за исключением Литвы, Латвии и Эстонии) в СНГ, с учетом имеющихся развитых военно-политических, социально-экономических и культурно-гуманитарных связей, определяющих тенденцию объединения в рамках Содружества, в целом можно рассматривать как объективный процесс. А действующие в рамках организации различные типы участия и механизмы принятия и реализации решений позволяют выборочно участвовать в его деятельности, одновременно не противореча процессам укрепления суверенитета государств-участников.

В сложившейся ситуации создание СНГ стало объединяющим фактором развития сотрудничества стран-участниц в политической, военной, экономической, транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной и других сферах с соблюдением принципов равноправия и взаимоуважения. В отличие от СССР, СНГ не является ни государством, ни наднациональным объединением, а взаимодействие участников нового объединения осуществляется на основе заложенных еще в его основополагающих документах суверенного равенства всех членов организации через координирующие институты.

Основные этапы и направления сотрудничества Узбекистана с СНГ

С распадом СССР связывающие и интегрирующие факторы внутри прежнего Союза (единые вооруженные силы, замкнутое общесоюзное экономическое пространство, единая энергетическая и транспортная система, отсутствие оформленных межреспубликанских границ, безвизовое перемещение граждан и др.) продолжали действовать и оказывать влияние на формирование внешней и внутренней политики новых государств, в том числе и Республики Узбекистан. В этих условиях Узбекистан, учитывая, что принятые основополагающие документы

¹ Сайт Исполнительного Комитета СНГ: // <https://cis.minsk.by/page/show?id=11216> (29.12.2022).

² Протокол об утверждении Положения об Исполнительном комитете СНГ от 21 июня 2000 г. Сайт Исполнительного Комитета СНГ:

// cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1063 (11.12.2019).

³ Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. Сайт Исполнительного Комитета СНГ: // <https://cis.minsk.by/reestr/2/reports/vgp-statistics> (29.12.2022).

СНГ отвечали общепринятым нормам международного права, поддержал идею образования СНГ на основе суверенного равенства всех его участников и вошел в состав его учредителей.

Изучив и проанализировав основные нормативно-правовые документы и другие материалы, касающиеся формирования СНГ и участия Республики Узбекистан в данном процессе, историю развития Содружества условно можно разделить на четыре этапа.

Первый этап (декабрь 1991 – январь 1993 гг.) в целом являлся периодом активного становления деятельности СНГ и формирования его институциональных механизмов, в ходе которого был принят ряд важных основополагающих документов, в числе которых важнейшим является Устав Организации, призванный регулировать весь комплекс вопросов деятельности нового объединения. На заседаниях СНГ основное внимание уделялось на регулируемое военно-политическое и экономическое размежевание постсоветских республик. В рамках Содружества предпринимались попытки поддержания действовавших в советский период взаимных социально-экономических и культурно-гуманитарных связей и сохранения рублевой зоны, были решены проблемы контроля над ядерным вооружением, объединенного командования вооруженными силами на переходный период, организационного перехода от единых вооруженных сил к созданию национальных армий, охраны внешней границы бывшего Союза и др. В то же время, вследствие разрыва ранее действовавших взаимных хозяйственных связей (потеря рынков сырья, техники и оборудования, реализации готовой продукции и т.д.), неурегулированности механизмов ценообразования и валютно-финансовых отношений в этот период наблюдалось резкое ухудшение экономического положения большинства стран Содружества

На втором этапе (1993-1999 гг.) развития СНГ был принят ряд важных решений по формированию в рамках Содружества интеграционных процессов в экономической, военно-политической и гуманитарной сферах.

В целях установления эффективного многостороннего торгово-экономического взаимодействия были предприняты попытки создания зоны свободной торговли на пространстве СНГ. В частности, 15 апреля 1994 г. главы всех стран СНГ, в том числе и Узбекистана, подписали Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ). Документом предусматривалось, что в создаваемой ЗСТ будут отменены во взаимной торговле тарифные и нетарифные ограничения, устранены различные препятствия на пути движения товаров и услуг, торговля будет осуществляться без пошлин, что в результате будет способствовать повышению уровня взаимного товарооборота и создаст условия для экономического роста стран Содружества. Однако в связи с тем, что страны-участницы не нашли общий подход к формированию ЗСТ, а принимаемые ими решения на практике имели лишь рекомендательный характер, торгово-экономические взаимоотношения между странами объединения продолжали осуществляться на основе двусторонних соглашений.

В целях координации военного сотрудничества и безопасности внешних границ в рамках СНГ были созданы Совет министров обороны и Совет командующих Пограничными войсками¹. А для содействия развитию взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере между странами СНГ и координации их совместной деятельности были образованы Совет по культурному сотрудничеству, Совет по сотрудничеству в области образования, Совет по туризму и др.

К началу третьего этапа (2000 – первая половина 2016 гг.) одним из основных

¹ Совет министров обороны является высшим коллегиальным органом Совета глав государств СНГ по вопросам военной политики. Рабочими органами СМО СНГ являются постоянно действующий Секретариат в Москве, а также собирающиеся на периодической основе Комитет начальников штабов вооруженных сил стран-участниц, Координационный

комитет по вопросам ПВО, Военно-технический комитет и др. Совет командующих Пограничными войсками координирует деятельность стран СНГ по укреплению охраны внешних границ Содружества, а также дальнейшему поиску новых форм пограничного сотрудничества между странами-участницами.

направлений межгосударственного взаимодействия в рамках Содружества являлось торгово-экономическое сотрудничество. Однако отсутствие единой зоны свободной торговли на пространстве СНГ и действовавшие на тот момент между странами объединения свыше ста соглашений о взаимной торговле создавали неудобства в осуществлении сбалансированного экономического сотрудничества в рамках объединения [Рахимов 2018: 135]. Учитывая необходимость в формировании условий для свободного движения товаров в рамках СНГ и интеграции в международную торговую систему, Узбекистан в мае 2013 г. стал членом Договора о зоне свободной торговли.

В вопросах культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках СНГ взаимодействие Узбекистана со странами-участницами преимущественно осуществлялось на двусторонней основе.

Четвертый этап (вторая половина 2016 г. и последующие годы) характеризуется активизацией участия Узбекистана в работе отраслевых органов СНГ. Республика присоединилась более чем к 10 органам отраслевого сотрудничества, деятельность которых охватывает такие сферы, как борьба с преступностью, наука и инновации, экономика, энергетика, а также реализацию совместных проектов в социально-трудовой сфере, по молодежной проблематике и обеспечению защиты потребительских прав граждан стран-участниц на территории объединения.

В 2020 г. в соответствии с решением Совета глав государств Узбекистан впервые за время существования объединения председательствовал¹ в СНГ. Республикой в период своего председательства проведена значительная работа по совершенствованию нормативно-правового обеспечения

сотрудничества в сфере транспорта и реализации скоординированной политики по обеспечению транспортной безопасности, развитию на пространстве объединения международных транспортных коридоров, повышению эффективности согласованной тарифной политики в области международных железнодорожных перевозок и решению других актуальных вопросов.

Обсуждались и принимались также важные решения по повышению авторитета организации на международной арене. Так, 23 ноября 2020 г. в рамках 75-й сессии ГА ООН была принята внесенная Узбекистаном специальная резолюция «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Содружеством Независимых Государств»².

Итогом председательства Узбекистана в СНГ стало проведение 18 декабря 2020 г. под председательством главы республики Шавката Мирзиёева заседания Совета глав государств в формате видеоконференции, в ходе которого были рассмотрены состояние и перспективы развития политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках СНГ, а также вопросы совместного противодействия новым вызовам и угрозам. В своем выступлении глава нашего государства отметил, что Узбекистан рассматривает СНГ как важную и эффективную площадку для углубления практического партнерства по всем направлениям и озвучил ряд предложений по расширению многопланового сотрудничества в рамках Содружества³ и др.

В целом Узбекистан в период своего председательства придал новый импульс развитию многостороннего взаимодействия в рамках СНГ, о чем свидетельствуют организованные на высоком уровне международные мероприятия и солидный

¹ В соответствии с Положением о председательстве в СНГ (утверждено решением Совета глав государств СНГ от 10 октября 2008 года) Узбекистан одновременно председательствовал в Совете глав государств, Совете глав правительств, Совете министров иностранных дел, Экономическом совете, Совете постоянных полномочных представителей государств-участников при уставных и других органах Содружества, а также Комиссии по

экономическим вопросам при Экономическом совете СНГ.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 23 ноября 2020 года №75/9. «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Содружеством Независимых Государств». Сайт ООН: [//undocs.org/ru/A/RES/75/9](https://undocs.org/ru/A/RES/75/9) (04.12.2021).

³ Интернет-портал СНГ: [//e-cis.info/page/3769/89856/](https://e-cis.info/page/3769/89856/) (26.12.2021).

пакет принятых решений. Так, несмотря на сложные для стран-участниц условия, возникшие в связи с пандемией коронавируса, под председательством республики были успешно проведены два заседания Совета глав правительств в формате видеоконференции (29 мая и 6 ноября 2020 г.) и более 60 запланированных международных мероприятий в онлайн и офлайн форматах, принято около 70 важных документов по приоритетным направлениям многостороннего сотрудничества в рамках объединения.

Таким образом, можно отметить, что Узбекистан рассматривает СНГ как эффективную площадку для развития многопланового и многостороннего сотрудничества стран-участниц. В рамках СНГ создана обширная нормативно-правовая база и сформированы механизмы многостороннего сотрудничества практически по многим жизненно важным для стран объединения направлениям, как дальнейшее развитие торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений, коммуникационных и транспортных связей, обеспечение стабильности и устойчивого развития на пространстве объединения.

Узбекистан в контексте формирования и трансформации ШОС

В условиях современного мира, на фоне растущей напряженности в ряде регионов и возрастания угроз международной безопасности, а также усиливающегося влияния процессов глобализации, обеспечение стабильности и устойчивого развития как на национальном уровне, так и в масштабе всего Центральноазиатского региона имеет свою зависимость от формирования эффективных механизмов многостороннего сотрудничества. Узбекистан, являясь одним из учредителей ШОС¹ выступает за последовательное и системное решение вопросов обеспечения стабильности в регионе, а также эффективного противодействия

нетрадиционным угрозам глобальной безопасности.

ШОС является одной из самых динамично развивающихся молодых международных структур. В июне 2022 года исполнился двадцать один год с момента создания Организации. За небольшой период своего функционирования объединение зарекомендовало себя важной площадкой для обсуждения актуальных проблем обеспечения региональной и глобальной стабильности и приобрело достойное место в современной системе международных отношений. Вместе с тем, важно также подчеркнуть, что ШОС «не является союзом, направленным против других государств и регионов», а наоборот, «придерживается принципа открытости»².

Особую привлекательность объединению придает «шанхайский дух», главным содержанием которого являются равенство, сотрудничество, взаимное уважение и доверие, невмешательство во внутренние дела [Кушкumbaев 2018; Клещева 2012]. Являясь важнейшим принципом деятельности ШОС, «шанхайский дух» обогатил теорию и практику современного международного сотрудничества, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений [Алимов 2017: 20].

В настоящее время ШОС является одной из влиятельных структур многостороннего формата. Общая площадь государств-членов равняется более 34 млн. кв. км, или около 60% территории Евразии, а население – более 3 млрд. чел., что составляет почти половину населения земного шара. Постоянными государствами-члена ШОС являются Индия, Казахстан, Кыргызстан, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. [Porshneva, Rakhimov, Razinkov 2022: 17].

Взаимодействие с заинтересованными государствами также осуществляется

¹ Шанхайская организация сотрудничества образована 15 июня 2001 года в городе Шанхай на основе Декларации о создании ШОС, подписанной Узбекистаном, Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном, как постоянно

действующая региональная международная организация. В 2017 году в состав ШОС в качестве полноправных членов были приняты Индия и Пакистан.

² Декларация о создании ШОС. 15.06.2001 г. Сайт ШОС: www.sectsc.org (18.12.2021).

посредством предоставления статуса «наблюдателя» и «партнера по диалогу».

Основополагающим уставным документом, создающий правовой фундамент для нового международного объединения, является Хартия ШОС, где определены цели и задачи Организации, обозначена ее структура, порядок установления взаимоотношений с другими государствами и международными организациями и др. Основными направлениями сотрудничества в рамках ШОС определены поддержание стабильности и безопасности, а также поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, экономической, гуманитарной, энергетической, транспортной и других областях, представляющих общий интерес.

Для эффективной реализации задач, стоящих перед ШОС, в рамках Организации учреждены: советы глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, Совещание руководителей министерств (ведомств), Совет национальных координаторов, а также постоянно действующие органы: Секретариат, функционирующий в Пекине, и Региональная антитеррористическая структура – в Ташкенте.

Однако, имеются критические оценки деятельности институтов ШОС, так по мнению специалистов Секретариат не обладает полномочиями по принятию самостоятельных решений, функционируя как «административно-бюрократический центр» по реализации решений, утвержденных на встречах высших органов ШОС [Aris 2009; Розанова: 2012].

В целом, по своему статусу ШОС является международной организацией, поскольку соответствует всем критериям таковой: создана в соответствии с международным правом, т.е. на правомерной основе; учреждена на основании

международного договора; осуществляет сотрудничество в конкретных областях деятельности; обладает самостоятельными правами и обязанностями [Shaw 2008: 1295-1296].

ШОС в системе противодействия нетрадиционным угрозам безопасности

Важную роль в поддержании стабильности и безопасности на пространстве ШОС, координации практической деятельности компетентных структур стран-членов объединения по вопросам борьбы с международным терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и другими транснациональными угрозами играет Региональная антитеррористическая структура (РАТС), штаб-квартира которой дислоцирована в Ташкенте.

Двумя постоянно действующими органами, которые «символизируют рождение ШОС как полноценной международной организации» (Song, 2014, p.92) являются Секретариат и Региональная антитеррористическая структура (РАТС). В структуру РАТС входят Совет и Исполнительный комитет. Совет РАТС¹ – это руководящий орган, который определяет порядок осуществления основных задач и функций, ежегодную повестку дня и планы антитеррористической структуры. Исполнительный комитет является постоянно действующим органом ШОС. Его основными задачами являются координация и взаимодействие компетентных органов стран-участниц в борьбе с терроризмом и экстремизмом, проведение антитеррористических учений, совершенствование нормативно-правовой базы сотрудничества, осуществление информационно-аналитической деятельности, формирование и пополнение банка данных антитеррористической структуры, сотрудничество с международными структурами,

¹ В состав Совета РАТС входят представители государств-членов ШОС – заместители руководителей уполномоченных органов: Комитета национальной безопасности Казахстана; Министерства общественной безопасности КНР; Государственного комитета национальной безопасности Кыргызстана; Федеральной службы

безопасности РФ; Государственного комитета национальной безопасности Таджикистана; Службы государственной безопасности Узбекистана. С сентября 2017 г. в работе Совета РАТС также принимают участие представители компетентных органов новых постоянных членов ШОС – Индии и Пакистана.

занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, экстремизмом и наркобизнесом, а также практическая реализация принятых в рамках ШОС решений, касающихся работы региональной антитеррористической структуры.

Директор Исполнительного комитета является высшим административным должностным лицом, назначаемым Советом глав государств ШОС по рекомендации Совета РАТС из числа граждан государств-членов сроком на три года (Таблица №2). С 2022 г. эту должность занимает представитель Узбекистана Р. Мирзаев.

В рамках нового механизма антитеррористического взаимодействия и при координирующей роли РАТС компетентными органами стран-участниц ШОС как в двустороннем, так и в многостороннем формате реализовываются мероприятия по установлению и задержанию лиц, объявленных в международный розыск. Решению данной задачи содействуют ведущие в Исполнительном комитете РАТС Единый розыскной реестр лиц, объявленных специальными службами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского или экстремистского характера, в который включено более 6000 лиц и Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС, состоящий из более 100 организаций¹.

В условиях глобализации актуальными также становятся вопросы усиления многостороннего сотрудничества в борьбе с угрозами и вызовами в информационной сфере, потому что интенсивное развитие и внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в различных

сферах жизнедеятельности человечества открывают новые возможности и перед международным терроризмом.

С учетом важности и актуальности данной проблемы и в целях совершенствования координации и взаимодействия компетентных органов по линии международной информационной безопасности в рамках ШОС создана необходимая организационно-правовая основа и налажена работа по укреплению взаимодействия компетентных органов стран Организации в сфере выявления, предупреждения и пресечения использования международными террористическими организациями (МТО) в своей преступной деятельности современных информационно-коммуникационных технологий. В целях совершенствования механизмов взаимодействия проводятся совместные учения по противодействию террористической деятельности в глобальной сети, в ходе которых практически отработывались вопросы применения положений правовой базы ШОС, регламентирующей проведение совместных мероприятий в сфере противодействия кибертерроризму, а также механизмы поиска и обнаружения террористического и экстремистского контента, сбора и фиксации электронных доказательств, проведения криминалистических экспертиз и технических исследований, анализа и оценки полученных цифровых данных, установления и нейтрализации МТО.

В целом можно отметить, что проводимые Узбекистаном и другими государствами-участниками целенаправленные мероприятия в рамках РАТС и других структур ШОС по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности имеют свою эффективность и дают позитивные результаты². Вместе с тем,

¹ Об информационных учетах Региональной антитеррористической структуры. Сайт РАТС ШОС: //ecrats.org/ru/news/6914 (16.03.2021).

² Только в 2019 г. при координирующей роли РАТС ШОС были пресечены на стадии подготовки 288 преступлений террористического и религиозно-экстремистского характера, пресечена деятельность

78 подпольных ячеек террористов, нейтрализованы 193 боевика. В результате совместной работы по информационной безопасности в 2019 г. удалось удалить либо ограничить доступ к более 23 тысячам Интернет-ресурсам, содержащим материалы террористического и экстремистского характера.

как отметил Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, «борьба с терроризмом и экстремизмом нуждается в совместных усилиях всех стран, а также широком международном сотрудничестве»¹. В этой связи, в целях построения многоуровневой системы безопасности на глобальном уровне ШОС призывает усилить международные действия для эффективной борьбы с терроризмом при координирующей роли ООН.

Участие Узбекистана в институциональном развитии Организации

Узбекистан, будучи одним из учредителей ШОС сыграла и продолжает играть важную роль в становлении и институциональном развитии интеграционного объединения, создании действенных механизмов сотрудничества в рамках Организации, развитии взаимодействия с другими заинтересованными странами и международными организациями, направленное на дальнейшее расширение формата ШОС и ее международных контактов. В частности, в период председательства Узбекистана в ШОС был определен новый вектор развития Организации, содействующий предоставлению ШОС статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН², подписанию меморандумов и резолюций о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и исполнительными органами ООН, АСЕАН, СНГ, ОДКБ, СВМДА и др.

По инициативе и при активном участии Узбекистана были разработаны Правила процедуры ШОС и Положения о приеме новых членов в Организацию (2010 г.), которые являются важными документами в регулировании процедурных вопросов

внутри объединения. Основанием для принятия Правил процедуры послужило то, что в рамках ШОС отсутствовали единые требования, регламентирующие порядок разработки, согласования и принятия нормативно-правовых актов, которые были отображены в этом документе.

Историческим событием стало подписание на Ташкентском саммите (2016 г.) меморандумов об обязательствах Республики Индия и Исламской Республики Пакистан в целях получения статуса государства-члена ШОС, так как это было первым расширением состава государств-членов Организации за весь период деятельности ШОС.

Получение этими странами статуса полноправного члена способствовало увеличению потенциала Организации и дальнейшему повышению ее роли, как международной организации по разрешению глобальных и региональных проблем и вызовов современности. Но в тоже время наличие между двумя новыми полноправными членами ШОС – Индией и Пакистаном – ряда нерешённых споров, способствующих возникновению конфликтных ситуаций между этими странами, может негативно сказаться как на имидже ШОС на международной арене в целом, так и на эффективности её деятельности.

Как известно, в феврале 2019 г. из-за очередного приграничного конфликта Индии и Пакистана отношения между странами охладели, при этом воздушное пространство Пакистана на определенное время было закрыто для пролета авиалайнеров в Индию³. Приведенные факты говорят о необходимости формирования в рамках ШОС механизма реагирования на кризисные ситуации,

¹ Содействие координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. <https://ecrats.org/2022/03/04/v-shos-vystupili-za-usilenie-borby-s-terrorizmom-pri-centralnoj-rol-i-oon/> (12.07.2022).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 декабря 2004 года №A/RES/59/48 (пункт 151 повестки дня) «Предоставление Шанхайской организации сотрудничества статуса наблюдателя в Генеральной

Ассамблее». Сайт ООН: https://www.un.org/ru/ga/sixth/59/sixth_res.shtml (16.08.2022).

³ Один из авторов статьи в феврале 2019 г. должен был лететь из Ташкента в Дели прямым рейсом и полёт должен был занять примерно 2,5 часа, однако, из-за закрытия воздушного пространства Пакистана, самолёт был вынужден лететь в обход и полёт из Ташкента до Дели длился более 6 часов.

«антикризисного менеджмента» в целях оперативного разрешения проблем, угрожающих региональной безопасности и стабильности.

В стратегии внешней политики Нового Узбекистана ШОС также рассматривается как эффективная площадка для открытого и конструктивного диалога, способствующая дальнейшему развитию многостороннего взаимодействия по приоритетным направлениям, отвечающим интересам всех государств-членов.

В период 2017-2021 гг. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев и другие официальные лица принимали активное участие на саммитах ШОС, в ходе которых в частности, главой государства были выдвинуты около 50 инициатив, направленных на развитие торгово-экономического сотрудничества в рамках объединения, повышение транспортно-транзитного потенциала региона, укрепление партнерства по развитию и широкому внедрению высоких технологий, цифровой экономики, альтернативной энергетики и современной медицины, развитие туризма, поддержку молодежи и ограждение ее от идей экстремистской направленности, а также на решение актуальных задач региональной и международной безопасности. В целях реализации инициатив и предложений, выдвинутых Республикой Узбекистан на Астанинском саммите ШОС (2017 г.), 29 января 2019 г. в Ташкенте открылся Центр народной дипломатии ШОС, основной задачей которого является содействие развитию сотрудничества между странами Организации в информационной сфере, формирование информационных ресурсов и взаимодействие со СМИ, а также укрепление взаимного доверия и добрососедства, межнационального и межконфессионального согласия.

17 сентября 2021 г. в соответствии с решением Совета глав государств-членов объединения Узбекистан в очередной

(четвертый) раз принял на себя председательство в ШОС.

В 2022 г. в соответствии с Планом мероприятий председательства Республикой Узбекистан успешно проведены более 80 мероприятий, охватывающих практически все направления многостороннего сотрудничества в рамках объединения. Так, под председательством Узбекистана на высоком уровне организованы заседания советов министров иностранных дел, министров обороны, национальных координаторов, встреча секретарей советов безопасности, совещания министров транспорта, промышленности, энергетики, культуры, спорта, здравоохранения, руководителей министерств и ведомств государств-членов, отвечающих за вопросы охраны окружающей среды, а также других отраслевых органов.

15-16 сентября 2022 г. в Самарканде под председательством Узбекистана состоялся саммит глав государств-членов ШОС. Очевидным преимуществом Самаркандского саммита стало то, что впервые за последние три года руководители государств-членов ШОС собрались вместе в очном формате, и что данный саммит впервые проведен в таком широком формате - на расширенном заседании приняли участие руководители 14 стран¹. Как отметил Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, «после трехлетней пандемической паузы, вызвавшей серьезные нарушения торговых, экономических и производственных связей, страны и народы ШОС нуждаются в прямом общении»².

На полях саммита были определены перспективы дальнейшего развития взаимодействия в рамках ШОС в области политики, экономики, безопасности, а также в культурно-гуманитарной сферах. Было принято рекордное количество соглашений, концепций и иных решений (всего 44 документа), касающиеся дальнейшего развития деятельности ШОС, увеличения региональной торговли и промышленной кооперации, обеспечения

¹ На саммите приняли участие лидеры: стран-участниц (Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Пакистан, Индия и Узбекистан), стран-наблюдателей (Беларусь, Монголия и Иран), стран-партнеров ШОС по диалогу (Азербайджан и Турция),

а также в качестве приглашенного президент Туркменистана.

² Официальный сайт Президента Республики Узбекистан: // president.uz/ru/lists/view/5495 (12.09.2022).

продовольственной и энергетической безопасности, развитию взаимного сотрудничества и реализации совместных проектов в сфере транспорта, логистики, «зеленой» экономики, «умного» сельского хозяйства и внедрения агроинноваций, цифровых технологий, медицины, туризма и других востребованных направлений.

Одним из важных итогов Самаркандского саммита стало подписание меморандумов об обязательствах Исламской Республики Иран в качестве государства-члена ШОС (с 2005 г. обладала статусом наблюдателя), открывающий прямой путь этой стране к полноправному членству в ШОС, о предоставлении статуса наблюдателя при Организации Азербайджану и Армении (с 10 июля 2015 г. эти страны сотрудничали с ШОС в качестве партнера по диалогу), статуса партнеров ШОС по диалогу Египту, Саудовской Аравии и Катару, а также решения о начале процедуры приема в члены объединения Беларуси. В целях расширения сети партнерских организаций также были подписаны меморандумы о взаимопонимании с Лигой арабских государств и специализированными учреждениями ООН – ЭСКАТО и ЮНЕСКО. А общие позиции государств-членов ШОС по важнейшим проблемам регионального и глобального масштаба были сформулированы в принятой по итогам саммита Самаркандской декларации.

В целом можно отметить, что Узбекистан является одним из активных участников ШОС, всячески содействует достижению целей Организации и заинтересована в полноценном раскрытии потенциала объединения с учетом ее трансформации. Значимость данного объединения для Узбекистана обуславливается тем, что ШОС, во-первых, подтверждает свою приверженность общепризнанным принципам международного права, во-вторых, главными приоритетами Организации являются укрепление взаимного доверия и добрососедства между государствами-членами, развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе

посредством совместных действий и на основе равноправного партнерства, содействие эффективному сотрудничеству в политической, экономической, социальной и культурно-гуманитарной сферах между странами ШОС в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов стран-членов, а также развитие отношений с другими государствами и международными организациями.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что геополитическая трансформация мира и разрушение прежней системы безопасности и стабильности, произошедшие в конце XX в., активное развитие процессов глобализации, образование на постсоветском пространстве независимых государств привели к необходимости поиска Узбекистаном новых форм многостороннего сотрудничества, как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Узбекистан, наряду с другими государствами, был соучредителем СНГ и ШОС, в рамках которых принимает активное участие в укреплении безопасности, стабильности и устойчивого развития Центральноазиатского региона. Участие Узбекистана в деятельности СНГ и ШОС полностью соответствует внешнеполитическому курсу республики, так как в условиях современного мира обеспечение мира, стабильности и устойчивого развития в регионе требует развития эффективного многопрофильного сотрудничества. Республика придает приоритетное значение укреплению конструктивного взаимодействия между странами-участницами этих организаций в вопросах обеспечения международной и региональной безопасности, расширения взаимовыгодных экономических связей и промышленной кооперации, партнерства в области высоких технологий и инновационного развития, транспорта и транзита, образования и науки, туризма, здравоохранения и в других сферах.

Вместе с тем новые тенденции в международных отношениях, активное развитие процессов глобализации,

возникновения новых вызовов и угроз объединений должны стать принципами стабильности государств диктуют соблюдения рационального баланса необходимости постоянной адаптации СНГ и национальных и региональных интересов, а ШОС к политическим и экономическим также неуклонное выполнение всеми реалиям современного мира. При этом, странами-членами принимаемых в рамках неперенным условием дальнейшей СНГ и ШОС решений на основе доверия и эффективной деятельности этих взаимной выгоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Р. ШОС: становление, развитие, перспективы. Москва: Издательство «Весь мир», 2017.
- Клещева Т. Шанхайская организация сотрудничества как основной орган борьбы с терроризмом в странах АТР // Право и политика. 2012, №1.
- Кушкумбаев С. Роль ШОС в противодействии вызовам и угрозам безопасности в Центральной Азии // Материалы двенадцатого заседания форума ШОС. – Ташкент: ИСМИ, 2018.
- Рахимов С. Торгово-экономическое сотрудничество Узбекистана в рамках СНГ // Демократизация и права человека. 2018, №1 (77).
- Современные международные отношения и мировая политика: учебник // Отв. ред. Член-корреспондент РАН, проф. А.В. Торкунов. Москва: Просвещение, 2004.
- ШОС и проблемы безопасности Евразии / Под ред. Розанова А.А. // Совместное исследование Женевского центра по демократическому контролю над вооруженными силами, Белорусского государственного университета и КИСИ. Минск/Алматы/Женева, 2012. 194 с.
- Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: Tackling the Three Evils. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? 2009. *Europe-Asia Studies*, 61 (3).
- Porshneva O., Rakhimov M., Razinkov S. *Historical and Legal Aspects of the SCO Formation and Institutional Development in Shanghai Cooperation Organization: From Interaction to Integration? Exploring New Horizons*. Edited by Sergey Marochkin and Yury Bezborodov. Routledge 2022. P. 9-24.
- Shaw M. *International Law*. Sixth edition. Cambridge University Press, 2008.
- Song W. Interests, Power and China's Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *Journal of Contemporary China*, 2014. 23 (85), 85-101.

REFERENCES

- Алимов Р. SHOS: stanovlenie, razvitie, perspektivi. Moskva: Izdatelstvo «Ves mir», 2017.
- Aris S. 2009. The Shanghai Cooperation Organisation: Tackling the Three Evils. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? *Europe-Asia Studies*, 61 (3).
- Klesheva T. Shabhayskaya organizatsiya sotrudnichestva kak osnovnoy organ bor`bi s terrorizmom v stranah ATR // Право и политика. 2012, №1.
- Kushkumbaev S. Rol` SHOS v protivodeystvii vizovam i ugrozam bezopasnosti v Sentral`noy Azii // Materila dvenadsatogo zasedaniya foruma SHOS. Tashkent: ISMI, 2018.
- Porshneva O., Rakhimov M., Razinkov S. *Historical and Legal Aspects of the SCO Formation and Institutional Development in Shanghai Cooperation Organization: From Interaction to Integration? Exploring New Horizons*. Edited by Sergey Marochkin and Yury Bezborodov. Routledge 2022. P. 9-24.
- Rakhimov S. Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Uzbekistana v ramkah SNG // *Demokratizatsiya i prava cheloveka*. 2018, №1 (77).
- Shaw M. *International Law*. Sixth edition. Cambridge University Press, 2008.
- ShOS i problem bezopasnosti Evrasii // Pod red. Rozanova A.A. // *Sovmestnoe issledovanie Jenevskogo sentra po demokraticeskomu kontrolyu nad voorujennimi silami, Belorisskogo gosudarsvtennogo universiteta i KISI*. Minsk, Almati, Jeneva, 2012. 194 s.

Song W. 2014. Interests, Power and China's Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *Journal of Contemporary China*, 23 (85), 85-101.

Sovremennye mejdunarodnie otnosheniya i mirovaya politika. Uzebnik // Otv. red. Chlen-korrespondent RAN, prof. A.V.Torkunov. Moskva: Prosveshenie, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ /APPENDIX

Таблица №1

Данные о ратификации и выполнении внутригосударственных процедур Узбекистаном по документам, принятым Советом глав государств и Советом глав правительств СНГ в период с 1991 по 2022 гг.

	Количество документов	Процентное соотношение
Сведения о ратификации документов		
Всего документов, предусматривающих ратификацию	37	
Подписано	24	64,9%
Не подписано	13	35,1%
Выполнение Республикой Узбекистан внутригосударственных процедур		
Всего документов, предусматривающих выполнения внутригосударственных процедур	432	
Подписано	230	53,2%
Не подписано	202	46,8%

Таблица №2

Руководители Исполнительного комитета РАТС ШОС

Период исполнения обязанности в должности Директора ИК РАТС ШОС	Ф.И.О.	Представитель страны-участницы
2004 – 2006 гг.	Касымов Вячеслав Темирович	РУ
2007 – 2009 гг.	Субанов Мырзакан Усурканович	КР
2010 – 2012 гг.	Джуманбеков Дженисбек Мухамедкаримович	РК
2013 – 2015 гг.	Чжан Синьфэн	КНР

	2016 – 2018 гг.	Сысоев Евгений Сергеевич	РФ
	2019 – 2021 гг.	Гиёсов Джумахон Файёзович	РТ
	С января 2022 г.	Мирзаев Руслан Эркинович	РУ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рахимов Мирзохид Акрамович, Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан. Ташкент, Узбекистан. (E-mail: mirzohidr@mail.ru)

Рахимов Садриддин Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана. Ташкент, Узбекистан. (E-mail: sadriddin.r@mail.ru)

Mirzokhid A. Rakhimov, The Contemporary history center of AS of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan. e-mail: mirzohidr@mail.ru

Sadriddin A. Rakhimov, University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan. (E-mail: sadriddin.r@mail.ru)

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ / INFRASTRUCTURE PROJECTS

Научная статья / Research article

Роль транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан

А. К. Абдуллаев

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>; e-mail: azizabdulla1982@gmail.com

Аннотация. Вопросы, связанные с интеграцией внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан в международные транспортные коридоры, роль транспортной дипломатии в интеграционных процессах являются наиболее актуальными на данном этапе развития. В статье опубликованы результаты исследования, посвященного выявлению роли и значения транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан. Автором работы был analyzed потенциал существующих внешнеторговых маршрутов страны. Работа также раскрывает возможности диверсификации международных транспортных коридоров для выхода внешнеторговых грузов Узбекистана на основные мировые и региональные рынки. Были определены направления перспективных транспортных коридоров Республики Узбекистан. В работе выявлены проблемы, связанные с функционированием существующих и перспективами создания новых транспортных коридоров, а также систематизированы и взвешены возможности реализации проектов, связанных с созданием новых транспортных коридоров. За последние года правительство Узбекистана ведет активную транспортную дипломатию, что превратит страну в альтернативный транспортный узел в Центральной Азии. В работе были использованы некоторые статистические данные Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, а также Министерства транспорта Республики Узбекистан.

Ключевые слова: транспортная дипломатия, внешнеторговые маршруты, международные транспортные коридоры, министерство транспорта, транспортный узел.

Для цитирования: Абдуллаев А. К. Роль транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан // Постсоветские исследования. 2023; 3(6):315-323.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках совместного грантового проекта «Ташкентского центра перспективных европейских исследований имени Жана Моне» и Центра «Экономической дипломатии» Института перспективных международных исследований при УМЭД.

The role of transport diplomacy in the development of foreign trade routes of the Republic of Uzbekistan

Aziz K. Abdullaev

The University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>; e-mail: azizabdulla1982@gmail.com

Abstract. The issues related to the integration of foreign trade routes of the Republic of Uzbekistan into international transport corridors, the role of transport diplomacy in integration processes are the most relevant at this stage of development. The article publishes the results of a study devoted to identifying the role and importance of transport diplomacy in the development of foreign trade routes of the Republic of Uzbekistan. The author of the work analyzed the potential of the existing foreign trade routes of the country. The work also reveals the possibilities of diversifying international transport corridors for Uzbekistan's foreign trade goods to enter the main world and regional markets. The directions of promising transport corridors of the Republic of

Uzbekistan were identified. The paper revealed problems related to the functioning of existing and prospects for the creation of new transport corridors, as well as systematized and weighed the possibilities of implementing projects related to the creation of new transport corridors. In recent years, the government of Uzbekistan has been conducting active transport diplomacy, which will turn the country into an alternative transport hub in Central Asia. Some statistical data of the Ministry of Investment and Foreign Trade of the Republic of Uzbekistan, as well as the Ministry of Transport of the Republic of Uzbekistan were used in the work.

Keywords: transport diplomacy, foreign trade routes, international transport corridors, the Ministry of Transport, a transport hub.

For citation: Aziz K. Abdullaev. The role of transport diplomacy in the development of foreign trade routes of the Republic of Uzbekistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):315-323. (In Russ.).

Funding: The study was carried out within the framework of a joint grant project of the Tashkent Center for Advanced European Studies named after Jean Monnet and the Center for Economic Diplomacy of the Institute for Advanced International Studies at the UWED.

Введение. Внешнеторговые маршруты имеют ключевое значение для развития стран, интенсификации торговли, а также углубления интеграционных процессов. Страны всегда старались развивать торговые отношения, что способствовало не только росту экономики страны, но и развитию дружбы и культурно-гуманитарных связей между народами, сближению разных народов.

За последние несколько лет Узбекистан осуществляет системные реформы, направленные на либерализацию и модернизацию национальной экономики, обеспечение ее устойчивого развития и последовательной интеграции в мировые экономические отношения. Но вместе с тем перед транспортной системой Узбекистана стоят задачи, связанные с решением ряда серьезных проблем, снижающих эффективность системы. Для этого необходимы серьезные институциональные изменения, совершенствование транспортной политики страны, обеспечение роста качества и объемов грузовых перевозок, снижения их стоимости.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является выявление роли транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

– анализировать потенциал существующих внешнеторговых маршрутов страны;

– раскрыть возможности диверсификации международных транспортных коридоров для выхода внешнеторговых грузов Узбекистана на основные мировые и региональные рынки;

– определить направления перспективных транспортных коридоров Республики Узбекистан.

Методология. Для решения задач, поставленных в рамках данного исследования, были применены такие методы исследования, как структурно-системный, сравнительный и описательный. Были проанализированы некоторые данные Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, а также Министерства транспорта Республики Узбекистан.

Результаты исследования. Повышение конкурентоспособности производимой продукции и экспортного потенциала страны невозможно достичь без развития транспортно-логистического потенциала, а также эффективных внешнеторговых маршрутов.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан о мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в сфере транспорта от 1 марта 2019 г. № УП-5647, обеспечение национальных интересов

Республики Узбекистан на мировом рынке транспортных услуг за счет развития международного и регионального сотрудничества в сфере транспорта и дорожного хозяйства определено в качестве одного из основных задач Министерства транспорта Республики Узбекистан¹.

Страна может осуществить международное сотрудничество в сфере транспорта, в том числе, и посредством инструментов транспортной дипломатии. Транспортную дипломатию [Ampleman 2021] можно определить, как комплекс мероприятий, связанных с согласованием дистанции между субъектами для разрешения (а иногда и игнорирования или усиления) конфликтов или для поддержки (или предотвращения) сотрудничества между политическими заинтересованными сторонами в отношении одной или нескольких транспортных инициатив. С другой стороны, транспортная дипломатия может выражаться переговорами с целью ослабления (или усиления) расхождений между позициями участников относительно целесообразности транспортной инициативы. Точнее, транспортная дипломатия, как правило, связана со стремлением улучшить отношения между сторонниками и противниками транспортной инициативы. Как правило, это направлено на снижение напряженности, например, между теми, кто считает, что прохождение нового трубопровода желательно, и теми, кто считает, что такой проект неприемлем.

В некоторых источниках даже выделяют «железнодорожную дипломатию» как отдельное направление транспортной дипломатии. Железнодорожную дипломатию можно определить как: активную поддержку экономических приоритетов государства, прежде всего, железнодорожной составляющей, в рамках его внешней политики и посредством соответствующих выборов в рамках более широкой внутренней политики.

В современную эпоху международных отношений многие страны начали использовать нетрадиционные виды дипломатии для улучшения своих отношений с другими странами, формирования доброй воли, получения экономического доступа и для других целей. Интересной версией этой нетрадиционной дипломатии является железнодорожная дипломатия², или страна, налаживающая отношения с другой страной путем создания обширной сети железных дорог, в процессе стимулируя взаимную экономическую выгоду и добиваясь расположения принимающей страны. Недавнее открытие грузового поезда между Соединенным Королевством и Китаем в рамках инициативы Китая «Один пояс и один путь» (Belt and Road Initiative) является ярким примером такой дипломатии. К примеру, в 2011 г., после успешного развития инициативы связанная с развитием железных дорог (HSR – High Speed Rail) внутри страны, Пекин начал добиваться заключения сделок по проектам HSR за рубежом. Международные наблюдатели и, в конечном счете, сам Пекин назвал этот шаг «дипломатией высокоскоростных железных дорог». [Ker 2017] Зарубежное продвижение китайских железнодорожных компаний получит сильную политическую поддержку: китайские лидеры, в частности премьер Ли Кэцян, активно продвигать китайскую индустрию HSR во время зарубежных поездок и возглавляемые Китаем многосторонние инициативы, такие как OBOR оказывает отрасли дальнейшую поддержку. Способность Китая строить высокоскоростные железные дороги дешевле, чем у конкурентов, обеспечила технологии центральное место в амбициозной схеме «Один пояс, один путь», Пекина по завоеванию дипломатических союзников и открытию рынков в более чем 65 странах между Азией и Европой путем финансирования и строительства инфраструктуры.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан о мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в сфере транспорта от 01.02.2019 г. № УП-5647

² Shrivastva Ch. Railway Diplomacy: China Versus India. Domestic Politics, South Asian voices. February 9, 2018 – URL.: <https://southasianvoices.org/railway-diplomacy-china-versus-india/>

Другой пример связан с Японией. В настоящее время железнодорожная дипломатия Японии¹ принимает три формы: пожертвования, помощь и совместные проекты по строительству высокоскоростных железных дорог. Пожертвования относятся к японским железнодорожным операторам, таким как JR East Japan, отправляющим свой списанный подвижной состав в развивающиеся страны. Многие страны Юго-Восточной Азии, особенно Мьянма, получили несколько подержанных японских поездов. Однако, поскольку японские железнодорожные операторы в основном используют электрические многоцелевые агрегаты, их вышедшие из эксплуатации агрегаты могут не соответствовать потребностям стран-получателей.

Интенсификация и развитие внешней торговли Республики Узбекистан во многом зависит и от эффективной работы транспортных коридоров и внешнеторговых маршрутов, и решения существующих проблем связанных с развитием внешнеторговых перевозок.

На сегодняшний день внешнеторговые грузоперевозки Узбекистана осуществляются по нескольким транспортным коридорам. С точки зрения международных железнодорожных коридоров это в основном северное и северо-западное направление, где функционируют основные четыре маршрута, которые описываются в таблицу 1. Особенностью северного и северо-западного направления заключается в том, что средняя стоимость транспортировки грузов через данные маршруты ниже, чем, например, в западном направлении. Если сравнить северо-западное направление с западным с точки зрения времени доставки грузов, то необходимо отметить, что северо-западное направление превосходит последнего, так как время транспортировки грузов меньше, чем в западном. Ведь именно сравнительная долгота времени

доставки и сравнительно высокие издержки транспортные издержки представляют собой две основные проблемные точки транспортных перевозок не только для Узбекистана, но и Центральной Азии в целом.

За последние годы Узбекистан продолжает следовать активному пути транспортной дипломатии, чтобы укрепить свои геополитические и геоэкономические позиции и стать активной частью евразийской железнодорожной торговли. Главная цель дипломатии Ташкента [Sharifli 2022] – превратиться из страны, не имеющей выхода к морю, в страну, с хорошо налаженными торговыми маршрутами. Несколько стратегических и экономических причин объясняют, почему Узбекистан надеется стать все более важной частью транспортного узла в Центральной Азии. Начнем с того, что Узбекистан рассматривает возможность совершенствования деятельности международных транспортных коридоров для выхода внешнеторговых грузов страны на основные мировые и региональные рынки для открытия новых торговых маршрутов. Кроме того, правительство Узбекистан стремится обеспечить безопасность страны путем превращения ее в региональный транспортный коридор для великих держав, что с экономической точки зрения позволит диверсифицировать маршруты экспорта и импорта и снизить зависимость от существующих коридоров и защитить страну от большинства серьезных внешних экономических потрясений.

В рамках Самаркандского саммита ШОС 14 сентября 2022 г. было подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги Узбекистан–Кыргызстан–Китай между Министерством транспорта Республики Узбекистан, Министерством транспорта и коммуникаций Республики Кыргызстан и Государственным Комитетом по развитию и реформам Китайская Народная Республика. По оценкам экспертов успешная реализация коридора Китай – Кыргызстан – Узбекистан может сократить расстояние из Китая в

¹ Wu S. Japan's Train Diplomacy. Japan's railroad industry could become a significant tool of foreign policy. The Diplomat. November 09, 2015 – URL: <https://thediplomat.com/2015/11/japans-train-diplomacy/>

Юго-Восточную Европу до 900 км, что равно 7-8 дням.

Документ предусматривает завершение всех работ по разработке технико-экономического обоснования строительства железной дороги на территории Кыргызской Республики в первой половине 2023 г. Стороны также установили порядок финансирования и распределения затрат при разработке технико-экономического обоснования трехстороннего железнодорожного проекта. Стороны намерены разделить расходы поровну между Кыргызстаном, Узбекистаном и Китаем. Проект оценивается в 4,1 млрд долларов¹. Узбекистан также рассматривает возможность подключения «Среднего коридора» (Транскаспийского коридора) к железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Правительство Азербайджана тоже проявляет интерес в продлении железной дороги Китай - Кыргызстан - Узбекистан до Каспийского моря. Это в свою очередь усилит транзитные возможности Транскаспийского коридора, протяженность которого составляет 11 тыс. км, а пропускная способность насчитывается от 5 до 27 млн. тонн в год.² Также в целях увеличения транспортно-транзитного потенциала и облегчения инфраструктуры и соответствующей документации пять стран: Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Турция, и Грузия подготовили единую стратегию по Среднему коридору. Средний коридор [Sattarov 2022] также является частью реализации китайского "Пояса и Дорожная инициатива (BRI), которая, как ожидается, определит направление развития транспортных связей по всему региону в ближайшие годы. На сегодняшний день BRI является мощным драйвером развития

существующих и формирующихся евразийских транспортных маршрутов.

В результате активной транспортной дипломатии Узбекистана за последние годы растет значение Узбекистана как евразийского транспортного узла. С этой целью запуск мультимодального маршрута Китай–Кыргызстан–Узбекистан–Афганистан и завершение пробного проекта контейнерных перевозок по международному мультимодальному маршруту Китай–Кыргызстан–Узбекистан–Туркменистан–Азербайджан–Грузия–Турция–Европа являются важными достижениями.

Также Правительством Узбекистана ведется активная работа над возможностью развития транспортного коридора «Узбекистан–Туркменистан–Иран–Индия». Усилия, связанные с запуском нового транспортного коридора Узбекистан–Туркменистан–Иран–Индия, с использованием иранского порта Чабахар, еще раз подчеркивает, заинтересованность Узбекистана не только в улучшении региональных связей для выхода на рынки Китая и Европы, но и в развитии своих связей с Индией для обеспечения своей способности выходить на рынки Южной Азии [Sharifli 2022]. Город-порт Чабахар находится на юго-востоке Ирана и является зоной свободной торговли. Он второй крупнейший порт страны после Бандар-Аббаса, Чабахар также станет одним из ключевых элементов международного транспортного коридора «Север — Юг». Данный новый маршрут необходим Узбекистану для обслуживания растущего объема торговли с Индией. По оценкам экспертов, внешнеторговый оборот между Узбекистаном и Индией может достичь 1 млрд долларов в ближайшие годы.³ Маршрут также представляет интерес другим странам Центральной Азии с точки зрения непрерывности поставок стран региона и Индии, а товарооборот между центральноазиатскими странами и Индией стремительно растет.

¹ Данные Министерства Транспорта Республики Узбекистан, 15.09.2022 – URL.: <https://mintrans.uz/ru/news/ozbekiston-qirgiziston-hitoj-temir-joli-qurilishi-lojihasi-bojicha-hamkorlik-togrisida-uch-tomonlama-bitim-imzolandi#>

² Узбекистан впервые отправил контейнерный поезд в Европу через Средний коридор // 19.12.2022. URL.: <https://kun.uz/ru/news/2022/12/19/uzbekistan-vpervyye-otpravil-konteynernyy-poyezd-v-yevropu-cherez-sredniy-koridor>

³ Данные Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан. 22.09.2022 -- URL.: <https://mift.uz/ru/menu/transportnye-koridory>

Трансафганская железная дорога, в строительстве которого Узбекистан решил принять участие, сократит время прибытия товаров из Узбекистана в Пакистан с 35 дней до 15-10 дней. Надин Р. и др. также считают, что строительство железной дороги Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар, оцениваемое в 5 млрд долларов, откроет пакистанские морские порты в Персидском заливе для Узбекистана. В соответствии с оценками, от проекта выиграет не только Узбекистан, но и все страны Центральной Азии. Новая железная дорога сократит не только время транспортировки из Узбекистана и других стран Центральной Азии в Пакистан и расходы на 30-35%¹. Ожидается, что проект сократит транспортные расходы между Россией и Пакистаном на 15-20%, а аналогичный индикатор между Центральной Азией и Пакистаном сократится на 30-35%. По предварительным данным, в первые годы после запуска железной дороги Мазари– Шариф–Кабул–Пешавар объем грузоперевозок по этому маршруту может достичь 10 млн т.² Одна из проблем реализации данного проекта является разная ширина колеи железной дороги. Узбекистан использует исключительно российскую колею 1520 мм, в то время как Пакистан использует колею 1676 мм. В 2010 г. Афганистан решил строить свои дороги с использованием международного стандарта 1435 мм³.

Проект будет почти полностью финансироваться за счет кредита Всемирного банка в размере 4,8 млрд долларов. Кроме того, ожидается, что в

Афганистане будет создано несколько тысяч рабочих мест. Ожидается, что стоимость транспортировки контейнера из Ташкента в Карачи составит около 1400-1600 долларов⁴. Это значительно ниже затрат транспортировки по маршруту Ташкент – Бандар-Аббас. По данным Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, перевозка груза весом 20-22 т по маршруту Ташкент–Бухара–Туркменабад–Мари–Саракш–Бандар-Аббас протяженностью 3 065 километров и продолжительностью 6-7 дней обходится примерно в 2400-2600 долларов. В таблице 2 представлены проекты, связанные с транспортными коридорами, и ожидаемые выгоды для Узбекистана и другим государствам.

Хотя маршрут Ташкент–Кабул–Пешавар до порта Карачи, который рассматривается в качестве альтернативного коридора, может быть немного короче, чем вариант через Иран, первый проходит через горные районы и менее безопасен, чем иранский коридор.

Узбекистан также активно ведет переговоры о тарифах и упрощении таможенного законодательства со своими соседями и другими странами региона. В этом контексте обсуждение Узбекистаном, Азербайджаном и Турцией дальнейшего упрощения перевозок грузов между собой, а также переговоры Узбекистана и Китая по вопросам взаимного признания уполномоченных экономических операторов являются ключевыми событиями в достижении страны своих более широких транзитных целей.

Заключение. Активная транспортная дипломатия Узбекистана создаст возможность для страны превратиться в альтернативный транспортный узел в Центральной Азии и способствует стремлению страны привлекать большие объемы грузов и наращивать свой

¹ Hashimova U. Uzbekistan Prioritizes Pakistani Over Iranian Ports. The Diplomat. February 16, 2021 – URL: <https://thediplomat.com/2021/02/uzbekistan-prioritizes-pakistani-over-iranian-ports/>

² Ўзбекистон, Афғонистон ва Покистон темир йўл қурилиши бўйича «Йўл харитаси»ни имзолади // 09.02.2021. URL.: <https://kun.uz/news/2021/02/09/ozbekiston-afgoniston-va-pokiston-temir-yol-qurilishi-boyicha-yol-xaritasini-imzoladi>

³ Ollard H. What's Behind the Planned Uzbekistan-Afghanistan-Pakistan Railway? The Diplomat. February 25, 2021 – URL.: <https://thediplomat.com/2021/02/whats-behind-the-planned-uzbekistan-afghanistan-pakistan-railway/>

⁴ Nadin R., Nijhar I., Mami E. Shanghai Cooperation Organisation Summit 2022: key takeaways. – URL.: <https://odi.org/en/insights/shanghai-cooperation-organisation-summit-2022-key-takeaways/#:~:text=The%20SCO%2C%20a%20Eurasian%20political,with%20Iran%20soon%20to%20join>

потенциал для дальнейшего развития геэкономическое положение и обеспечить региональных связей. Таким образом появление альтернативного транспортного Узбекистан может максимизировать его узла в Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ampleman L.* Transport Geopolitics Decoding and Understanding Transport as a Source of Conflicts, ISBN 978-981-16-4966-0 ISBN 978-981-16-4967-7 (eBook), 2021.
- Ker M.* China’s High-Speed Rail Diplomacy. Staff Research Report, US-China Economic and Security Review Commission. February 21, 2017. P. 4.
- Sattarov F.* The Emerging Potential of the Middle Corridor. Horizons. 2022. Issue No 21. P. 199.
- Sharifli Yu.* Uzbekistan: An Aspiring Transport Hub for Central Asia. Publication: Eurasia Daily Monitor Volume: 19 Issue: 159 – URL.: <https://jamestown.org/program/uzbekistan-an-aspiring-transport-hub-for-central-asia/>

REFERENCES

- Ampleman L.* Transport Geopolitics Decoding and Understanding Transport as a Source of Conflicts, ISBN 978-981-16-4966-0 ISBN 978-981-16-4967-7 (eBook), 2021.
- Ker M.* China’s High-Speed Rail Diplomacy. Staff Research Report, US-China Economic and Security Review Commission. February 21, 2017. P. 4.
- Sattarov F.* The Emerging Potential of the Middle Corridor. Horizons. 2022. Issue No 21. P. 199.
- Sharifli Yu.* Uzbekistan: An Aspiring Transport Hub for Central Asia. Publication: Eurasia Daily Monitor Volume: 19 Issue: 159 – URL.: <https://jamestown.org/program/uzbekistan-an-aspiring-transport-hub-for-central-asia/>

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица 1.

Транспортные коридоры и внешнеторговые маршруты Республики Узбекистан

Наименование транспортного коридора и внешнеторгового маршрута	Расстояние маршрута (км)	Время доставки	Средняя стоимость перевозки автотранспортом 20-22 т. груза, (в долл. США в одно направление)
I. Южное и Юго-Западное направление			
«Термез Карго Центр – Хайратон – Мазари Шариф»	85	1 день	1200 – 1300
«Ташкент – Бухара – Туркменабад – Мари – Сарахс – порт Бандар Аббас (Иран)»	3 065	6-7 дней (48/48 ч.)	2 400-2 500
«Ташкент – Бухара – Туркменабад – Мари – Сарахс – порт Мерсин (Турция)»	4 208	12-14 дней (48/48 ч.)	3 000-3 100
«Ташкент – Бухара – Туркменабад – Мари – Сарахс – Стамбул – София (Болгария)»	5 156	14-15 дней (48/48 ч.)	4 000-4 200

II. Северное и Северо-Западное направление			
«Ташкент – Кунград – Бейнеу – Саратов – Москва – порт Рига/Лиепая (Латвия) или Вильнюс»	4 781 (Рига) 4 857 (Вильнюс)	10-14 дней (48/48 ч.)	2 000-2 200
«Ташкент – Кунград – Бейнеу – Саратов – Смоленск – Брест – (далее Польша, Германия, Франция, Испания и др.)»	4 421 (Минск) 4 800 (Варшава) 5 400 (Берлин) 6 493 (Амстердам) 6 842 (Париж) 8 117 (Мадрид)	9-10 дней 10-12 дней 13-15 дней 14-16 дней 15-17 дней 17-19 дней (48/48 ч.)	2 200-2 300 (Минск) 2 300-2 400 (Варшава) 3 100-3 200 (Берлин)
«Ташкент – Кунград – Бейнеу – Астрахань – Волгоград – Киев – Чоп (далее Польша, Чехия, Австрия, Словакия и др.)»	4 140 (Киев) 5 400 (Прага) 5 400 (Вена) 5 400 (Братислава)	9-10 дней 13-15 дней 13-15 дней 13-15 дней (48/48 ч.)	2 200-2 400 (Киев) 3 000-3 200
«Ташкент – Кунград – Бейнеу – Астрахань – Тбилиси – Батуми – Трабзон – Самсун – Стамбул»	5 500 (София) 5 600 (Бухарест)	14-15 дней 14-15 дней (48/48 ч.)	4 000-4 200
III. Западное направление			
«Ташкент – Кунград – Бейнеу – Актау – Баку – Тбилиси – Потти – (Болгария, Румыния и др.)»	4 558 (Констанца) 4 645 (Бургас)	19-21 дней	4 500-4 600
«Ташкент – Бухара – Туркменабад – Мари – Туркменбаши – Баку – Тбилиси – порт Потти – (Болгария, Румыния, Венгрия и др.)»	4 320 (Бургас) 4 233 (Констанца)	19-21 дней	4 700-4 800
IV. Восточные направления			
«Ташкент – Алматы – Хоргос (Алтынкол) – Урумчи»	1 850 км	5 дней	2 900-3 000

Источник: Данные Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан
URL.: <https://mift.uz/ru/menu/transportnye-koridory>

Таблица 2.

Перспективные железнодорожные коридоры Узбекистана

№	Транспортный коридор	Выгода для Узбекистана	Заинтересованность других государств
1.	Железная дорога Узбекистан–Кыргызстан–Китай и его возможное продление до Каспийских портов в рамках Транскаспийского коридор	Альтернативный внешнеторговый маршрут по достижению рынком Европейского Союза	Для Китая альтернативный доступ к Европейским рынкам. Сокращение расстояния из Китая в Юго-Восточную Европу до 900 км.
2.	Маршрут Узбекистан–Туркменистан–Иран–Индия, с использованием иранского порта Чабахар	Необходим Узбекистану для обслуживания растущего объема торговли с Индией.	Для Индии это возможность достичь центральноазиатские рынки минуя территорию Пакистана
3.	Маршрут Ташкент–Кабул–Пешавар до порта Карачи	Доступ к пакистанским портам; сокращение времени прибытия товаров из Узбекистана в Пакистан с 35 дней до 10-15 дней	Возможность железнодорожного сообщения с рынками Содружества Независимых Государств (СНГ) для Пакистана, Индии и других стран

Источник: Составлено автором

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдуллаев Азиз Курбанович, старший преподаватель кафедры Международных финансов и инвестиций, Университет мировой экономики и дипломатии. Ташкент, Узбекистан.
(E-mail: azizadulla1982@gmail.com)

Aziz K. Abdullaev, Senior Lecturer at the Department of International Finance and Investment, the University of World Economy and Diplomacy. Tashkent, Uzbekistan. (E-mail: azizadulla1982@gmail.com)

Проблемы развития транспортных коммуникаций в Южную Азию во внешней политике Узбекистана

И. Х. Якубов

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан

E-mail: ildaryakubov@gmail.com

Аннотация. Развитие международных транспортных коммуникаций во многом определяет уровень интеграции страны в системы региональных и международных связей, а от их диверсификации зависят перспективы реализации ее внешнеэкономических возможностей. Для Республики Узбекистан вопрос диверсификации и развития транспортных коммуникаций рассматривается в качестве приоритетных направлений внешней политики. Среди возможных направлений южное трактуется как наиболее перспективное. Выход Узбекистана в Южную Азию выглядит приоритетным как в плане доступа к водам Мирового океана, так и в плане развития сотрудничества с Пакистаном и другими странами южноазиатского региона. В этой связи транспортные коридоры в южном направлении в Узбекистане рассматриваются в качестве приоритетных. Тем не менее, на пути реализации этих проектов существует ряд проблем. В статье анализируются инициативы по реализации транспортных коридоров в южном направлении, существующие проблемы, попытки и перспективы их решения, возможные альтернативные проекты и направления.

Ключевые слова: Узбекистан, Пакистан, Афганистан, транспортные коммуникации, железная дорога, безопасность, Иран, Китай, проблемы, развитие.

Для цитирования: Якубов И. Х. Проблемы развития транспортных коммуникаций в Южную Азию во внешней политике Узбекистана // Постсоветские исследования. 2023;3(6):324-331.

Problems of development of transport communications to South Asia in the foreign policy of Uzbekistan

Ildar H. Yakubov

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: ildaryakubov@gmail.com

Annotation. The development of international transport communications largely determines the level of integration of the country into the systems of regional and international relations, and the prospects for realizing its foreign economic opportunities depend on their diversification. For the Republic of Uzbekistan, the issue of diversification and development of transport communications is considered as a priority in foreign policy. Among the possible directions, the southern one is interpreted as the most promising. Uzbekistan's access to South Asia looks like a priority both in terms of access to the waters of the World Ocean, and in terms of developing cooperation with Pakistan and other countries of the South Asian region. In this regard, transport corridors in the southern direction in Uzbekistan are considered as a priority. However, there are a number of problems in the way of implementing these projects. The article analyzes initiatives to implement transport corridors to the south, the existing problems, attempts and prospects for their solution, possible alternative projects and directions.

Key words: Uzbekistan, Pakistan, Afghanistan, transport communications, railway, security, Iran, China, problems, development.

For citation: Ildar H. Yakubov. Problems of development of transport communications to South Asia in the foreign policy of Uzbekistan // Postsovietские issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):324-331. (In Russ.).

Введение. Во внешней политике Узбекистана южное направление традиционно было объектом повышенного внимания. Южное направление представляет возможность кратчайшего выхода к Мировому океану, что имеет исключительно важное значение для развития внешнеэкономической деятельности. Помимо этого, перспективным видится выход Узбекистана к двухсотмиллионному рынку Пакистана, укрепление его позиций как логистического центра, связывающего Южную и Центральную Азию, а в более широком контексте – и другие сопредельные регионы.

Ключевым фактором реализации транспортно-коммуникационного потенциала является Афганистан. Затяжной конфликт, а затем проблемы международного признания правительства движения «Талибан», комплексные вопросы безопасности препятствуют реализации имеющихся проектов.

Среди использованных методов исследования можно отметить проблемно-хронологический метод, который дает возможность выявить эволюцию и последовательность развития событий, сравнительный метод, позволяющий сравнить проекты развития транспортных коммуникаций в южном направлении и их альтернативы, анализ документов, который позволяет выявить сущность происходящих событий, сформулировать выводы и рекомендации.

Развитию транспортных коридоров из Центральной в Южную Азию уделяют значительное внимание в научной и аналитической литературе. В частности, можно отметить работы таких авторов, как М. Левистоун [Levystone 2022], З. Асиф¹, Н. Нисар², Г. Прайс, Х. Хакими [Price, Nakimi 2019], Ф. Хакимов [Хакимов 2021], И. Орокбаев [Orokboev, 2021], Н. Галищева [Галищева 2018], А. Умаров [Умаров 2017].

Проект трансафганского транспортного коридора: генезис и эволюция

Географическая близость Южной Азии и возможность кратчайшего выхода через нее к Мировому океану всегда привлекала внимание Узбекистана. Близость Пакистана характеризуется, например, тем, что воздушным путем Ташкент и Исламабад оказываются ближе друг другу, чем Исламабад и Карачи [Roy 2006].

Заинтересованность в реализации трансафганских транспортных проектов выражают не только в Узбекистане и других странах Центральной Азии, но и в Пакистане. Географическая близость государств Центральной Азии вызывала интерес, а изначально, как отмечают некоторые пакистанские эксперты, даже энтузиазм в Пакистане [Dashti 2016: 67]. Более того, по мнению пакистанского исследователя Х. Хаккани, Пакистан всегда стремился расширить свое влияние на север, что включало в себя как Афганистан, так и его северных соседей [Haqqani 2005: 159-197].

В то же время нерешенный в то время конфликт в Афганистане был с самого начала главным фактором, препятствующим реализации перспективных планов развития взаимодействия.

Транспортные коммуникации через Афганистан позволили бы выйти Узбекистану к относительно развитой железнодорожной и автомобильной сети дорог в Пакистане и ключевым морским портам Карачи и Гвадар. Для Узбекистана трансафганское направление предлагает наиболее выгодную альтернативу в плане диверсификации транспортных коммуникаций страны, которые исторически были ориентированы на север. В этой связи ситуация в Афганистане уже с начала 1990-х гг. была предметом обсуждения как в двусторонних отношениях, так и на многостороннем уровне.

¹ Asif Z. The Trans-Afghan Railway: Connecting Pakistan & Uzbekistan. February 23, 2022. URL: <https://www.paradigmshift.com.pk/pakistan-uzbekistan/> (дата обращения: 23.02.2023)

² Nisar N. Rising Pak-Uzbekistan Ties: Integrating South and Central Asia. March 28, 2022. Centre for Strategic and

Contemporary Research (Pakistan). URL: <https://cscr.pk/explore/themes/trade-economics/rising-pak-uzbekistan-ties-integrating-south-and-central-asia/> (дата обращения: 23.02.2023)

Продолжавшийся афганский конфликт служил основным препятствием реализации проектов. В то же время, разногласия в вопросах урегулирования афганского конфликта, признание Пакистаном первого правительства движения «Талибан» на фоне поддержки большинством стран мира, включая Узбекистан, противостоявшего талибам «Северного альянса», и все более явной террористической угрозы, исходящей из подконтрольной талибам территории Афганистана для Центральной Азии, сделали перспективы реализации трансафганских проектов нереалистичными даже в условиях полного контроля талибами транспортных путей из Узбекистана в Пакистан в 1998-2001 гг.

В то же время, можно отметить попытки реализации транспортных проектов в обход территории Афганистана. Так, в 1995 г. было заключено четырехстороннее соглашение (Quadrilateral Traffic in Transit Agreement (QTТА)) с участием Китая, Кыргызстана, Казахстана, Пакистана. Договор, подписанный в 1995 г. в Исламабаде, открывал широкие перспективы, в том числе, в будущем, для Узбекистана [Javaid, Siraj: 2021].

Однако подобные соглашения сталкиваются с естественными ограничениями. Первым из них является длина пути. Коммуникации через Китай в Пакистан оказываются длиннее не только трансафганского маршрута, но и альтернативного для Узбекистана пути через Туркменистан к морским портам Ирана. Географические и климатические условия усложняют эксплуатацию этих коммуникаций. Высокогорная местность дает возможность использования путей прежде всего в короткий летний период. Ежегодно, в период с октября по апрель, из-за экстремальных погодных условий,

маршрут частично парализован [Javaid, Siraj 2021].

В начале XXI века резкие изменения в ситуации в Афганистане и во всем регионе вновь актуализировали вопросы развития трансафганских транспортных коридоров. Пакистан стремился к заключению соглашений, которые позволили бы реализовать его геоэкономический потенциал. Так, соглашение об Афгано-пакистанской транзитной торговле (Afghan-Pakistan Transit trade Agreement (АРТТА)), вступившее в силу в 2010 г., позволяло использовать морские порты Пакистана для афганской транзитной торговли¹. В 2004 г. был официально запущен проект QTТА, который давал возможность посредством системы специальных разрешений на провоз товаров в обе стороны для каждой из стран-участниц (до 200 разовых документов ежегодно)². В рамках Организации экономического сотрудничества (ЭКО) было подписано соглашение Transit Transport Framework Agreement (ТТФА), предусматривавшее улучшение условий транзитной торговли³.

В этот же период США инициировали проекты регионального развития, которые предусматривали и развитие межрегиональных транспортных связей. Вашингтонский «Новый шелковый путь» включал в себя проекты по совершенствованию автомобильных и железных дорог, строительству и модернизации мостов, содействию улучшению работы пограничных служб, в рамках которой проходило обучение, оснащение пунктов пересечения границы⁴: В то же время, средства, выделяемые на реализацию инициативы, не давали возможности рассчитывать на осуществление стратегических проектов в транспортно-коммуникационной области,

¹ Agreement between the Governments of the Islamic Republic of Afghanistan and the Islamic Republic of Pakistan. URL: <https://www.commerce.gov.pk/wp-content/uploads/pdf/АРТТА.pdf> (дата обращения: 23.03.2023)

² Шойяб М. О ходе перезагрузки Четырехстороннего соглашения о транзитных перевозках. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/03-Rebooting-QTTA-ru.pdf> (дата обращения: 23.03.2023)

³ Mohammad Mirzaei Kahagh. ECO Transit Transport Framework Agreement (ТТФА). ECO Secretariat URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2009/wp5/GE2-wkshp1-ECO1.pdf> (дата обращения: 23.03.2023)

⁴ U.S. Support for the New Silk Road. - <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm>.

тем более имеющих межрегиональное значение.

Новые возможности открылись с запуском глобального проекта КНР «Пояс и путь». Узбекистан присоединился к данной инициативе, узбекистанские эксперты оценивают ее как «мегапроект» с «мегавозможностями»¹. Ключевым для Пекина направлением стал Китайско-пакистанский экономический коридор, в рамках которого осуществляются, в том числе, транспортно-коммуникационные проекты. Инициатива «Пояс и путь» является открытой для всех стран. КНР и ИРП рассматривали возможности присоединения Афганистана, что дало бы возможность реализовать идею соединения Центральной и Южной Азии в единую транспортную систему². В то же время, перманентным условием реализации подобных проектов является проблема обеспечения безопасности, финансирования, способностью афганского правительства обеспечить реализацию возможных соглашений, взаимодействием региональных и внерегиональных акторов [Khan, Takrim, Gul 2017].

В целом, для Узбекистана Афганистан изначально рассматривался как наиболее многообещающий и перспективный проект выхода к Мировому океану. Однако ключевыми факторами оставались неурегулированный конфликт и общее ситуация в сфере безопасности в Афганистане, особенности взаимодействия с региональными и внерегиональными акторами.

Альтернативные трансафганскому транспортные коридоры в южном направлении

Трансафганский проект является приоритетным, но не единственным вариантом Узбекистана в южном направлении. В 2018 г. был открыт транспортный коридор по маршруту Ташкент – Андижан – Ош – Иркештам – Кашгар. Он связывает Узбекистан, Кыргызстан и Китай с потенциалом выхода к Каракорумскому шоссе, которое связывает КНР и ИРП³. Реализация проекта стала возможной благодаря подписанному в мае 2017 г. соглашению между правительством Республики Узбекистан и правительством Китайской Народной Республики о международном автомобильном сообщении⁴, которое вступило в силу с 1 января 2018 г. В 2019 г. был осуществлен запуск первой тестовой грузовой автоколонны по маршруту «Термез – Душанбе – Кашгар», направленный на активизацию грузопотока посредством нового транспортного коридора⁵.

В целом, присоединение к транспортным коммуникациям через Китай в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», в том числе, Китайско-пакистанского экономического коридора выглядит достаточно перспективным направлением, которое позволяет вовлечь в инициативы другие государства региона, например, Таджикистан⁶.

Еще одним альтернативным направлением является транспортные коридоры через территорию Исламской Республики Иран. Эти проекты можно

¹ Арипов Э. «Один пояс, один путь»: мегавозможности — мегапроект. 2019. URL: <https://isrs.uz/ru/maqolalar/odin-poas-odin-put-megavozmozhnosti-megaproekt> (дата обращения: 23.03.2023)

² Chandran A. R. Why Afghanistan Should Join CPEC. The Diplomat. May 05, 2017 URL: <https://thediplomat.com/2017/05/why-afghanistan-should-join-cpec/> (дата обращения: 23.02.2023)

³ Коридор «Ташкент-Андижан-Ош-Иркештам-Кашгар» заработает 25 февраля. 19.02.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/02/19/road/> (дата обращения: 23.03.2023)

⁴ Соглашение между правительством Республики Узбекистан и правительством Китайской Народной

Республики о международном автомобильном сообщении. URL: <http://lex.uz/docs/3489484> (дата обращения: 23.03.2023)

⁵ Узбекистан, Китай и Таджикистан планируют запустить новый транспортный коридор. URL: <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-kitay-i-tadzhikistan-pla/> (дата обращения: 23.03.2023)

⁶ Putz C. Tajik Leader in China, Building Roads. The Diplomat, September 03, 2015 URL: <https://thediplomat.com/2015/09/tajik-leader-in-china-building-roads/> (дата обращения: 23.02.2023)

рассматривать как часть транспортного коридора «Север-Юг», связывающего Россию и Индию, или же как независимые транспортные коридоры, позволяющие Узбекистану выйти к Мировому океану.

В частности, подписанное в 2011 г. Ашхабадское соглашение легло в основу проекта транспортного коридора Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман. Оно вступило в силу 2016 г. О желании присоединиться к данному направлению заявлял Пакистан¹, а в 2018 г. к нему присоединилась Индия².

В настоящее время основным маршрутом, позволяющим Узбекистану выйти к Мировому океану, используя южное направление, является транспортный коридор Ташкент – Бухара – Туркменабад – Мари – Сарахс – порт Бендер-Аббас. В отсутствие альтернатив именно через этот порт проходит основной поток грузов, направляемых в Узбекистан или следующих из Узбекистана.

Этот проект стал реализовываться с 1996 г., благодаря введению в эксплуатацию железнодорожной линии Теджен–Сарахс–Мешхед, открывшей дорогу не только к портам Ирана, но и в направлении Турции. Ввод в эксплуатацию в 2005 г. участка железной дороги Бафк – Мешхед позволил сократить путь по территории Ирана на 800 км, и в обход Тегерана достичь порта Бендер-Аббас³.

В настоящее время данный транспортный коридор остается единственным эффективно функционирующим маршрутом, обеспечивающим Узбекистану выход к Мировому океану через южное направление. Его протяженность составляет чуть более 3 тыс. км⁴.

В целом, альтернативные трансафганскому маршруту проекты развития международных транспортных

коридоров Узбекистана проходят либо через КНР, либо через Иран. Для Ирана транспортный коридор «Север-Юг» является более приоритетным и значимым проектом, точно также, как для Пакистана – Китайско-пакистанский экономический коридор. Оба проекта являются конкурирующими. В проекте «Север-Юг» активную роль играет Индия, которая не приемлет китайскую инициативу «Пояс и путь».

В условиях реализации проекта КНР «Пояс и путь» и его, возможно, ключевого компонента Китайско-пакистанского экономического коридора, а также «Морского Шелкового пути XXI века», Индия активно реализует собственные транспортно-коммуникационные маршруты. В свою очередь, для Узбекистана важным представляется эффективное присоединение к международным транспортным коридорам, которые в настоящее время лишь опосредованно затрагивают Центральную Азию. Но даже в случае успешного подключения к существующим транспортно-коммуникационным проектам торговые маршруты через Китай или Иран уступают по потенциалу трансафганскому пути, поскольку они значительно удлиняют и усложняют путь к Мировому океану.

Проблемы реализации трансафганского транспортного коридора

В последние годы наблюдается значительная активизация диалога по вопросу строительства железной дороги или реконструкции автомобильной магистрали через Афганистан. Реализация подобного проекта позволила бы Узбекистану выйти к развитой транспортной сети Пакистана и реализовать историческую мечту о кратчайшем маршруте выхода к Мировому океану.

Еще в период пребывания международных сил в Афганистане Узбекистан выступил с инициативой

¹ Ашхабадское соглашение по региональному транспортному коридору обретает реальные перспективы. ИА Ориент, 22.08.2017 URL: <http://orient.tm/ru/2017/08/22/1839.html> (дата обращения: 23.03.2023)

² Индия присоединяется к Ашхабадскому соглашению об МТК Центральная Азия - Ближний Восток. ИА Ориент,

02.02.2018. URL: <http://orient.tm/ru/2018/02/02/6853.html> (дата обращения: 23.03.2023)

³ Транспортные коридоры. URL: <https://uzsm.uz/ru/investorlar-diqqatiga/transport-corridors/html> (дата обращения: 23.03.2023)

⁴ Транспортные коридоры. URL: <https://miit.uz/ru/menu/transportnye-koridory> (дата обращения: 23.03.2023)

создания специальной трехсторонней комиссии по вопросам торговли и инфраструктурных проектов, в том числе, строительства железнодорожной линии от Мазари-Шарифа до населенного пункта Торкхам, приграничной с Афганистаном железнодорожной станции Пакистана и далее – до Пешавара. Общая протяженность железной дороги от Термеза до Торкхама может составить свыше 700 км¹.

В то же время, к настоящему времени на афганском направлении пока существует только железнодорожный транспортный коридор Термез – Хайратон – Мазари-Шариф, общей протяженностью 85 километров². Альтернативным строительству железной дороги в Афганистане является модернизация и использование действующего автомобильного пути от г. Мазари-Шариф, где заканчивается железная дорога, связывающая Афганистан с Узбекистаном, до г. Торкхам, обеспечивающего связь с пакистанскими железнодорожными линиями. При этом дальнейшее строительство железной дороги в сторону Кабула и южнее, к границе с Пакистаном, сталкивается с проблемами, такими как отсутствие признания правительства движения «Талибан» в Афганистане, что нивелирует даже потенциальную готовность международных финансовых институтов профинансировать трансафганский железнодорожный коридор.

Однако проблема международного признания афганского правительства не являются единственной в реализации транспортного коридора. Все более важную роль играют растущие изменения внутри Афганистана и взаимодействие движения «Талибан» с сопредельными государствами.

Ухудшающаяся ситуация в сфере безопасности, в том числе, не вполне ясная

способность движения «Талибан» контролировать всю территорию страны, или противодействовать активности таких структур, как «Исламское государство» или «Исламское движение Узбекистана», существенно снижает перспективы использования трансафганских маршрутов. Слабая экономическая политика правительства талибов оставляет население в зависимости от иностранной гуманитарной помощи, подрывая тем самым веру в способность действующего руководства Афганистана решить экономические проблемы и вопросы развития страны.

В узбекско-афганских отношениях негативную роль может сыграть строительство крупного водного канала Куштета (Кош-тепа), который берет начало от трансграничной реки Амударья, крупнейшего водного ресурса Центральной Азии, а также планы по строительству Дашт-и-Джунского гидроузла, потенциально способного забирать основную часть летнего стока реки Пяндж³.

Кроме того, осложняет ситуацию неготовность правительства талибов договариваться с соседями, возможное непонимание необходимости выстраивать такие отношения и целей международного сотрудничества.

Заключение

Во внешней политике Узбекистана южное направление развития транспортных коммуникаций всегда имело особо важное значение. В отсутствие возможностей реализации трансафганских путей Узбекистан активно развивает проекты транспортных коридоров через территории Ирана и Китая.

Хотя основным действующим маршрутом является транспортный коридор, ведущий из Узбекистана в иранский порт Бендер-Аббас, центральное место в данном

¹ Ибрагимов У. Формирование единого, разветвленного и внешне интегрированного транспортного пространства в Центральной Азии. 09.10.2018 г. URL: http://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/11941/ (дата обращения: 23.03.2023)

² Транспортные коридоры. URL: <https://miit.uz/ru/menu/transportnye-koridory> (дата обращения: 23.03.2023)

³ С какими трудностями столкнется Узбекистан из-за строящегося в Афганистане канала Кош-тепа?. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/s-kakimi-trudnostyami-stolknetsya-uzbekistan-iz-za-stroyashchegosya-v-afganistane-kanala-kosh-tepa/> (дата обращения: 23.03.2023)

направлении занимают трансафганские железнодорожные и автомобильные проекты. Несмотря на завершение конфликта в Афганистане, ситуация в стране пока не дает возможности реализовать уже согласованные планы. Отсутствие международного признания правительства движения «Талибан», проблемы в сфере безопасности и экономики подрывают потенциал трансафганского транспортного проекта.

Как представляется, попытки его реализации силами отдельных стран,

Узбекистана или Пакистана, будут недостаточными. В сложившейся ситуации представляется целесообразным выработать региональный подход с возможным вовлечением ведущих центров силы, который позволит не только решить вопрос формирования единой автомобильной и железнодорожной системы коммуникаций, напрямую связывающих Центральную Азию с Пакистаном, но и определить контуры комплексного решения проблемы сотрудничества с Кабулом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галищева Н.В.* Центральноазиатский вектор внешнеэкономической политики Пакистана: основные проблемы и перспективы. // Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения». №2. 2018. С. 328-341.
- Умаров А.А.* Афганистан и региональная безопасность Центральной Азии: начало XXI века. Ташкент, 2017.
- Husain H.* Pakistan: Between Mosque and Military. Vanguard Books, Lahore, 2005. Pp. 159-197.
- Javaid F., Dashti A. A.* Relations between Pakistan and Central Asian Republics: An analysis. // Ma'arif Research Journal (January – June 2016) P. 67-78.
- Javaid F., Siraj U.* Geo-economic and geo-political significance of QTTA in the context of regional connectivity. September 7, 2021. URL: <https://www.ips.org.pk/wp-content/uploads/2021/09/18-Geo-economic-and-Geo-political-Significance-of-QTTA.pdf> (дата обращения: 23.02.2023)
- Khakimov F.* South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan. // Strategy of Uzbekistan. №1. 2021. P. 66-71
- Khan S.A., Takrim K., Gul H.* Pakistan-Afghanistan Transit Trade: Pre & Post APTTA Scenario. Journal of Managerial Sciences. Volume XI, Number 1, January-June 2017. Pp. 137-144
- Levystone M.* Connectivity in Central Asia at the Crossroads of International Crises. November 2022. IFRI (France). URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/levystone_connectivity_central_asia_2022_0.pdf (дата обращения: 23.02.2023)
- Orokboev I.* Trans-Afghan Transport Corridor: With Hope for the Future. // Strategy of Uzbekistan. №1. 2021. P. 72-77
- Price G., Hakimi H.* Reconnecting Afghanistan. Lessons from Cross-border Engagement. 2019. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHNJ7132-Afghanistan-Regional-Engagement-RP-WEB.pdf> (дата обращения: 23.02.2023)
- Roy M.S.* Pakistan's Strategies in Central Asia. Institute for Defence Studies and Analysis (India), 2006. - URL: https://idsa.in/strategicanalysis/PakistansStrategiesinCentralAsia_msroy_1006 (дата обращения: 23.02.2023)

REFERENCES

- Galishcheva N.V.* Central'noaziatskij vektor vneshneekonomicheskoy politiki Pakistana: osnovnye problemy i perspektivy. // ZHurnal «Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya». №2. 2018. S. 328-341.
- Husain H.* Pakistan: Between Mosque and Military. Vanguard Books, Lahore, 2005. Pp. 159-197.
- Javaid F., Dashti A. A.* Relations between Pakistan and Central Asian Republics: An analysis. // Ma'arif Research Journal (January – June 2016) R. 67-78.
- Javaid F., Siraj U.* Geo-economic and geo-political significance of QTTA in the context of regional connectivity. September 7, 2021. URL: <https://www.ips.org.pk/wp-content/uploads/2021/09/18-Geo-economic-and-Geo-political-Significance-of-QTTA.pdf> (data obrashcheniya: 23.02.2023)

- Khakimov F.* South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan. // Strategy of Uzbekistan. №1. 2021. P. 66-71
- Khan S.A., Takrim K., Gul H.* Pakistan-Afghanistan Transit Trade: Pre & Post APTTA Scenario. Journal of Managerial Sciences. Volume XI, Number 1, January-June 2017. Pp. 137-144.
- Levystone M.* Connectivity in Central Asia at the Crossroads of International Crises. November 2022. IFRI (France). URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/levystone_connectivity_central_asia_2022_0.pdf (data obrashcheniya: 23.02.2023)
- Orokboev I.* Trans-Afghan Transport Corridor: With Hope for the Future. // Strategy of Uzbekistan. №1. 2021. P. 72-77
- Price G., Hakimi H.* Reconnecting Afghanistan. Lessons from Cross-border Engagement. 2019. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHHJ7132-Afghanistan-Regional-Engagement-RP-WEB.pdf> (data obrashcheniya: 23.02.2023)
- Roy M.S.* Pakistan's Strategies in Central Asia. Institute for Defence Studies and Analysis (India), 2006. - URL: https://idsa.in/strategicanalysis/PakistansStrategiesinCentralAsia_msroy_1006 (data obrashcheniya: 23.02.2023)
- Umarov A.A.* Afganistan i regional'naya bezopasnost' Central'noj Azii: nachalo XXI veka. Tashkent, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ильдар Харрасович Якубов, кандидат политических наук, Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан. (E-mail: ildaryakubov@gmail.com)

Идар Н. Якубов, PhD in Political Science, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan. (E-mail: ildaryakubov@gmail.com)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ / HUMAN RESOURCES

Научная статья / Research article

Этно-демографические особенности института семьи в Узбекистане

А. П. Сеитов

Лаборатория антропологии и конфликтологии Института перспективных международных исследований Университета мировой экономики и дипломатии Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

ORCID: <https://0009-0006-8614-9894>; e-mail: a.seitov@iaia.uz

Г. Б. Уразалиева

Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

ORCID: <https://0000-0001-9027-7553>; e-mail: g.urozaliyeva@yandex.ru

Аннотация. Дан всесторонний анализ института семьи в Узбекистане. Содержит большое количество статистических данных, которые показывает развитие демографических тенденций института семьи с момента проведения статистических наблюдений. Раскрыты механизмы и факторы формирования норм и ценностей института семьи в Узбекистане. На конкретных эмпирических данных показана высокая устойчивость тема соприкосновения современных и традиционных ценностей внутри узбекских семей. Показано влияние осязаемого доминирования титульной нации в общей структуре населения страны в контексте института семьи. Доказано, что преобладание узбекской нации существенно влияет на формирование культурных ценностей, традиций и обычаев общества в целом. В Узбекистане наблюдается ряд характерных особенностей, формирующих национальную специфику и непосредственно влияющих на семью, ее традиции, представления о гендерных ролях. Кроме этого, показана тесная связь ценностей ислама с культурой местного сообщества. Показано, что синтез данных ценностей прочно закреплено в быту и сознании народа Узбекистана, что влияет, например, на обеспечение гендерного равенства. Раскрыта место и роль махалли как внешней оболочки защиты внутренних ценностей семьи в Узбекистане. Традиционный уклад семьи как основного института социализации в современный период ожидают серьезные испытания. Так, основной механизм передачи традиционных ценностей мать - вынуждена работать. В этих условиях подросток оказывается под влиянием информационных технологий. В завершение предлагается увязывать процессы обеспечения защиты основ духовности и нравственности с противодействием возможным внешним информационным атакам.

Ключевые слова: Узбекистан, семья, ценности, молодежь, гендер, религия, демография, факторы, механизмы, материнство, прогноз.

Для цитирования: Сеитов А. П., Уразалиева Г. Б. Этно-демографические особенности института семьи в Узбекистане // Постсоветские исследования. 2023;3(6):332-340.

Финансирование: научная работа - Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД) и Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, публикация: сотрудничество между Университетом мировой экономики и дипломатии и Федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

Благодарности: авторы выражают благодарность руководству УМЭД и РУДН за организацию совместных проектов.

Ethno-demographic features of the institution of the family in Uzbekistan

Azamat P. Seitov

*Laboratory of Anthropology and Conflictology, Institute for Advanced International Studies,
University of World Economy and Diplomacy, Ministry of Foreign Affairs of the Republic of
Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

ORCID: <https://0009-0006-8614-9894>; e-mail: a.seitov@iaia.uz

Gulshada B. Urazalieva

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

ORCID: <https://0000-0001-9027-7553>; e-mail: g.urozaliyeva@yandex.ru

Abstract. A comprehensive analysis of the institution of the family in Uzbekistan is given. It contains a large amount of statistical data that shows the development of the demographic trends of the family institution since the moment of statistical observations. The mechanisms and factors of the formation of norms and values of the institution of the family in Uzbekistan are revealed. Concrete empirical data shows the high stability of the topic of contact between modern and traditional values within Uzbek families. The influence of the tangible dominance of the titular nation in the overall structure of the country's population in the context of the family institution is shown. It is proved that the predominance of the Uzbek nation significantly affects the formation of cultural values, traditions and customs of society as a whole. In Uzbekistan, there are a number of characteristic features that form national specifics and directly affect the family, its traditions, ideas about gender roles. In addition, the close connection between the values of Islam and the culture of the local community is shown. It is shown that the synthesis of these values is firmly fixed in the life and consciousness of the people of Uzbekistan, which affects, for example, ensuring gender equality. The place and role of the mahalla as the outer shell of the protection of the internal values of the family in Uzbekistan is revealed. The traditional way of the family as the main institution of socialization in the modern period is facing serious tests. Thus, the mother is forced to work as the main mechanism for transmitting traditional values. Under these conditions, a teenager is influenced by information technology. In conclusion, it is proposed to link the processes of ensuring the protection of the foundations of spirituality and morality with countering possible external information attacks.

Key words: Uzbekistan, family, values, youth, gender, religion, demography, factors, mechanisms, motherhood, forecast.

For citation: Azamat P. Seitov, Gulshada B. Urazalieva Ethno-demographic features of the institution of the family in Uzbekistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):332-340. (In Russ.).

Funding: scientific work - University of World Economy and Diplomacy (UMED) and Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, publication: cooperation between the University of World Economy and Diplomacy and the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peoples' Friendship University of Russia» (RUDN).

Acknowledgements: the authors express their gratitude to the management of UMED and RUDN University for organizing joint projects.

Введение. Этно-демографические процессы Узбекистана характеризуются изменениями этнической и демографической структуры страны. Узбекистан представляет собой наиболее населенную страну Центральной Азии, в которой проживает около половины всего населения региона. Эта особенность определена географическим расположением республики.

Актуальность отдельного рассмотрения института семьи с этническими, религиозными и демографическими особенностями населения. Эта статья является попыткой нового угла рассмотрения тенденций в данной сфере через выявление этно-функциональных факторов. Это связано с тем, что семья в Узбекистане пока является основным

механизмом социализации подрастающего поколения. Но она испытывает серьезное давление со стороны фактора информационно-коммуникационных технологий.

Цель. Основной целью статьи является выявление этно-демографических особенностей состояния института семьи в современном Узбекистане.

Материалы и методы. Используются труды международных, региональных и национальных исследователей, доклады и отчеты международных организаций, официальная статистика, эмпирические данные, полученные авторами. Материал подготовлен на основе принципов и методов научного познания, сравнительного анализа, историзма, объективизма, индукции и дедукции, частного и общего.

Результаты. Дан социологический анализ этно-демографических проблем в Узбекистане, выявлены современные особенности отношения к модернизму в узбекской семье, рассмотрено формирование социальных основ статуса мужчины и женщины, предпринята попытка выявить механизмы формирования современной узбекской семьи в условиях традиционализма.

Статистический фон. В обеспечении гендерного равенства в узбекском обществе важную роль играет влияние демографических процессов. После 1945 г. в Узбекистане стал наблюдаться демографический взрыв, население росло очень быстрыми темпами вплоть до 1970-х гг. Прирост происходил, в первую очередь, за счет снизившейся смертности и высокой рождаемости [Муракаев 2021].

Более того, рост народонаселения Узбекистана остается устойчивым на протяжении всего периода наблюдений. Так, в 1865 г. оценочная численность населения Узбекистана составляла около 3.320.000 человек [Мулладжанов, Убайдуллаева 1988],

и к 2023 г. выросло более чем в 10 раз, составив 36.024.900 человек¹. Численность мужчин составила 18.129.691 человек, женщин – 17.899.106 человек.

В то же время анализ показывает, что с конца 1970-х гг. в Узбекистане наблюдалась миграционная убыль. Она ускорилась с начала 1990-х гг., став следствием распада Советского Союза и последовавшего за ним отъезда преимущественно русскоязычного населения республики. Миграционная убыль остается играющим определенную роль демографическим фактором, однако естественный прирост населения играет более важную роль и перекрывает убыль населения [Муракаев 2021].

Младенческая смертность остается одной из демографических проблем в Узбекистане, в том числе, в разрезе стран Центральной Азии. Например, Младенческая смертность в 2021 г. составила 7 214, что на 160 больше, чем в 2020 г.² Более того, статистика показывает, что 57% смертей среди детей в возрасте до 5 лет в 2018 г. в Узбекистане происходит в неонатальном периоде – первые 28 дней жизни. Более того, по мнению специалистов UNICEF были шансы спасти большинство погибших детей вследствие инфекций, асфиксии и ранних родов³.

Снижение младенческой смертности является для Узбекистана очень актуальной задачей, так как ее решение невозможно без преодоления бедности, безработицы и экологических проблем особенно в Приаралье.

В приросте населения важную роль играет увеличение продолжительности жизни населения, который возрос с 56 лет в 1950-е гг. до 73,8 лет в 2022 г., при этом женщины живут в среднем на 4 года больше мужчин⁴.

Быстрый прирост населения отражается в стабильно высоком уровне молодежи среди населения. В начале 2022 г. численность

¹ Численность населения Узбекистана превысила 36 млн человек. // URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/01/30/chislennost-naseleniya-uzbekistana-prevysila-36-mln-chelovek>

² В Узбекистане подскочила младенческая смертность. // URL: <https://nova24.uz/uzbekistan/v-uzbekistane-podskochila-mladencheskaya-smernost/>

³ В UNICEF назвали пугающую статистику младенческой смертности в Узбекистане. // URL: <https://upl.uz/obshestvo/8985-news.html>

⁴ Средняя продолжительность жизни населения в Узбекистане. // URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/22393-o-zbekistonda-aholining-o-rtacha-umr-ko-rish-davomiyligi-2>

молодежи (в возрасте от 14 до 30 лет) составила 9,6 млн человек¹ или 26,6% от всего населения. Для сравнения в Канаде, где население составляет свыше 37 млн. чел.², примерно сопоставимая доля молодежи - 15,49%³.

Однако, исследования прогнозируют постепенный процесс старения населения, преимущественно за счет увеличения числа пожилых людей на фоне продолжения очень быстрого роста численности населения⁴. Со своей стороны, добавим влияние процессов урбанизации в Узбекистане, что сокращает количество детей в семьях.

Так, по прогнозам, если к 2030 г. Узбекистан достигнет того же уровня урбанизации, что и страны со средним уровнем дохода, то его городское население составит 34,4 млн. (рост на 17,7 млн. чел.)⁵. По расчетам это примерно свыше 283,1 тыс. домашних хозяйства в городах Узбекистана ежегодно. Более того, можно ожидать, что, исходя из современных тенденций, в столице Узбекистане, городе Ташкенте, к 2030 г. будет сконцентрировано около 12,1 млн. чел. или рост примерно в пять раз. То есть, можно отметить, что перед Узбекистаном все острее будет вставать вопрос синтеза модернистских ценностей города в традиционные сельско-ориентированные устои.

Так, урбанизация способствует более быстрым изменениям образа жизни, включая трансформацию роли и места традиционной семьи. В сельской среде традиции значительно более сильны, и традиционные формы социальной организации включают в себя расширенные семьи и большее количество детей⁶.

С экономической точки зрения демографическое состояние Узбекистана

максимально способствует экономическому росту, что является, например, важным фактором реализации политики гендерного равенства, затрагивающего, в первую очередь, институт семьи в стране. Однако, сейчас традиционность института семьи приводит к тому, что понятия «гендерного равенства» путают с понятием «феминизм».

Выделим и то, что взгляды населения на желательное количество детей в семье за последние десятилетия в Узбекистане существенно изменились. Если в середине 1980-х гг. данные опросов показывали, что около 60% населения хотели бы иметь 5 или 6 детей, а еще 22% - шесть или семь, то уже спустя десять лет 60% опрошенных хотели бы завести от 1 до 4 детей [Максакова 2012].

На сегодня данная тенденция также находит свое отражение. По данным выборочных обследований домохозяйств Агентства статистики при Президенте РУз., по состоянию на январь-май 2022 г. 75,3% домохозяйств имеют детей в возрасте до 16 лет. Из которых: семьи с одним ребенком – 23,3 %; двумя детьми – 26,3 %; тремя детьми – 18,3 %; четырьмя и более детьми – 7,4 %. По данным опроса, 24,7% домохозяйств не имеют детей в возрасте до 16 лет⁷.

Для Узбекистана характерна относительная этническая однородность, при том, что в стране проживают свыше ста национальностей. Так, численность титульной нации по состоянию на 1 января 2021 г. составила более 29 млн человек. Следующей по численности этнической группой являются таджики, чья численность составила лишь 1,7 млн человек. Такие этнические группы, как казахи, каракалпаки, русские составляют от 720 тыс. до 821 тыс. чел. Остальные этнические группы

¹ Какова численность молодежи в Узбекистане — статистика. // URL: <https://repost.uz/molodnyakaxvataet#>:

² Рейтинг стран по населению. // URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/population>

³ Возрастно-половая пирамида. // URL: <https://population-pyramid.net/ru/pp/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B0>

⁴ Перспективы демографического развития Республики Узбекистан на период 2018-2050 гг. // 2019 г. URL:

<https://uzbekistan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Population%20forecast%202018-2050.pdf>

⁵ Урбанистическое будущее Узбекистана // URL: <https://xs.uz/ru/post/urbanisticheskoe-buduschec-uzbekistana>

⁶ Краткий обзор демографической ситуации в Узбекистане. 2020 г. // URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/a-brief-review-of-uzbekistans-demographic-profile/?lang=ru>

⁷ Сколько детей подрастает в семьях Узбекистана? // URL: <https://kun.uz/ru/73125946>

(кыргызы, туркмены, татары, корейцы и др.) составляют менее 300 тыс. чел. каждая¹.

По сравнению с 1989 г. к 2021 г. численность узбекского населения страны выросла более чем вдвое, что подчеркивает существенное преобладание титульной нации и ее влияние на формирование культурных ценностей, традиций и обычаев общества в целом.

Обсуждение. Семья в Узбекистане является в полном смысле слова основой общества, и она понимается обычно как союз двух людей противоположного пола, а ее обязательным атрибутом должны быть дети. Характерно понимание важности заключения браков путем юридического признания статуса семьи. Эти представления отображаются на всех уровнях, начиная с бытового.

Как показывают результаты социологических исследований, население Узбекистана придерживается традиций и обычаев, относя их к наиболее ценным для человека. 86% опрошенных выразили согласие с этим мнением, при этом, большинство из них – 62% – составили женщины. Обычаи включают в себя культуру (72% опрошенных), религиозное воспитание (22%), законы народа и наследие предков (4%). Лишь 2% респондентов считают обычаи простой условностью. Благодаря семье как социальному институту большинство населения Узбекистана (74%) имеют хорошее знание и представление о традициях и обычаях. Также, большинство семей страны не испытывает сложностей или проблем с соблюдением традиций или обычаев [Латипова 2019].

Здесь интересно то, что Узбекистан строит светское государство. Более того, в рамках Конституционной реформы 2023 года данным термином планируется дополнить Основной закон. В то же время, среди общества полная легитимация брака ассоциируется с проведением религиозного обряда «никох».

Здесь выделим то, что свадьба является важным ритуалом вступления в семейную

жизнь. Традиционные свадьбы в стране являются исключительно ответственным, дорогостоящим, и на местном уровне общественно значимым событием. К этому торжественному мероприятию идут в течение долгого времени. Показательно, что свадьбы целых поколений занимают особое место в череде мероприятий местного значения. Более того, социальный статус той или иной семьи определяется размахом проведенной свадьбы. Государство периодически возвращается к вопросу разъяснения важности снижения расходов на проведение свадеб, однако, семьи даже после пандемии возвращаются к прежним тратам.

Семья в Узбекистане выступает в качестве важного источника и передачи народных устоев и традиций. Сами они формировались с момента прихода Ислама на современную территорию Узбекистана, неоднократно подвергаясь существенным трансформациям. Но основа остается до сих пор прежней, которые отражают своеобразие народов региона и их самобытность. На наш взгляд к ним относятся религиозные ценности, культуры различных эпох, оседлый образ жизни и идеологическое влияние государств, существовавших на территории современного Узбекистана.

Так, семья занимает большое место в размышлениях мыслителей и просветителей Центральной Азии. Например, в рамках семьи, с точки зрения Ибн Сино, мужчина обладает явными преимуществами, но возможности женщины не ограничиваются исключительно семейными делами. Женщина должна участвовать в общественных делах наряду с мужчинами, включая защиту семьи или общества [Хакимова 2017]. Эти установки являются достаточно прогрессивными для того времени.

Выделим, что даже советская идеология не смогла полностью уничтожить в Узбекистане сформировавшиеся традиции и обычаи, которые оставались в значительной мере неизменными. На наш взгляд, эта устойчивость основана на понимании и

¹ Ўзбекистон Республикаси доимий аҳолисининг этник таркиби. Давлат статистика кумитаси. Расмий канал. // URL: https://t.me/statistika_rasmiy/1250

почитании семьи. Так, даже отправление важной обязанности совершать обряд «намаза» в условиях гонений скрытно осуществлялось внутри семей до 1991 г.

Такого рода устойчивость указывает на сложность процесса возможных изменений, в том числе, принципов гендерного равенства, затрагивающих внутрисемейные отношения.

Важную роль в жизни общества Узбекистана играет институт «махалля». Она отражает традиции коллективизма, которые организованы в настоящее время в форме органа местного самоуправления. Махалля традиционно является самодостаточной структурой, призванной удовлетворять духовные и материальные запросы граждан, выступать, в том числе, в качестве хранительницы традиций, выполняя в некотором смысле надзорные и воспитательные функции. В этой связи можно считать махаллю как некую первую защитную оболочку института семьи в Узбекистане.

Почитание старшего поколения также служит сохранению и передаче традиций. Это позволяет функционировать процессам усваивания норм в процессе семейной социализации, в том числе, на уровне моральных аксиом. В дальнейшем они проявляются в повседневном поведении граждан, отражаются в их нравственных поступках.

Эмпирические данные показывают, что семья и брак и в настоящее время воспринимаются как ключевые факторы самореализации, то есть, семейное благополучие служит основой для благополучия общества. Отметим, что целесообразно данное обстоятельство оценивать с точки зрения доминирования традиционализма в сознании молодых, рассмотрения общественной деятельности как инструмента создания благоприятных условий для жизнедеятельности семьи [Сеитов, Эргашев 2016].

Общество, особенно на местном уровне осуществляет определенный общественный контроль поведения граждан. Опросы показали, что молодые люди, особенно проживающие в сельской местности, чувствуют себя достаточно зависимыми от мнения местного сообщества, которое обладает таким инструментом, как публичное осуждение или распространение слухов. Страх «опозорить семью» побуждает следовать традициям и корректировать стиль одежды, поведение или манеру общения¹.

Важно, что общественное вмешательство в массу своей происходит лишь после того, как одна из сторон семейного конфликта считает возможным привлечение третьего лица. С одной стороны, это подразумевает безусловное уважение к частной семейной жизни и сложившимся в ее рамках отношениям. Это благоприятствует сохранению традиций и прочности семьи как социального института. С другой, препятствует существенным и быстрым изменениям в плане ролей и ожиданий в семье, а в некоторых исключительных случаях скрытому домашнему насилию. Например, в 2022 г. представитель Детского фонда ООН в Узбекистане М. Мамедзаде выразил обеспокоенность в связи с насилием в отношении женщин и девочек, которое он охарактеризовал как обыденную практику, и призвал положить конец безнаказанности и обеспечить доступ к улучшенным службам защиты и поддержки семьи².

В качестве следующей тенденции, присущей семьям в Узбекистане можно отнести количественный переход соблюдения признанных правил этикета и вежливости в семье качественно перерастает в общественную норму. Так, отмечается в виде продолжительного влияния родителей на своих детей, которое часто распространяется даже на достаточно взрослый возраст. Такая культура поведения распространяется на все общество [Эрйигитова 2019].

¹ Молодежь Узбекистана: вызовы и перспективы. 2020 г. // URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/media/3696/file/RUS%20Youth%20of%20Uzbekistan%20Challenges%20and%20Prospects%20Final.pdf>

² Узбекистан: События 2022 года. // URL: <https://www.hrw.org/ru/world-report/2023/country-chapters/uzbekistan> Узбекистан: События 2022 года. // <https://www.hrw.org/ru/world-report/2023/country-chapters/uzbekistan>

Есть другой аспект данной темы. Так, традиция почитания старших предопределяет особенности уровня социальной зависимости. В отношении родителей социальная зависимость означает необходимость прислушиваться к их мнению, в том числе, материальные аспекты (жилье, образование и т.д.) и семейных отношений. Например, важным критерием общественной оценки той или иной семьи является выявление положительных отзывов от родителей.

Эта зависимость включает в себя согласие родителей на выбор супруга или супруги. Традиция, согласно которой невеста после свадьбы переезжает в дом жениха, показывает изначальные установки на определение гендерных ролей.

Примечательно, что в контексте передачи культурных ценностей посредством семьи важная роль отводится женщине. Посредством устной ретрансляции и обучения осуществляется реализация важнейших функций, связывающих женщину, ее семью со всем родом, этносом. Это связано с тем, что мужчина должен проявлять суровость в рамках воспитания своих детей, особенно, мальчиков.

Выводы. Таким образом, для общества Узбекистана характерно сильное влияние и преемственность традиций и обычаев. Хотя Узбекистан является многонациональной страной, существенное количественное преобладание титульной нации определяет доминирование именно традиций и культуры узбекского народа. К тому же, основными этническими меньшинствами в республике являются близкие к узбекам нации, в том числе, разделяющие общие исламские ценности. При этом анализ демографических показателей показывает тенденцию дальнейшего возрастания роли титульной нации.

Традиции и культурные ценности народов Узбекистана уходят корнями глубоко в историю. Например, многие из современных представлений о роли женщины в семье, распределении семейных обязанностей, функциях и предназначении семьи формулировались в той или иной форме еще с древних времён.

Для общества Узбекистана характерно представление о роли мужчины как главе семьи. Хотя на женщину возлагаются основные домашние обязанности, традиции не ограничивают ее роль только семьей. Отметим, что необходимость для женщины выполнять общественные функции наравне с мужчинами создают благоприятную основу для формирования основ гендерного равенства.

В то же время, сильные традиции, передаваемые из поколения в поколения, создают определенные сложности для дальнейшего совершенствования института семьи, исходя из современных требований. Например, это может касаться ценностей светского общества или неприемлемости домашнего насилия в любой форме.

Традиции, как правило, исключают системное вмешательство местной общины (махалли) во внутрисемейные дела, по крайней мере, до тех пор, пока они не становятся обсуждаемыми на общественном уровне. Более того, махалля укрепляет традиционность семьи, оберегая ее от модернизационных процессов.

Помимо этого, большое значение имеет почитание старших, в том числе, негласное требование получать разрешение от родителей на те или иные значимые действия. Следовательно, межпоколенческий фактор важен при прогнозировании степени проникновения в узбекское общество новых ценностей.

Все это важно учитывать при рассмотрении института семьи в Узбекистане, понимая его как важнейший столп как общества, так и государства, призванного играть решающую роль в социальном развитии. За последние два поколения семья претерпела ощутимые изменения в результате тенденций в области миграции, феномена старения населения, пандемического распространения вирусов, последствий глобализации. Однако, они больше носили характер внешних изменений, по сути, нося сильный традиционный характер.

На сегодня ввиду изменений образа жизни и размера семьи, а также в связи со стремительными социально-экономическими преобразованиями семьям

все труднее выполнять свои социальные функции. В обществе Узбекистана растет новое поколение детей и подростков, родители которых считают свои ценности аксиоматичными. На наш взгляд, сомнительно, что они готовы вести цивилизационную борьбу за умы и настроения подростков без поддержки государства. И самая главная угроза, по нашему мнению, в Узбекистане институту семьи представляет неограниченный доступ подросткам в Интернет через средства личной мобильной связи.

Отдельной проблемой становится то, что институт семьи становится объектом внешней информационной агрессии, направленной на изменение ментальных свойств той или иной страны. В сочетании с неспособностью отдельных государств оградить домашние хозяйства от негативных последствий глобализации с помощью мер социальной политики, это приводит к тому, что большое число семей оказываются в бедствующем положении и становятся уязвимыми. У них времени в полной мере заниматься воспитанием детей, как отцами, так, что самая большая угроза, матерями. Матери, в силу бедности, вынуждены зарабатывать средства на жизнь.

В рамках международных отношений в Узбекистане можно констатировать уязвимость для различного рода внешних акций для дестабилизации внутренней ситуации. Поэтому стратегически важно

поддержка полной реализации на практике проводимого курса в таких направлениях, как:

- сильная экономика, основанная на рыночных принципах;

- сильная духовность, основанная на богатом духовном наследии предков и национальных ценностях Узбекистана.

Более того, сегодня мир характеризуется усилением острой борьбы и конкуренции, столкновением интересов. Процессы глобализации несут для человечества как беспрецедентно новые возможности, так и непредвиденные проблемы, поскольку сопровождаются новыми вызовами и угрозами национальной идентичности и духовным ценностям народов мира. Не секрет, что активизируются попытки внедрения в сознание людей, особенно молодежи, потребительских настроений, формирования в обществе культуры эгоцентризма, равнодушия и безразличия, отрицания ценности семьи и труда.

Поэтому при проведении внутренней политики важно четко определять национальные ценности, которые будут исходить из исторически присущих черт духовности. Также, важно понимать, что ценности и духовности у народов мира несут одинаковый глубокий гуманистический заряд. Следующее важное требование, что усилия в области повышения духовности должны быть осуществлены в правовом и прозрачном поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Латилова Н.М.* Роль традиций и обычай в судьбе узбекской женщины. // Экономика. Социология. Право, 2019.
- Максакова Л.* Демографическая ситуация в Узбекистане с точки зрения социальной безопасности. Центральная Азия и Кавказ. 2012. том 15, №2.
- Мулладжанов И. Р., Убайдуллаева Р. А.* Развитие народонаселения и проблемы трудовых ресурсов Республик Средней Азии (социально - демографический анализ) / И. Р. Мулладжанов, Р. А. Убайдуллаева, Ташкент: Фан, 1988. 162 с.
- Сеитов А., Эргашев Б.* Молодежь Центральной Азии. Узбекистан: на основе социологического опроса. / Под науч. рук. проф. Хурельмана К. и Тешендорфа П. (Германия, Берлин). Монография. Республика Казахстан: Алматы, 2016.
- Хакимова З.А.* Культурно-антропологическая парадигма семьи в философии Ибн Сины. // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки, 2017.
- Эрйигитова Л.А.* Семейные традиции узбеков: семья как объект исследования. // Россия и мусульманский мир, 2019.

REFERENCES

- Latipova N.M.* Rol' traditsij i obychaj v sud'be uzbekskoj zhenshchiny. // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*, 2019.
- Maksakova L.* Demograficheskaya situatsiya v Uzbekistane s tochki zreniya social'noj bezopasnosti. *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 2012. tom 15, №2.
- Mullyadzhhanov I. R., Ubajdullaeva R. A.* Razvitie narodonaseleniya i problemy trudovyh resursov Respublik Srednej Azii (social'no - demograficheskij analiz) / I. R. Mullyadzhhanov, R. A. Ubajdullaeva, Tashkent: Fan, 1988. 162 c.
- Seitov A., Ergashev B.* Molodezh' Central'noj Azii. Uzbekistan: na osnove sociologicheskogo oprosa. / Pod nauch. ruk. prof. Hurel'mana K. i Teshendorfa P. (Germaniya, Berlin). Monografiya. Respublika Kazahstan: Almaty, 2016.
- Hakimova Z.A.* Kul'turno-antropologicheskaya paradigma sem'i v filosofii Ibn Siny. // *Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*, 2017.
- Erjigitova L.A.* Semejnye tradicii uzbekov: sem'ya kak ob'ekt issledovaniya. // *Rossiya i musul'manskij mir*, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сеитов Азамат Пулатович, доктор социологических наук, доцент, заведующий лабораторией антропологии и конфликтологии Института перспективных международных исследований, Университет мировой экономики и дипломатии. Ташкент, Узбекистан. (E-mail: a.seitov@iaia.uz)

Уразалиева Гулшода Бекпулатовна, кандидат социологических наук, доцент, докторант, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. E-mail: g.urozaliyeva@yandex.ru

Azamat P. Seitov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory of Anthropology and Conflictology, Institute for Advanced International Studies, University of World Economy and Diplomacy. Tashkent Uzbekistan. (E-mail: a.seitov@iaia.uz)

Gulshada B. Urazaliyeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral Candidate, National University of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek. Tashkent, Uzbekistan. (E-mail: g.urozaliyeva@yandex.ru)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ / POINT OF VIEW

Научная статья / Research article

Постсоветский регионализм на перепутье

М. М. Агазаде*¹, Д. А. Дегтерев**^{1,2}, К. П. Курылев***¹

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

² *МГИМО МИД России*

* ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

** ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

*** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; e-mail: kurylev-k@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 значительно ускорила глобальный транзит власти (от США к КНР) и формирование «новой биполярности» в Евразии (Запад vs неЗапад), которое еще больше активизировалось после начала СВО в феврале 2022 г. и приобрело бесповоротный характер. В данном контексте традиционные взгляды на евразийский и постсоветский регионализм как периферию евро-атлантических интеграционных процессов нуждаются в переоценке. Если РФ после событий 2014 г. и особенно 2022 г. разорвала значительную часть институциональных отношений с евроатлантическими интеграционными структурами, то в целом ряде постсоветских стран инерционно продолжается и даже усиливается «рудиментарная многовекторность». Так, за последние пять лет большинство стран Центральной Азии перешли от базовых соглашений о партнерстве с ЕС к соглашениям о расширенном партнерстве, включающем как экономические, так и политические аспекты сотрудничества. Сохраняются и диалоговые форматы сотрудничества постсоветских стран (кроме РФ) с НАТО, в т.ч. Концепция оперативных возможностей, Программа совершенствования военного образования, Платформа оперативной совместимости, «Партнерство ради мира» и другие. Как показал украинский кризис, обострение соперничества евразийского и евроатлантического форматов регионализма зачастую переводит соперничество в силовую плоскость, чего хотелось бы по возможности избежать. На повестке дня – повышение субъектности постсоветского регионализма с переходом его от европоцентричного к незападному, азицентричному с вовлечением ЕАЭС, ШОС, БРИКС и АСЕАН. В данной статье представлены основные проблемы и перспективы данного процесса, динамика которого будет определять формирование незападного регионализма в Евразии.

Ключевые слова: незападный регионализм, Евразия, постсоветское пространство, СНГ, периферийный реализм, ЕС, «новая биполярность», США-КНР, прагматичное евразийство

Благодарности: авторы выражают искреннюю признательность участникам научного семинара по незападному регионализму в Евразии кафедры теории и истории международных отношений РУДН, состоявшегося 24 марта 2023 г., за их оценки и ценные комментарии, послужившие толчком к написанию данной статьи.

Для цитирования: Агазаде М. М., Дегтерев Д. А., Курылев К. П. Постсоветский регионализм на перепутье // Постсоветские исследования. 2023;3(6):341-351.

Post-Soviet regionalism at a crossroads

Mirmehdi M. Aghazada*¹, Denis A. Degterev**^{1,2}, Konstantin P. Kurylev***¹

¹ *RUDN University, Moscow, Russia*

² *MGIMO University, MFA of Russia*

* ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

** ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

*** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; e-mail: kurylev-k@rudn.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic significantly accelerated the global power transit (from the US to the PRC) and the formation of a “new bipolarity” in Eurasia (West vs non-West), which became even more active and irreversible after the launch of the Special Military Operation in Ukraine in February 2022. In this context, the traditional views on Eurasian and post-Soviet regionalism as peripheral to Euro-Atlantic integration processes needs to be reassessed. Whereas the Russian Federation, after the events of 2014 and especially 2022, broke off a significant part of institutional relations with the Euro-Atlantic integration structures, a few post-Soviet countries inertially continue and even intensify the “rudimentary multi-vector” approach. Thus, over the past five years most of the countries of Central Asia have moved from basic partnership and cooperation agreements with the EU to extended partnership agreements that include both economic and political aspects of cooperation. Dialogue formats for cooperation between the post-Soviet countries (except the Russian Federation) and NATO have also been maintained, including the Operational Capabilities Concept, the Defense Education Enhancement Program, the Interoperability Platform, the Partnership for Peace and others. As the Ukrainian crisis has shown, the intensification of rivalry between the Eurasian and Euro-Atlantic formats of regionalism often turns the rivalry into a violent conflict, which it would be better to avoid if possible. An increase in the agency of post-Soviet regionalism with its transition from Eurocentric to a non-Western, Asian-centric one, involving the EAEU, SCO, BRICS and ASEAN is on the agenda. This article presents the main problems and prospects of this process, the dynamics of which will determine the formation of a non-Western regionalism in Eurasia.

Keywords: non-Western regionalism, Eurasia, post-Soviet space, CIS, peripheral realism, EU, «new bipolarity», USA-PRC, pragmatic Eurasianism

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude to the participants of the scientific workshop on non-Western regionalism in Eurasia of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University, which took place on March 24, 2023, for their assessments and valuable comments, which prompted the writing of this article.

For citation: Mirmehdi M. Aghazada, Denis A. Degterev, Konstantin P. Kurylev. Post-Soviet regionalism at a crossroads // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):341-351. (In Russ.).

В последние десятилетия в мировой политике традиционно наблюдаются два противоположных тренда – развитие глобализации и усиление региональной интеграции. Последнее предполагает возведение более высоких барьеров в отношениях с «третьими странами», не входящими в один регион.

Данная тенденция, по-видимому, будет лишь нарастать по мере формирования отдельных техноэкономических блоков¹ и «кристаллизации» блоковой дисциплины в контексте «новой биполярности».

Что ждет постсоветское пространство, включая независимые государства, ранее входившие в СССР? Каковы сценарии развития постсоветского регионализма? Об

этом пойдет речь в данной статье, написанной во многом по итогам дискуссий научного семинара по незападному регионализму, состоявшемся в РУДН в марте 2023 г.² Авторы попытались ответить на четыре исследовательских вопроса, во многом формирующих академический дискурс в данной области.

Постсоветский или евразийский регионализм?

Концептуализация постсоветского регионализма характеризуется терминологической амбивалентностью [Базавлук 2018]. Так, по мнению Р. Хеллер, термин «Евразия» обычно относится к пятнадцати международно признанным независимым государствам, возникшим в

¹ Безруков А.О. Россия и мир - 2025 год: прогноз обозримого будущего // Радонеж, 27.04.2019. - <https://radonezh.ru/2019/04/27/rossiya-i-mir-2025-god-prognoz-obozrimgo-budushchego>

² Научный семинар «Регионализм на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы». РУДН, 23.03.22. - https://www.youtube.com/watch?v=whMTMsEeunU&list=PLdPEhoOfkwj7MUdb_msJr2Y9MLMTyM3I3

результате роспуска СССР [Heller 2022: 484]. М. Молчанов считает, что Евразия – это постсоветское пространство и Китай, а регионализм в Евразии возник в начале 1990-х гг. в форме СНГ [Molchanov 2015: 2; Molchanov 2020]. Такого же мнения придерживается и Г. Йесеви Чагла [Yesevi Çağla 2014: 1986]. В свою очередь, А. Либман и А. Обыденкова считают, что понятие постсоветской региональной интеграции уступило место евразийскому регионализму несмотря на то, что границы Евразии в основном определяются границами бывшего СССР [Libman, Obydenkova 2017: 3].

По мнению Е. Винокурова и А. Либмана существуют три концепции Евразии: 1) Евразия – это есть и постсоветское пространство; 2) Евразия как идеологическая концепция, подчеркивая различия между Россией и ее соседями и европейским миром; и 3) Прагматичное евразийство, т.е. Азия и Европа рассматриваются вместе [Vinokurov, Libman 2012: 16-24].

Е. Михайленко также описывает термин «Евразия» с точки зрения трех подходов: 1) Большая Евразия, связанная с Евразийским континентом; 2) Центральная Евразия как постсоветское пространство; и 3) термин «Евразия» может ассоциироваться с конкретными интеграционными проектами в Евразии, такими как Евразийский экономический союз [Mikhaïlenko 2019]. По мнению М. Лагутиной, понятие «Евразия» часто становится предметом политических спекуляций, и распространение этого термина во многом обусловлено активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве и созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Lagutina 2019].

Отдельного внимания заслуживает подход А. Дугина, который рассматривает регионализм на постсоветском пространстве в рамках евразийской цивилизации. По его мнению, Россия является «телом» в этой цивилизации, «но без рук, ног и головы», а для полноценной интеграции под зонтиком евразийской цивилизации необходимо восстановить исторические границы [Дугин

2022: 147]. Речь идет не об экспансии или новом виде империализма, а «о создании братства народов, культур, религий в едином общем контексте» [Дугин 2022: 148].

На наш взгляд, понятие постсоветского регионализма подчеркивает историческую общность стран региона и уже сложившийся институционализм, в т.ч. в политической сфере (СНГ), экономической (ЕАЭС) и военной (ОДКБ). С другой стороны, постсоветский регионализм характеризуется промежуточным характером («цивилизованный развод», а по сути – «контролируемый распад» некогда единого государства) и ограниченной субъектностью (полу-периферийностью) в рамках существующей мир-системы.

Евразийский – имеющий институционализацию пока лишь в формате ЕАЭС (во многом носящем европоцентричный характер) – в перспективе мог бы вступать в качестве катализатора («ядра») коллективного НеЗапада (во главе с Россией и странами Азии). Однако для этого требуется «перезагрузка» его идеологических оснований на базе западных ценностей, а также «инвентаризация» уже имеющихся договоренностей постсоветских стран с западными центрами силы (ЕС и США). Часть этих соглашений и договоренностей напрямую противоречат «духу и букве» евразийской интеграции и представляет собой «негативное наследие» постсоветского регионализма. Это обостряет соперничество между евразийскими и евроатлантическими регионалистами¹, в ряде случаев (украинский кризис) переводит его в силовую плоскость, чего хотелось бы по возможности избежать в будущем.

От периферийного регионализма к незападному?

На сегодняшний день «Коллективный Запад» обладает лидерством в развитии регионализма как в теоретическом (теория экономической интеграции Б. Балаши [Balassa 1961] и др.), так и в практическом ключе. Речь идет о сети соглашений об экономическом партнерстве, ассоциации,

¹ Евроатлантический регионализм, объединяющий в себя европейский и североамериканский (США и

Канаду) регионализмы, основан на западных ценностях и общем восприятии безопасности (НАТО).

«расширенном партнерстве» и проч. со странами Азии, Африки и Латинской Америки, «цементирующей» неоколониальные центр-периферийные отношения [Бокерия, Давидчук, Дегтерев и др. 2022], усиленные другими элементами «структурной власти» (по С. Стрэндж) «Коллективного Запада» –ВТО (торговля), институты Бреттон-Вудса (финансы), ОЭСР (экономика), НАТО (безопасность) [Strange 1988].

С начала 1990-х гг. этот фактор оказывал влияние и на постсоветское пространство, т.к. новые независимые государства, возникшие в результате роспуска СССР, стремились к западной модели развития и тесным связям с ЕС. Например, в 1994 г. было подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС¹, схожие «базовые СПС» были заключены и с другими постсоветскими странами. С 2004 г. была начата Европейская политика соседства, с 2009 г. запущено Восточное партнерство, направленное на сближение Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины с ЕС [Стрелков 2011].

В конце 2010-х - начале 2020-х годов в отношениях с основными постсоветскими государствами (за исключением Российской Федерации) ЕС двигался в направлении обновления и углубления правовой базы сотрудничества, продолжив «увязку» торгово-экономических аспектов с политическими. Так, в 2015 г. было подписано Соглашение о расширенном партнерстве между ЕС и Казахстаном (29 направлений сотрудничества), которое полностью вступило в силу в 2020 г.², схожее соглашение в июле 2022 г. парафировал

Узбекистан³. Ожидается, что аналогичное соглашение между ЕС и Киргизией будет подписано до конца 2023 г.⁴ Таджикистан начал переговоры о заключении аналогичного соглашения в феврале 2023 г.⁵ Правовой основой партнерства Армении и Европейского Союза является Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, которое было подписано 24 ноября 2017 г. Соглашение временно применялось с 1 июня 2018 г. и вступило в силу 1 марта 2021 г.⁶ Фактически, в новой конфигурации «расширенных СПС» страны «Коллективного Запада» договорным путем продолжают «выдавливать» Россию из постсоветского пространства. ЕС по-прежнему «плетет паутину» неоколониального регионализма вокруг России, но уже без участия России.

Постсоветский опыт европоцентричного регионализма является частным проявлением более широкой тенденции. По факту любой евразийский (африканский, латиноамериканский и др.) регионализм, основанный на европоцентричном подходе, является периферийным по отношению к ЕС, и структурирует неравноправные, асимметричные отношения Евросоюза как основного проводника торгового неоколониализма «Коллективного запада» и незападных стран, разрушает естественный процесс региональной интеграции [Amuhaya, Degterev 2022: 125-177]. Неслучайно возникновение целого веера работ по сравнительному регионализму, сопоставляющих конкретные параметры «периферийности» тех или иных отношений [Börzel, Risse 2019; Mattheis, Raineri, Russo 2019].

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между РФ, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. 24 июня 1994 г. - <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 29.03.2023).

² Новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве Казахстана и ЕС вступило в силу // ТАСС, 01.03.2020. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7870965> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Узбекистан и ЕС завершили переговоры по Соглашению о расширенном партнёрстве и сотрудничестве // Газета.uz, 07.07.2022. - <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/07/eu/> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ Бишкек рассчитывает подписать соглашение о партнерстве с ЕС в течение этого года // ТАСС, 19.01.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16834049> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ Таджикистан и Евросоюз рассмотрели возможности расширения договорно-правовой базы // МИД Таджикистана, 24.02.2023. <https://mfa.tj/ru/main/view/12139/tadzhikistan-i-evrosoyuz-rassmotreli-vozmozhnosti-rasshireniya-dogovorno-pravovoi-bazy> (дата обращения: 29.03.2023).

⁶ Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве // https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_cerpa_armenia_factsheet_ru.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Гораздо сложнее обстоит дело с незападным регионализмом, «за пределами европоцентризма» [Acharya 2016]. Его подвергают в лучшем случае – умолчанию (отрицание как первая стадия принятия неизбежного), а то и откровенному остракизму, называя, например, «авторитарным» [Obydenkova, Libman 2019; Russo, Stoddard 2018] (гнев – вторая стадия). Но на подходе уже следующая стадия принятия (торг), что особенно заметно по работам в бизнес-аналитике, ведь деловые круги первыми сталкиваются с новой реальностью [De Lombaerde, Moldashev, Qoraboyev et al. 2022].

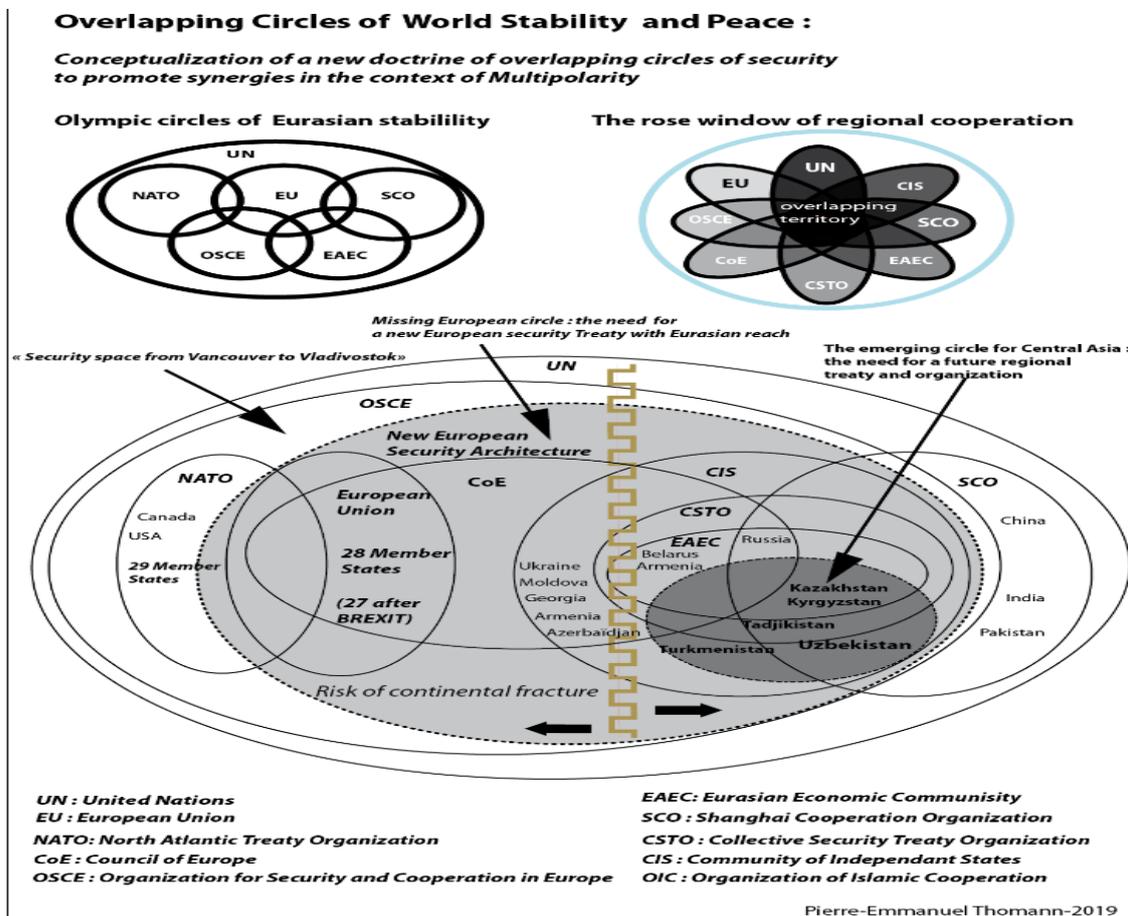
Сегодня практической реализацией незападного (не-европоцентричного) формата региональной интеграции выступает Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), основу которого составляют страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН+5). Однако этот формат азицентричный, в котором пока нет места постсоветскому регионализму.

С другой стороны, динамика развития событий делает неизбежным постепенное

смещение постсоветского регионализма от европоцентричного к незападному, азицентричному. Ведь между западным и незападным регионализмом формируется новый «железный занавес», что наглядно показывает в своих геополитических изысканиях П.-Э. Томанн (см. рис. 1) [Гласер, Томанн, Новик 2021: 22]. И чем раньше придет осознание данного факта и адаптация к новым реалиям, тем выше будет субъектность постсоветского регионализма в рамках азицентричного.

Конец «геополитического плюрализма»?

С роспуском СССР в 1991 г. и созданием СНГ усилилось внимание к постсоветскому региону со стороны крупнейших международных акторов, каждый из которых стремился реализовать собственные интересы. Геополитические, культурно-цивилизационные, социальные характеристики этой территории таковы, что складывающиеся здесь конфигурации не могут не влиять на основополагающие контуры миропорядка XXI столетия. А для России – ядра постсоветского пространства – они очевидным образом представляют

экзистенциальную значимость [Курылев, Савичева, 2013: 5].

Приход новых игроков привел к расслоению региона, начался процесс «формирования геополитического плюрализма, то есть дробления национально-государственных суверенитетов над территорией» [Курылев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018: 135]. Идеологом концепции геополитического плюрализма считается Зб. Бжезинский, который еще в 1994 г. говорил о том, что «основной целью реалистической и долгосрочной большой стратегии должно быть утверждение геополитического плюрализма в рамках бывшего Советского Союза. В данной цели находят более удачное определение американские интересы в долгосрочной перспективе» [Бжезинский, 1994, 58].

Одним из последствий, к которым привела пандемия коронавируса, стала глобальная геополитическая динамика, которая начала стремительно меняться, ускорив процессы, связанные с властным транзитом по линии США-КНР и начавшемуся переходу к новому мироустройству на принципах «новой биполярности» [Дегтерев, Рамич, Цвык 2021]. Период доминирования «Коллективного Запада», продолжавшийся несколько столетий, завершается, а вместе с ним и императив на безусловную интеграцию в западнцентричные институты, который продолжительное время был характерен как для российской, так и позднесоветской внешней политики [Курылев, Дегтерев, Грачиков и др. 2022].

Данный международно-политический процесс обрел бесповоротный характер с началом Специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. И прав министр иностранных дел С.В. Лавров, заявлявший, что «это судьбоносный, эпохальный момент современной истории, потому что он отражает «битву» в самом широком смысле этого слова за то, как будет выглядеть миропорядок»¹.

В этих условиях многим странам постсоветского пространства только предстоит переосмыслить макро-исторический характер событий, происходящих на евразийском пространстве, да и во всем мире, выйти из «зоны комфорта», пересмотрев привычную политику многовекторности. Это время безвозвратно ушло и быть «слугой двух господ» уже не получится. Придется выбирать, в т.ч. с учетом географического положения, один из полюсов пост-западного мира – либо сторону Коллективного Запада (гегемонистская коалиция), либо сторону Коллективного не-Запада в лице Китая, России и др. стран, чаяния которых разделяют большинство развивающихся стран («Глобальный Юг»).

На данный момент в постсоветской Евразии пока сохраняется инерционность восприятия событий и реакции на них, продолжают попытки и дальше следовать курсом на устаревшую в современных условиях многовекторность. Понятно, что масштаб ожидаемых перемен огромен, но их в любом случае придется рано или поздно делать. Бескомпромиссный характер противостояния будет только нарастать, на повестке – новая «конфронтационная биполярность» [Дегтерев, Рамич, Цвык 2021: 226].

Подобная инертность и стремление сохранить над собой «зонтик» многовекторности детерминирован тем, что постсоветские страны, в своем большинстве относятся к малым и средним державам [Дегтерев, Василюк, Баум 2018: 63]. Им нужны гарантии безопасности, поэтому они активно взаимодействуют на внешнем контуре с самыми разными международными акторами. Конфигурации подобного сотрудничества просто поражают воображение. Вот, где принцип «нельзя объять необъятного» не работает.

С одной стороны, действует ОДКБ, в состав которой входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и

¹ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу РБК, Москва, 16 марта 2022 г. //

https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1804655/

Таджикистан, играющая особую роль в обеспечении региональной безопасности¹.

С другой стороны, наблюдается широкое сотрудничество постсоветских стран с НАТО в рамках следующих программ: 1. Концепция оперативных возможностей – Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Украина; 2. Программа совершенствования военного образования – Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия, Узбекистан, Украина³. Индивидуальные планы действий партнёрства – Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдавия; 4. Платформа оперативной совместимости – Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия, Украина; 5. Привилегированное партнёрство – Грузия, Украина; 6. Инициатива содействия внеблоковым государствам в укреплении потенциала в сфере безопасности и обороны – Грузия, Молдавия.

И это мы еще оставили за скобками Совет евроатлантического партнерства и Программу «Партнерство ради мира», куда в свое время вступили и Россия, и Белоруссия, и даже Туркменистан. Но и без этого имеющийся расклад впечатляет. И если относительно позиций Украины, Грузии и Молдовы, уже давно взявших курс на евроатлантическую интеграцию, вопросов не возникает; то Армения и Казахстан, участвующие в большинстве инициатив натовцев, являют собой наиболее яркий пример феномена «рудиментарной многовекторности».

«Неизбирательности» соседей России способствовали и определенные проблемы внутри самой ОДКБ: пограничные споры между Кыргызстаном и Таджикистаном, «обиды» Армении на продемонстрированный прагматизм Москвы в условиях Второй Карабахской войны и последовавших событий в регионе. Все это придало дополнительный импульс центробежным силам в регионе.

Пример с ОДКБ является отражением более общих параллельных процессов, происходивших в течение всего

постсоветского периода в регионе СНГ. С одной стороны, это центристские тенденции, обуславливавшие развитие интеграции на пространстве Содружества, с другой стороны – тенденции центробежные, поощрявшие развитие дезинтеграционных процессов [Курылев, 2010, с. 22]. Но в современных условиях «новой биполярности» ширина коридора для «многовекторных маневров» существенно сужается.

В Казахстане, где прямое западное влияние в значительной степени уменьшилось, в последнее время значительно активизировалась Турция – член НАТО, и по мнению ряда экспертов – «прокси» Великобритании в реализации проекта «Великого Турана» в ущерб российским интересам [Гасанов 2023]. В частности, преобразование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. привело к еще большему усилению влияния Турции над тюркоязычными государствами ЦА. Таджикистан и Киргизия с большей степенью детерминированности тяготеют в сторону Не-Запада. Страны ЦА, как и страны Южного Кавказа находятся на перепутье. Между тем граница между Западом и неЗападом проходит намного западнее – между Белоруссией и Польшей, а также по территории Украины. А «география – это (судьба) приговор», как любил говорить Наполеон.

Прагматичное евразийство как попытка балансировать?

Основная идея прагматичного евразийства, которое включает в себя и Европу, и Азию, заключается в поддержке взаимодействия между различными частями евразийского континента, уходу от блокового мышления. Данный подход подразумевает реальные экономические и политические связи между странами [Vinokurov, Libman 2012: 24]. С первого взгляда, такая концепция евразийства кажется идеальной с точки зрения развития торгово-экономических связей и укрепления политических отношений между странами.

¹ Именно ОДКБ сыграла ключевую роль в стабилизации внутривосточной ситуации в Казахстане в начале 2022 г.

Однако в существующей конфигурации любая попытка развития отношений с ЕС приводит к закреплению неравноправных центр-периферийных отношений, усилению влияния Коллективного Запада на постсоветский мир, и в итоге – к экзистенциальным угрозам экономическому и политическому суверенитету.

С другой стороны, если позитивно оценить эту концепцию, то она может сыграть ключевую роль в реализации проекта «Большого Евразийского партнерства». По словам Президента России В.В. Путина «Большая Евразия – это большой цивилизационный проект, главной идеей которого является создание общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций»¹.

К сожалению, в ближайшей перспективе полноценная реализация данного проекта

становится недостижимым идеалом, т.к. европейские страны не являются самостоятельными акторами мировой политики, а американское влияние на ЕС особенно после начала СВО многократно усилилось. Как неоднократно отмечается в Концепции внешней политике РФ 2023 г., сотрудничество России с зарубежными странами выстраивается «с учетом степени их самостоятельности и конструктивности проводимой ими политики в отношении РФ»², что, по крайней мере, в среднесрочной перспективе явно не относится к ЕС.

Тем самым, на сегодняшний день развитие данного проекта возможно лишь без европейских организаций, но с участием ЕАЭС, ШОС, БРИКС и АСЕАН, которые являются ключевыми незападными акторами в процессе формирования нового регионализма в Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базавлук С.В.* Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 273-283.
- Бжезинский З.* Преждевременное партнерство // ПОЛИС. Политические исследования, 1994. № 1. С. 58.
- Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., и др.* Советские исследования неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. №4. С. 671-687.
- Гасанов К.* Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №3. С. 168-190.
- Гласер М.А., Томанн П.Э., Новик Н.Н.* Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 12-28.
- Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 63-75.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231.
- Дугин А.Г.* Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук: интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М. А. Баранник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 142—152.
- Курылев К.П.* Специфика интеграционных процессов в СНГ // СНГ: проблемы, поиск, решения. Ежегодник. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 22.

¹ Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 29.03.2023).

² Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023 об утверждении Концепции внешней политики РФ. - <http://kremlin.ru/events/president/news/70811>

- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А.* Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 7. С. 754-763.
- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 1. С. 134-156.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств: учеб.-метод. Пособие для студентов-бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 5, 7.
- Молчанов М.А.* Евразийский регионализм как исследовательское поле. Интервью с Михаилом Александровичем Молчановым, профессором, членом Совета Программы глобальных и международных исследований, Университет Саламанки, Испания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. №3. С. 560-573.
- Стрелков А.А.* Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 9-38.
- Acharya A.* Regionalism Beyond EU-Centrism. In Börzel T.A., Risse Th. (Eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109-130.
- Amuhaya C.A., Degterev D.A.* A Century of East African Integration. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. London: George Allen & Unwin, 1961.
- Börzel T.A., Risse T.* Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. 26 (08). P. 1231-1252.
- De Lombaerde P., Moldashev K., Qoraboyev I. et al.* Strategic responses of regional economic organizations to the Chinese Belt and Road Initiative: the cases of ASEAN, EAEU, and EU // Asia Pacific Business Review, 2022. Online.
- Heller R.* Eurasian Regionalism from the Perspective of Scale: Overcoming Conceptual Divides in the Entangled Fields of IR and Eurasian Studies // European Review of International Studies. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 483-519
- Lagutina M.A.* Concept of Eurasia: From Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 1-15.
- Libman A., Obydenkova A.* Why is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. Munich Personal RePEc Archive, 2017. 21 p.
- Mattheis F., Raineri L., Russo A.* Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Cham: Palgrave Pivot, 2019.
- Mikhaylenko E.* Eurasian Regionalism: Specifics, Problems, and Prospects // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 16-36.
- Molchanov M.A.* Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy (1st ed.). London: Routledge, 2015.
- Obydenkova A., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford university press, 2019. *Russo A., Stoddard E.* Why do Authoritarian Leaders do Regionalism? Ontological Security and Eurasian Regional Cooperation // The International Spectator. 2018. No 53(3). P. 20-37.
- Strange S.* States and markets. New York: Bloomsbury, 1988.
- Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Yesevi Çağla G.* New Regionalism in Post-Soviet Territory: Evolution from Eurasian Economic Community to Eurasian Economic Union // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. 5(23). P. 1986-1994.

REFERENCES

- Acharya A.* Regionalism Beyond EU-Centrism. In Börzel T.A., Risse Th. (Eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109-130.
- Amuhaya C.A., Degterev D.A.* A Century of East African Integration. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Bazavluk S.V.* Evraziistvo: terminologicheskaya ambivalentnost' // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. №2. P. 273-283.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. London: George Allen & Unwin, 1961.
- Bzhezinskii Z.* Prezhdevremennoe partnerstvo // POLIS. Politicheskie issledovaniya, 1994. № 1. P. 58.
- Börzel T.A., Risse T.* Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. 26 (08). P. 1231-1252.
- Degterev D.A., Vasiljuk I.P., Baum V.V.* Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoj analiz // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Vol. 62, № 1. P. 63-75.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V.* SShA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipoljarnosti» // Vestnik RUDN. International Relations. 2021. Vol. 21. No 2. P. 210-231.
- De Lombaerde P., Moldashev K., Qoraboyev I. et al.* Strategic responses of regional economic organizations to the Chinese Belt and Road Initiative: the cases of ASEAN, EAEU, and EU // Asia Pacific Business Review, 2022. Online.
- Dugin A.G.* Evrazijstvo kak nezapadnaja jepistema rossijskih gumanitarnyh nauk: interv'ju s Aleksandrom Gel'evichem Duginym, doktorom politicheskikh nauk, doktorom sociologicheskikh nauk, professorom, liderom Mezhdunarodnogo Evrazijskogo dvizhenija. Interv'ju provela M. A. Barannik // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, No 1. P. 142—152.
- Gasanov K.* Vliyanie Velikobritanii na politiku Turtsii v Zakavkaz'e i na Blizhnem Vostoke // Vestnik RUDN. International Relations. 2023. Vol. 23. №3. P. 168-190.
- Glaser M.A., Tomann P.Je., Novik N.N.* Bol'shaja Evrazija i Bol'shaja Evropa: Geopolitika perspektiv sotrudnichestva // Aktual'nye problemy Evropy. 2021. № 1 (109). P. 12-28.
- Kurylev K.P.* Specifika integracionnyh processov v SNG // SNG: problemy, poisk, resheniya. Ezhegodnik. M.: Izd-vo RUDN, 2010. P. 22.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Grachikov E.N., Shpakovskaya M.A.* Nazad v budushchee: sovetskaya vneshnyaya politika 2.0 // Postsovetskie issledovaniya. 2022. Vol. 5. № 7. P. 754-763.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo pljuralizma postsovetskogo prostranstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2018. Vol. 13, № 1. P. 134-156.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: ucheb.-metod. Posobie dlya studentov-bakalavrov i magistrov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya». 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo RUDN, 2013.
- Mattheis F., Raineri L., Russo A.* Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Cham: Palgrave Pivot, 2019.
- Molchanov M.A.* Evraziiskii regionalizm kak issledovatel'skoe pole. Interv'yu s Mikhailom Aleksandrovichem Molchanovym, professorom, chlenom Soveta Programmy global'nykh i mezhdunarodnykh issledovaniy, Universitet Salamanki, Ispaniya // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. №3. P. 560-573.
- Strelkov A.A.* Politika Evropejskogo sojuza v postsovetskom regione // Aktual'nye problemy Evropy. 2011. № 2. P. 9-38.
- Heller R.* Eurasian Regionalism from the Perspective of Scale: Overcoming Conceptual Divides in the Entangled Fields of IR and Eurasian Studies // European Review of International Studies. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 483-519
- Lagutina M. A.* Concept of Eurasia: From Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 1-15.

- Libman A., Obydenkova A.* Why is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. Munich Personal RePEc Archive, 2017. 21 p.
- Mikhaylenko E.* Eurasian Regionalism: Specifics, Problems, and Prospects // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 16-36.
- Molchanov M.A.* Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy (1st ed.). London: Routledge, 2015.
- Obydenkova A., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford university press, 2019.
- Russo A., Stoddard E.* Why do Authoritarian Leaders do Regionalism? Ontological Security and Eurasian Regional Cooperation // The International Spectator. 2018. No 53(3). P. 20-37.
- Strange S.* States and markets. New York: Bloomsbury, 1988.
- Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Yesevi Çağla G.* New Regionalism in Post-Soviet Territory: Evolution from Eurasian Economic Community to Eurasian Economic Union // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. 5(23). P. 1986-1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: agazade-mm@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич, д.п.н., к.э.н., профессор, заведующий кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия; профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Курылев Константин Петрович, д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Mirmehdi M. Aghazada — PhD in History, Senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. E-mail: agazade-mm@rudn.ru

Denis A. Degterev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Economic Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia; Professor of World Economy Department, MGIMO-University, MFA of Russia. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEP

Научная статья / Research article

**«Исламское движение Узбекистана» как вызов стабильности на
постсоветском пространстве**

А. А. Щерба¹, Н. С. Ахмедова², Е. Д. Казьмина³

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

¹E-mail: 1132223149@rudn.ru

²E-mail: 1132223147@rudn.ru

³E-mail: 1132223152@rudn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины, приведшие к популяризации исламизма в Узбекистане, – экономическая стагнация, низкий уровень заработной платы, безработица, коррупция и поддержка исламизма из-за рубежа. Отмечается, что ключевой предпосылкой и причиной радикализации и исламизации Узбекистана выступает так называемый «афганский фактор». Рассмотрена хронология и идеология формирования «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Авторы статьи приходят к выводу о том, что проблема религиозного экстремизма сохраняет высокую актуальность в Узбекистане, в связи с чем его правительство предпринимает систематические попытки нейтрализовать данную внутреннюю угрозу. Международное сообщество и страны-соседи проявляют заинтересованность в обеспечении антитеррористической безопасности в республике. Проанализированы две позиции в отношении рассматриваемого вопроса: мнения о пессимистичном сценарии развития событий в Узбекистане и оптимистичные прогнозы.

Ключевые слова: исламизм, террористическая группировка, Узбекистан, Россия, «Исламское движение Узбекистана», «Исламское государство», «Талибан»

Для цитирования: Щерба А. А., Ахмедова Н. С., Казьмина Е. Д. «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) как вызов стабильности на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2023;3(6):352-360.

**«Islamic movement of Uzbekistan» as a challenge of stability
in the Post-Soviet region**

Anton A. Shcherba¹, Nigina S. Akhmedova², Elizaveta D. Kazmina³

RUDN University, Moscow, Russia

¹E-mail: 1132223149@rudn.ru

²E-mail: 1132223147@rudn.ru

³E-mail: 1132223152@rudn.ru

Abstract. The article deals with the causes that led to the popularization of Islamism in Uzbekistan – economic stagnation, low wages, unemployment, corruption and support for Islamism from abroad. It is noted that the key reason of the radicalization and Islamisation of Uzbekistan is the so-called Afghan factor. The chronology and ideology of the formation of the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) is considered. The authors of the article conclude that the problem of religious extremism remains highly relevant in Uzbekistan, and its government is making systematic attempts to neutralize this internal threat. The international community and neighboring countries are showing interest in ensuring security in Uzbekistan. Two approaches to this issue are considered: pessimistic opinions on the developments in Uzbekistan and optimistic forecasts.

Key words: islamism, terrorist group, Uzbekistan, Russia, «Islamic movement of Uzbekistan», «Islamic state», «Taliban».

For citation: A. A. Shcherba, N. S. Akhmedova, E. D. Kazmina «Islamic movement of Uzbekistan» as a challenge of stability in the post-soviet region // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):352-360. (In Russ.).

Современная эпоха ознаменовалась колоссальной интенсификацией радикальных религиозных движений, среди которых наиболее явно выделяются группировки исламистской направленности. Новости о противоправных действиях экстремистских организаций подобного рода встречаются в медийном пространстве практически ежедневно [Сафарова 2018: 601]. Присутствие исламистских радикалов прослеживается в большинстве стран, где проживают мусульмане, в том числе и на постсоветском пространстве, в особенности – в государствах Центральной Азии. Деятельность экстремистских группировок дестабилизирует политическую обстановку в регионе и соседних странах, превращая Центральную Азию в полигон противостояния между «светскими и религиозными моделями» [Сафарова 2018: 600].

Наибольшую известность приобрела радикальная террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ)¹, образованная ещё в начале 2000-х гг. в Ираке под лозунгом создания единого фронта глобального джихада² – противодействия геополитическим «врагам ислама». Пик влияния ИГ был достигнут в 2014 г. в период разгара гражданской войны в Сирии. Тогда же под влиянием одного из подконтрольных «Исламскому государству» объединений – группировки Хорасан (ИГ Хорасан) – оказались территории пяти центральноазиатских государств. Постепенно влияние «Исламского государства» в мировом масштабе стало сходить на нет, однако полностью уничтожить проявления ИГ оказалось невозможным. В связи с этим многие исследователи, политики и правозащитники говорят о постепенном формировании движения «ИГ 2.0», ключевой

целью которого является свержение легитимных правительств центральноазиатских государств для последующего распространения своей власти на всей евразийской территории [Хопёрская 2018: 49].

Для понимания сложившейся ситуации необходимо обратиться к доктринальным основам исламистской идеологии, предпосылкам и причинам её распространения в рассматриваемом нами регионе. Специфической особенностью мусульманской религии является подчинение её нормам всех сторон индивидуального и общественного бытия – догматической, обрядовой, бытовой, экономической, общественной и политической. Соответственно, отношение представителей радикального ислама к конкретному политическому режиму также основывается на религиозных представлениях [Маргулис, Демиденко 2019: 167]. Базовым нарративом, таким образом, становится идея об «очищении» и возврате к следованию консервативному исламскому религиозно-правовому учению [Маргулис, Демиденко 2019: 169].

При этом возрождение концепции «очищения» совпало с рядом закономерностей социально-экономического и политического развития Центральной Азии, ставшими благодатной почвой для распространения экстремистских религиозных движений. Политическими факторами, обусловившими популяризацию радикального ислама в странах Центральной Азии в целом и в Узбекистане – в частности, стали следующие:

– отсутствие гражданского сознания и развитых демократических институтов, практика силовой смены власти и политическая нестабильность;

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

² Джихад (араб.: الجهاد / al-jihād – усилие, борьба) – борьба за веру. Первоначально под джихадом понималась борьба в защиту и за распространение ислама. Обычно джихад означает вооружённую

борьбу с неверными во имя торжества ислама, и в этом значении его синонимом у немусульман выступает «священная война». См. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 66–67.

– взаимозависимость политик и экономик региона: изменения в одной стране нарушают стабильность соседних государств [Атамали 2021: 51].

Многие исследователи говорят о том, что радикализация населения Узбекистана не является собой следствие возрождения интереса к исламу как таковому на постсоветском пространстве. О. Н. Новикова, к примеру, указывает, что причинами радикализации следует назвать, скорее, авторитарный характер властных режимов и бедность населения [Новикова 2021: 208]. Л. Л. Хопёрская, в свою очередь, приходит к следующему выводу: «социальной базой ИГ в государствах Центральной Азии выступает безработная молодежь»; именно бедность становится в абсолютном большинстве причиной роста численности членов экстремистских групп в Узбекистане [Хопёрская 2018: 50]. «Новый халифат» становится для жителей Центральной Азии привлекательной альтернативой суровой постсоветской действительности [Хопёрская 2018: 51].

При этом, если говорить о глубинных причинах роста экстремизма, можно предположить, что он укореняется не в периоде после распада СССР, времени относительного процветания центральноазиатских советских республик, а в более ранних исторических этапах. Данный регион на протяжении столетий отличался обилием политических, социально-экономических и межэтнических проблем, в связи с чем эти территории стали «удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований» [Гусев, Тихова 2019: 83]. Можно сказать, что густонаселенные, раздробленные и социально разнородные области Центральной Азии исторически были предрасположены как к генерации деструктивных общественных объединений, так и к восприятию радикальных идей из-за рубежа.

Тем не менее, всё же в качестве основных причин распространения исламизма в Узбекистане большинство исследователей называет именно текущую социально-

экономическую и политическую ситуацию в стране. С. Б. Маргулис, в частности, говорит, что причинами исламизма в Узбекистане следует считать экономическую стагнацию, низкий уровень заработной платы, безработицу, «всеобъемлющую, тотальную коррупцию», отсутствие социальной защиты [Маргулис 2020: 171]. К.Е. Атамали представляет следующий перечень причин религиозной радикализации населения Узбекистана:

– «повсеместное нарушение справедливости» в обществе, что впоследствии стало основанием для исламистов обосновывать противоправные действия стремлением восстановления справедливости;

– распад СССР привёл к массовому разочарованию людей в новых политических режимах, к экономической стагнации, к идеологическому вакууму, заполненному впоследствии исламом;

– поддержка исламизма из-за рубежа, победа движения «Талибан»¹ в Афганистане, сформировавшая благоприятный фон для роста радикальных настроений;

– этническо-исторические факторы: по мере «огосударствления» Центральной Азии районы проживания различных этнических групп оседлого и кочевого населения вошли в состав различных республик, что привело к этнической гетерогенности и эскалации конфликтов на почве принадлежности к определенному этносу;

– межпоколенческий конфликт: молодые люди, входящие в состав экстремистских группировок, выражают несогласие с официальным духовенством («верхушка суфийских тарикатов») [Атамали 2021: 54].

Помимо вышеперечисленных причин, существует ещё одна, крайне значимая закономерность, которая на сегодняшний момент справедливо считается ключевой предпосылкой и причиной радикальной исламизации и милитаризации Узбекистана. Речь в данном случае идёт, безусловно, о так называемом «афганском факторе». Узбекистан исторически и географически связан с Афганистаном, кроме того, граждане

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

двух стран весьма схожи в религиозном, языковом и культурном аспектах. Текущая ситуация в Афганистане является одной из ключевой тем глобальной геополитической и региональной повесток дня [Хопёрская 2018: 54]. Кроме того, события, происходящие в Афганистане, имеют непосредственное влияние на популяризации исламистского радикального движения в Узбекистане. К примеру, в настоящее время группировка «Исламское государство» имеет свои ячейки, по меньшей мере, в 20 провинциях Афганистана из 34, а общая её численность варьируется от 10 до 20 тыс. человек. Взаимодействие представителей «Талибан» и радикалов из Узбекистана также становится очевидным при рассмотрении отдельно взятых исламистских формирований в Центральной Азии. В качестве одного из таких объединений, играющих знаковую роль в распространении исламизма, выступает «Исламское движение Узбекистана» (узбекск.: Ўзбекистон исломий ҳаракати / O'zbekiston islomiy harakati).

«Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) или Исламское движение Туркестана¹ представляет собой салафитско-джихадистскую военизированную группировку, целью которой является свержение существующего в республике государственного строя для создания шариатского правительства. ИДУ было организовано в 1996 г. после объединения разрозненных группировок в единую политико-военную структуру. Основатель – Тахир Юлдашев, бывший советский военнослужащий (убит предположительно в 2009 г.) В деятельности ИДУ можно усмотреть два вектора – ближний и дальний. Своим «ближним» врагом идеологи ИДУ считают первого президента Узбекистана И. А. Каримова и его последователей, а также иные режимы республик центральноазиатского региона, а врагом

«дальним» – США, Россию, Израиль и другие страны мира. Несмотря на религиозную политику И. А. Каримова, целью которой стало обретение контроля над религиозными учреждениями, ИДУ с 1996 г. начало активно пополняться новыми членами за счёт притока приверженных экстремисткой идеологии граждан Узбекистана, а также за счет лиц, оппозиционно настроенных к правящему режиму. Существенная доля членов ИДУ была сформирована из состава этнических узбеков, проживающих на территории Киргизии и Таджикистана.

Идеологически ИДУ представляет собой радикальный салафитский ислам, с присущей ему опорой на идеи о глобальном джихаде. Иерархия ИДУ предполагает наличие трёх уровней участников: командного состава, моджахедов² и мирного, сочувствующего населения, проявлявшего лояльность по отношению к экстремистам и оказывающего систематическую или точечную поддержку данному формированию. Функционирование ИДУ в течение нескольких десятилетий стало возможным благодаря эффективной военно-идеологической подготовке её участников. В целом система идеологической обработки реализуется в ИДУ согласно шаблонам «Талибана» и «Исламского государства», к сожалению, доказавшим на практике свою состоятельность. При этом, руководство ИДУ в своей стратегии делает акцент на исторической памяти народа Узбекистана, проводя аналогии в т.ч. с басмачами, которые вели справедливое противостояние с представителями советской власти. В приоритетные задачи руководства ИДУ входит дискредитация режима И. А. Каримова и его преемников, а также формирование негативного отношения ко «врагам ислама» в целом, в частности, к христианам и «продолжателям дел коммунистов» [Маргулис, Демиденко 2019: 59]. На современном этапе распространение

участники движения вооруженной афганской оппозиции в период Афганского конфликта 1979–1989, а в последующие годы – боевики движения «Талибан» и мусульманские иностранные наёмники, принимавшие участие в боевых действиях в «горячих точках» по всему миру.

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

² Моджахед (араб. مجاهد / mujāhid – борющийся), согласно мусульманской традиции, участники джихада, как направленного на борьбу с духовными и социальными пороками, так и связанного с вооруженной борьбой против неверных в защиту ислама. Наименование «моджахед» присвоили себе

исламистского экстремизма среди узбекского населения реализуется на базе призывов к антиавторитаризму, противодействию насилию и коррупции правящей администрации [Бактыбаева 2020: 305].

Высокие темпы популяризации ИДУ отчасти объясняются активным медийным присутствием группировки на территории Узбекистана и соседних стран: агитационные материалы и аудиозаписи публикуются на студии «Джундаллах»; ИДУ проводит пропагандистскую работу среди населения, публикует видео казней и акций боевиков, видеоролики, призывающие людей присоединиться к политике джихада [Бактыбаева 2020: 306].

Деятельность ИДУ с момента основания и до сегодняшнего дня характеризуется высокой интенсивностью террористических нападений. Приведем в качестве примеров ряд хронологических эпизодов, дающих представление о целях и методах формирования.

16 февраля 1999 г. боевики взорвали 5 СВУ в Ташкенте. Целью данной серии терактов было убийство президента И. А. Каримова. 9 августа того же года ИДУ похитило мэра и трёх чиновников из населенного пункта, расположенного в западной части Киргизии. 23 августа ИДУ захватило группу японских геологов и восемь киргизских солдат [Бактыбаева 2020: 311–312]. В августе 1999 г. группа из более 600 узбекских радикалов захватила несколько высокогорных сёл на территории Киргизии, и начала продвижение к границам Узбекистана. Однако впоследствии планы по захвату территорий Узбекистана были отложены, а большая часть членов ИДУ была передислоцирована в Афганистан (2000 г.) с целью наращивания ресурсов и проведения военно-идеологической подготовки.

В 2000-х гг. ИДУ примкнуло к талибам для противостояния американским военным силам и, по сути, на данном этапе перестало существовать как самостоятельная группировка. Более того, в 2014 г. лидер узбекских экстремистов Усман Гази (убит талибами осенью 2015 г.) присягнул Исламскому государству, что привело к дополнительному оттоку членов ИДУ в ряды

группировок «Талибан» и «Исламское государство Хорасан» [Маргулис, Демиденко 2019: 59]. До прихода к власти «Талибана» основные отряды ИДУ базировались в северных провинциях Афганистана – Фарьяб, Сари-Пуль и Джаузджан [Малышева 2022: 100]. Наибольшая активность наблюдалась в близких к афгано-таджикской и афгано-узбекской границе населённых пунктов. Штаб-квартира же находилась в г. Кветта (Исламская республика Пакистан). Представители ИДУ принимали участие в военном конфликте в Сирии, где вели боевые действия против правительственных сил. В результате многие из полевых командиров были убиты, а в самой группировке с 2015 г. наблюдался раскол после смерти Усмана Гази.

Сегодня же фиксируется обратная тенденция: ИДУ, можно сказать, наращивает ресурсную базу, возвращается на территорию Узбекистана и постепенно обособляется от иных крупных формирований, фокусируясь на территории страны и борьбе с её официальным режимом. По разным оценкам, в настоящее время ИДУ может насчитывать от 700 до 2000 человек, включая членов семей боевиков, а также выходцев из Центральной Азии, которые покинули ИГ – Хорасан и вступили в ряды ИДУ [Малышева 2022: 100].

Проблема религиозного экстремизма сохраняет высокую актуальность в Узбекистане, в связи с чем его республиканские власти предпринимают систематические попытки нейтрализовать данную внутреннюю угрозу. Во многом меры и реформы, проводимые правительством, обусловлены давлением международной общественности и руководством соседних стран, в частности России. Ведь Узбекистан становится «осиным гнездом», откуда идеи радикального ислама стали проникать на территории всех остальных республик Центральной Азии» [Булкин, Моисеенко 2020: 483].

Вышеотмеченная череда терактов и похищений, произошедших в 1999 г., привели к необходимости модернизации законодательного массива страны. В частности, был утверждён Закон «О борьбе с

терроризмом»¹, внесены изменения в Уголовный Кодекс², Закон «О свободе совести и религиозных объединениях»³. В последующем Узбекистан присоединился к Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁴, наряду с Россией, Таджикистаном, Китаем, Казахстаном и Кыргызстаном.

Жёсткие меры, тотальный мониторинг проявлений экстремизма, безусловно, стали действенными шагами по снижению градуса радикального исламизма в стране, однако полностью нейтрализовать данную тенденцию, к сожалению, не представляется возможным в ближайшей перспективе. Среди последних попыток взять под контроль процессы радикальной исламизации в Узбекистане можно отметить Закон «О противодействии экстремизму» от 2018 г.⁵ Более того, в Узбекистане действует норма пожизненного заключения за участие в террористической формации⁶. Не исключена также реформа по возврату практики смертной казни. Отдельно следует выделить законодательную норму, предусматривающую лишение гражданства страны для участников экстремистских организаций⁷.

Как отмечено выше, исламисты распространяют сведения о своей деятельности и ведут пропаганду среди населения посредством СМИ. Это обстоятельство привело к осознанию правительством Узбекистаном того факта, что в данном случае необходима ответная симметричная мера. Таким образом, в течение 5 последних лет была выстроена система масс-медийного инструментария, применяемого в целях нейтрализации исламистской пропаганды.

Как и во многих других странах, ИДУ, помимо прочих радикальных экстремистских

формирований, довольно быстро и действенно освоило виртуальное пространство в целях пропаганды и вербовки новых сторонников. Во многих случаях сетевая активность идеологов ИДУ распространяется и на граждан Российской Федерации, а также Киргизии, Таджикистана, Афганистана и иных стран. В связи с этим в 2018 г. правительства Узбекистана и Таджикистана подписали план комплексной стратегии «Чистая сеть», призванный имплементировать систему виртуального мониторинга интернет-публикаций и трекинга подозрительной активности [Хопёрская 2018: 51].

Рассмотрев текущие тенденции и факты, мы можем сказать, что в целом правительство Узбекистана довольно успешно борется с организованной преступностью, связанной с радикальными исламскими концепциями. Тем не менее, нерешёнными остаются причины, приведшие к распространению идей ИДУ в стране – безработица, низкий уровень социальной защиты населения или её принципиальное отсутствие, недостаточный авторитет «официального» духовенства, политическая нестабильность и рост оппозиционных настроений.

В данном контексте вполне логичным представляется тот факт, что международное сообщество и страны-соседи проявляют заинтересованность в обеспечении антитеррористической безопасности в Узбекистане. Республика ведёт активное сотрудничество в рассматриваемой нами области в контексте функционирования организаций СНГ, ОДКБ и ШОС.

Деятельность ИДУ с течением времени приобретает глобальный масштаб. Как указывают Л.Ю. Гусев и В.В. Тихова, к концу 1990-х гг. ИДУ представляла собой «несколько сотен узбекских и таджикских боевиков, но теперь в ней тысячи боевиков из

¹ Закон Республики Узбекистан, от 15.12.2000 г. № 167-II.

² Закон Республики Узбекистан, от 23.09.2016 г. № ЗРУ-411.

³ Закон Республики Узбекистан, от 05.07.2021 г. № ЗРУ-699.

⁴ Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан, от 30.08.2001 г. № 274-II.

⁵ Закон Республики Узбекистан, от 30.07.2018 г. № ЗРУ-489.

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. N 2012-II).

⁷ Закон Республики Узбекистан, от 10.08.2015 г. № ЗРУ-389.

всех государств Центральной Азии, а также Китая, Турции, Азербайджана и России» [Гусев, Тихова 2019: 83]. Все вышеперечисленные страны, а также многие другие государства выражают обеспокоенность по данному поводу. В Киргизии, к примеру, ИДУ является лидирующей по количеству членов исламистской организацией [Сафарова 2018: 602].

В заключение следует рассмотреть возможные пути развития событий в Узбекистане. Отметим, что сегодня «Исламское движение Узбекистана» – самое сильное и агрессивное формирование в центральноазиатском регионе. Группировка, безусловно, представляет долгосрочную угрозу и взаимодействует со многими иными объединениями, в том числе и из России. Потенциально исламистский радикализм может оказать значимое негативное влияние на динамику сотрудничества России и Узбекистана [Базылева, Черненко 2016: 512].

Согласимся с А.И. Кулагиным, по мнению которого, существует риск того, что УДУ способно «вдохновиться лёгкой победой талибов и активизировать свою деятельность на постсоветском пространстве» [Кулагин 2016: 112]. М.Г. Зинчук, в свою очередь, также приходит к выводу о том, что «победа талибов может поменять сознание и других радикально настроенных группировок» [Зинчук 2022: 55]. Анализируя

существующие авторские позиции [Казанцев, Гусев 2018; Маргулис, Демиденко 2019; Новикова 2021; Савкович 2017 и др.] в отношении будущего Узбекистана как источника радикалистской нестабильности на постсоветском пространстве, можно говорить о том, что в научном массиве существует два взгляда в отношении рассматриваемого вопроса: мнения о пессимистичном сценарии развития событий в Узбекистане и оптимистичные прогнозы.

Согласно пессимистичным оценкам, Узбекистан столкнётся с дальнейшим ухудшением социально-экономического положения «на фоне ослабления государственного контроля и позиций силовых структур», и станет возможен революционный взрыв» [Казанцев, Гусев 2018: 300]. Такая ситуация, безусловно, усилит позиции радикальных исламистов и существенно обострит террористическую угрозу для России. В рамках же второго из обозначенных подходов проявится эффективность текущих правительственных реформ и международного сотрудничества ради обеспечения стабильности в регионе. Меры по либерализации экономики могут создать предпосылки для повышения качества жизни граждан, усиления притока зарубежного капитала, и, как следствие, будут способствовать угасанию радикальных настроений в широких массах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.
- Атамали К.Е.* Терроризм как угроза региональной безопасности Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2021. № 2 (320). С. 51–59.
- Ахмедов Х.Т.У.* Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 4. С. 1180-1186.
- Базылева С.П., Черненко Е.Ф.* Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 505–520.
- Бактыбаева А.Н.* Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. № 4. С. 304–314.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. № 6. С. 479–486.

- Гусев Л.Ю., Тихова В.В. Вызовы безопасности на постсоветском пространстве на примере стран Южного Кавказа и Центральной Азии // *Обозреватель – Observer*. 2019. № 1 (348). С. 76–86.
- Зинчук М.Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти движения «Талибан» в Афганистане // *Постсоветские исследования*. 2022. № 1. С. 50–56.
- Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018. № 2. С. 292–303.
- Кулагин А.И. Афганский наркотрафик – угрозы для России и Европы // *Научный журнал*. 2016. № 7 (8). С. 111–118.
- Курьлев К.П., Курбанов Р.М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // *Журнал политических исследований*. 2019. Т. 3. № 1. С. 76–82.
- Курьлев К.П., Рамич М.С. Терроризм в Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2020. № 2. С. 91–102.
- Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия: угроза религиозного экстремизма с юга // *Международная жизнь*. 2022. № 6. С. 96–105.
- Маргулис С.Б. Доктринальные основы формирования исламского фундаментализма // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 165–174.
- Маргулис С.Б., Демиденко С.Б. К вопросу о радикализации ислама в Центральной Азии на примере ИДУ и ПИВТ // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2019. № 6. С. 44–63.
- Новикова О.Н. В зоне внимания Европы: процессы радикализации в Центральной Азии // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 4 (112). С. 191–216.
- Савкович Е.В. Республика Узбекистан: Российский и китайский вектор. Взгляд из Сибири // *The Newman in Foreign policy*. 2017. № 39 (83). С. 67–68.
- Сафарова Г.Ф. Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии // *Постсоветские исследования*. 2018. № 6. С. 600–615.
- Хопёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // *Caucasian Science Bridge*. 2018. № 1 (1). С. 49–62.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P. Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. Т. 17. № 4. S. 738–748.
- Ahmedov H.T.U. Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoj integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v Central'noaziatskom regione // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. Т. 2. № 4. S. 1180–1186.
- Atamali K.E. Terrorizm kak ugroza regional'noj bezopasnosti Tsentral'noj Azii // *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2021. № 2 (320). S. 51–59.
- Bazyleva S.P., Chernenko E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchiy faktor na yevraziyskom prostranstve // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2016. № 3. S. 505–520.
- Baktybayeva A.N. Terrorizm v SNG: uzbekskiy dzhikhadizm. Islamskoye dvizheniye Uzbekistana // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020. № 4. S. 304–314.
- Bulkin V.V., Moiseyenko K.S. Terrorizm v Tsentral'noj Azii (Tadzhikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020. № 6. S. 479–486.
- Gusev L.YU., Tikhova V.V. Vyzovy bezopasnosti na postsovetskom prostranstve na primere stran Yuzhnogo Kavkaza i Tsentral'noj Azii // *Obozrevatel' – Observer*. 2019. № 1 (348). S. 76–86.

- Zinchuk M.G. Posledstviya dlya stran SNG prikhoda k vlasti dvizheniya «Taliban» v Afganistane // Postsovetskiye issledovaniya. 2022. № 1. S. 50–56.
- Kazantsev A.A., Gusev L.YU. Reformy vo vneshney politike Uzbekistana: osnovnyye dostizheniya i stsennariy razvitiya // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. № 2. S. 292–303.
- Kulagin A.I. Afganskiy narkotrafik – ugrozy dlya Rossii i Yevropy // Nauchnyy zhurnal. 2016. № 7 (8). S. 111–118.
- Kurylev K.P., Kurbanov R.M. Ponyatie «mezhdunarodnyj terrorism» soglasno konstruktivistskoj shkole mezhdunarodnyh otnoshenij // ZHurnal politicheskikh issledovanij. 2019. T.3. № 1. S. 76–82.
- Kurylev K.P., Ramich M.S. Terrorism v Central'noj Azii i Sin'czyan-Ujgurskom avtonomnom rajone Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Vestnik RGGU. Seriya «Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2020. № 2. S. 91–102. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-2-91-102
- Malysheva D.B. Postsovetskaya Tsentral'naya Aziya: ugroza religioznogo ekstremizma s yuga // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2022. № 6. S. 96–105.
- Margulis S.B. Doktrinal'nyye osnovy formirovaniya islamskogo fundamentalizma // Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2020. № 3. S. 165–174.
- Margulis S.B., Demidenko S.B. K voprosu o radikalizatsii islama v Tsentral'noy Azii na primere IDU i PIVT // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2019. № 6. S. 44–63.
- Novikova O.N. V zone vnimaniya Yevropy: protsessy radikalizatsii v Tsentral'noy Azii // Aktual'nyye problemy Yevropy. 2021. № 4 (112). S. 191–216.
- Savkovich E.V. Respublika Uzbekistan: Rossiyskiy i kitayskiy vektor. Vzgl'yad iz Sibiri // The Newman in Foreign policy. 2017. № 39 (83). S. 67–68.
- Safarova G.F. Evolyutsiya islamskogo ekstremizma v stranakh Tsentral'noy Azii // Postsovetskiye issledovaniya. 2018. № 6. S. 600–615.
- Khoporskaya L.L. «Islamskoye gosudarstvo 2.0»: narastayushchaya ugroza na yevraziyskom prostranstve // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (1). S. 49–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щерба Антон Александрович,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223149@rudn.ru

Ахмедова Нигина Сухбатовна,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223147@rudn.ru

Казьмина Елизавета Денисовна,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223152@rudn.ru

Anton A. Shcherba, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223149@rudn.ru

Nigina S. Akhmedova, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223147@rudn.ru

Elizaveta D. Kazmina, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223152@rudn.ru